

ЛИКИ ЕДИНЕНИЯ В ЯЗЫКЕ И ДИСКУРСЕ

Монография

Издание подготовлено при финансовой поддержке Российского научного фонда

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»

ЛИКИ ЕДИНЕНИЯ В ЯЗЫКЕ И ДИСКУРСЕ

Монография

Исследование выполнено за счет
средств гранта Российского научного
фонда, проект № 20-68-46003
Семантика единения и вражды в
русской лексике и фразеологии:
системно-языковые данные и дискурс

The study is supported by Russian Science
Foundation, project No. 20-68-46003
“The Semantics of Unity and Animosity
in Russian Lexis and Phraseology:
Language System and Discourse”

Екатеринбург
Издательский дом «Ажур»
2022

УДК 016:811.161.1:39

ББК 91.9:81'

Л56

Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда,
проект № 20-68-46003 Семантика единения и вражды в русской лексике и фразеологии:
системно-языковые данные и дискурс

Рецензенты:

д-р филол. наук, проф. *Т. Г. Никитина* (Псковский государственный университет)
д-р филол. наук, проф. *Т. Б. Радбиль* (Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского)

Л56 Лики единения в языке и дискурсе : монография / Т. В. Дуб-
ровская, А. Н. Кислицина, Т. В. Леонтьева, Л. Н. Ребрина,
А. С. Семехина, А. В. Щетинина ; под ред. Т. В. Леонтьевой. —
Екатеринбург : Ажур, 2022. — 292 с.

ISBN 978-5-91256-571-7

В монографии представлены результаты изучения слов, выражений, текстов, выражающих идею единения. Через анализ языковых данных в данной книге исследуются такие феномены, как дружба (эта-лонное единение, поскольку в традиционном понимании она характери-зуется безусловностью), некоторые новые коммуникативные практики цифрового общества (мемы общественной поддержки, явление «шип-перства» и концепция новой искренности) и национальное единение (оно составляет основу государственности и находит выражение в раз-личных дискурсах).

Книга адресована специалистам в области лингвокультурологии, социолингвистики, когнитивной лингвистики, этнолингвистики, другим ученым гуманитарного профиля, журналистам и всем, кто с интересом и чуткостью наблюдает за языковыми явлениями.

УДК 016:811.161.1:39

ББК 91.9:81'

ISBN 978-5-91256-571-7

© Дубровская Т. В., 2022

© Кислицина А. Н., 2022

© Леонтьева Т. В., 2022

© Ребрина Л. Н., 2022

© Семехина А. С., 2022

© Щетинина А. В., 2022

© Уральский федеральный ун-т, 2022

© Издательский дом «Ажур», 2022

Оглавление

Предисловие	5
Дружба истинная и ненастоящая: лексические репрезентанты в русском языке (Т. В. Леонтьева, А. С. Семехина, А. В. Щетинина)	11
1.1. <i>Друзья кровные, прямые, мирные</i> : А. С. Пушкин о дружбе (Т. В. Леонтьева)	14
1.2. Выражение <i>женская дружба</i> в медиатекстах и сетевом дискурсе (А. С. Семехина, А. В. Щетинина)	35
1.3. Друг-враг : номинация для обозначения амбивалентных отношений (Т. В. Леонтьева, А. В. Щетинина)	54
Конфигурации смыслов единения в интернет- коммуникации (Т. В. Леонтьева, Л. Н. Ребрина, А. В. Щетинина)	62
2.1. Интернет-мемы 2019—2021 годов: трансляции смыслов единения в интернет-коммуникации (Л. Н. Ребрина)	64
2.2. Шипперство: виртуальная солидаризация по интересам в отражении русскоязычных неологизмов (Т. В. Леонтьева)	104
2.3. Новая искренность: человек в публичном пространстве (Т. В. Леонтьева, А. В. Щетинина)	123
Национальное единение в зеркале языка (А. Н. Кислицина, Т. В. Леонтьева, А. С. Семёхина, А. В. Щетинина)	145
3. 1. Языковая репрезентация идеи национального единения в медийном дискурсе (А. С. Семёхина, А. В. Щетинина)	148
3. 2. Фразеология на службе политтехнологий: вовлечение в общественные акции (Т. В. Леонтьева, А. В. Щетинина) ...	169
3. 3. Национально-культурные ценности в пространстве повседневности (А. Н. Кислицина, А. В. Щетинина).	186

Маркеры единения в правовом и политико-правовом дискурсе (Т. В. Дубровская)	196
4.1. Дискурс-анализ как метод исследования социума	200
4.2. Лексемы с корневой морфемой – <i>един</i> –: лексическое гнездо и функционирование в текстах документов	216
4.3. Лексические единицы с корневой морфемой – <i>цел</i> –: о целостности государства.....	239
4.4. Сложные лексемы с морфемами <i>меж</i> – / <i>между</i> –, <i>взаимо</i> – и <i>обще</i> –: дискурсивное конструирование взаимодействия	245
Заключение	265
Литература	267

Предисловие

Известный закон ускоренного распространения негативной информации в группах общения, тенденция количественного преобладания отрицательно-окрашенной лексики над языковыми единицами, оценочно нейтральными или выражающими позитивные характеристики, а также закономерно большее внимание общества к социокультурным явлениям, несущим опасность, имеют следствием количественный перевес в пользу научных исследований, посвященных феноменам вражды, конфликта. Единение же привлекает внимание значительно реже, остается на периферии, так как не входит в зону социального напряжения. Следовательно, и лексике единения, солидаризации, образования союзов и под. уделяется внимание существенно меньшее, чем лексике вражды. В этой книге мы сконцентрируемся на тех элементах словарного состава современного русского языка, которые служат наименованиями разнообразных единств, механизмов солидаризации и т. д.

Между тем нельзя не предварить изложение утверждением, что единение амбивалентно, так как не может быть всеобщим, ведь процесс образования коллектива одновременно означает отделение и противопоставление группы всем прочим, оставшимся за ее пределами, и к тому же единение вовсе не означает образование союзов и общностей исключительно для благих целей.

Тематика единения реализуется в самых разных словах, речевых оборотах, из которых в книге освеще-

на лишь малая часть, и основное внимание уделено новым явлениям и форматам коммуникации, которые закрепляются в социуме в связи с развитием сети Интернет, и средствам их номинации. Глобализационные процессы, с одной стороны, стирают границы, созданные человеком: экономические, политические, национальные, культурные, языковые. С другой стороны, эти границы снова становятся явными, видимыми, особенно в кризисные периоды на фоне коренной ломки локальных традиций, санкций, антиковидных ограничений, конкуренции в разных сферах — науке, образовании, торговле и т. д. В столкновении традиций и новаций решающую роль сегодня играют информационные технологии, предоставляя огромное, слабо структурированное и сложное для мониторинга процессов пространство для разных форм коммуникации: «Развитие технологий и интернет сетей пока приводит скорее к закреплению хомо люденс — человека играющего <...> Сетевые сообщества и группы порождают погоню за лайками и подписчиками» [Водолазов и др., 2020, с. 219].

Выбор между глобализацией и глокализацией не утрачивает актуальности на всех уровнях культуры. На макроуровне действующими игроками выступают государства и международные структуры, на микроуровне актором является человек, носитель языка и локальной культуры, оказывающийся на перепутье культур и языков, осваивающий новые модели поведения, часто не успевая примерить к ним предварительно критический инструментарий, проверить на совместимость с культурной средой, к которой принадлежит.

В условиях нарастания глобализационных процессов форматы коммуникаций эволюционируют. Особенно хорошо это видно в периоды коренных перемен в коммуникативных практиках. Изменения настолько существенны, что ученые рекомендуют органам государственной безопасности признать эти перемены и перестроить свою работу в соответствии с ними, например: «Better account for the speed, ubiquity and mobility of human interaction in the evolving communication environment» [Gilmore et al., 2012, p. 208] («Лучше учитывать скорость, повсеместность и мобильность человеческого взаимодействия в развивающейся коммуникационной среде») (здесь и далее в предисловии перевод наш. — Т.Л.). Ср. также: «Dynamics of social change, and the social construction of reality, lie at the root of contemporary security problems» [Eyre et al., 2012, p. 179] («Динамика социальных изменений и социальное конструирование реальности лежат в основе современных проблем безопасности»).

Феномены и объекты коммуникативной сферы имеют свои названия, и изучение таких слов может пролить свет на состояние социально-психологической действительности. Язык и социум не могут быть изолированными друг от друга, они меняются вместе.

Текст и слово оцениваются учеными как носители информации **разной степени объективности**. Текст способен выразить любые мнения, то есть фиксирует как объективную, так и субъективную информацию, в то время как однословная единица — это выразитель связанного, цельного смысла безотносительно к мнению человека, употребляющего это слово в речи, ср.: «Ассоциативные поля и “свободные” текстовые связи отражают

индивидуализированное знание <...> оно <...> детерминируется изменчивыми вкусами и мнениями отдельных лиц <...> Анализ языкового узуса (типовой сочетаемости, деривационных связей и др.) дает объективированные данные, которые выражают некую понятную для всех носителей языка установку» [Березович, 2009, с. 31].

Таким образом, человек может выражать свое мнение посредством текста — осознанно, развернуто, аргументированно. Но не менее (а может быть, более) показателен выбор говорящим того или иного слова, иногда неосознаваемый. Соответственно, исследователь может анализировать рассуждения о коммуникации, но также предметом анализа может выступить слово и стоящий за ним смысл.

Слова рассматриваются как **объективные показатели социальных процессов**.

Например, на уровне дискурса соотношение слов в разных текстах может служить основанием для выводов о различиях мировоззрений авторов этих текстов. Так, Марисоль дель-Тесо-Кравиотто изучает распределение слов “*woman*”, “*man*”, “*work*” в публикациях из четырех журналов (US women’s magazines: *Good Housekeeping*, *Cosmopolitan*, *Working Woman* and *Ms.*) и приходит к выводу о том, что они «are used in ways that reveal the magazines’ position towards women and femininity» [del-Teso-Craviotto, 2006, p. 2003] («используются таким образом, чтобы раскрыть позицию журналов по отношению к женщинам и женственности»).

Способом выявления представлений о социуме нередко выступает анализ метафоры, то есть внутренней формы слова. Например, Татьяна Сафонова исследует

сравнения «государство — сад», «мигранты — вредители»: «The metaphor of migrant as pest has a painful history of being used by the Nazi regime, but despite its bad reputation, it is still in demand» [Safonova, 2020, p. 5] («Метафора мигранта как вредителя имеет болезненную историю использования нацистским режимом, но, несмотря на плохую репутацию, она по-прежнему пользуется спросом»).

Наконец, собственно понятийный слой, который находит воплощение в лексемах и фразеологизмах, постоянно является предметом исследования, и не только в лингвистических работах, но и в философских, антропологических, этнологических, социологических публикациях. Так, Клифф Годдард в своей работе останавливается на анализе сочетаемости английского слова *culture* (*police culture*, *Barbie culture*, *argument culture*, *culture of complaint*, etc.), с тем чтобы прояснить понятие: «Though it is sometimes observed that the meaning of the English word *culture* is highly language-specific, its precise lexical semantics has received surprisingly little attention» [Goddard, 2005, p. 51] («Хотя иногда можно заметить, что значение английского слова *культура* сильно зависит от языка, его точной лексической семантике уделяется на удивление мало внимания»). Рефлексия над понятийным фондом языка часто имеет результатом разработку самых разнообразных словарей, энциклопедий, справочников. Их наличие позволяет обеспечить корректность коммуникации, взаимопонимание между адресантом и адресатом.

Особенной же актуальностью на любой момент времени обладает наблюдение над **изменениями**, накапливающимися в лексике, в значениях слов, в тех оценоч-

ных и прагматических смыслах, которые обусловлены социальными изменениями. Через языковые данные исследователь движется к осмыслению действительности, в частности — ее социокультурных параметров.

Посредством процедур лексико-семантического анализа в данной книге исследуются такие феномены, как дружба (эталонное единение, поскольку в традиционном понимании она характеризуется безусловностью), некоторые новые коммуникативные практики цифрового общества (мемы общественной поддержки, явление «шипперства» и концепция новой искренности) и национальное единение (оно составляет основу государственности и находит выражение в различных дискурсах).

Наблюдения над языковыми единицами, принадлежащими перечисленным тематическим группам, велись на материале имеющихся словарей и текстов, преимущественно современных, размещенных на различных интернет-ресурсах, в том числе в СМИ (при цитировании в книге иллюстративного материала сохранены орфография и пунктуация источников). Результаты исследований изложены в четырех главах книги, которые представляют собой рассуждения о семантике ряда слов и выражений и особенностях их употребления в русской речи.

РАЗДЕЛ 1

ДРУЖБА ИСТИННАЯ И НЕНАСТОЯЩАЯ: ЛЕКСИЧЕСКИЕ РЕПРЕЗЕНТАНТЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Авторы:

Леонтьева Татьяна Валерьевна

Семехина Анастасия Сергеевна

Щетинина Анна Викторовна

От авторов:

Дружба — одно из понятий, лежащих на оппозиционной шкале «единение — вражда». Авторы монографии на протяжении многих лет разрабатывают темы, связанные с изучением лексических репрезентаций этого коммуникативного феномена, ежегодно обращаясь к различным его аспектам, попавшим в фокус языка. Ср.:

Леонтьева Т. В. Средства номинации понятий «друг», «дружба», «дружить» в русских народных говорах : мотивационный анализ / Т. В. Леонтьева // Язык. Текст. Дискурс : научный альманах Ставропольского отделения РАЛК / под редакцией проф. Г. Н. Маенаенко. — Вып. 9. — Ставрополь : Издво СГПИ, 2011. — С. 159—167.

Леонтьева Т. В. Лексика дружбы : перспективы изучения / Т. В. Леонтьева // Социокультурное пространство России и зарубежья : общество, образование, язык. — 2016. — Вып. 5. — С. 71—78.

Леонтьева Т. В. Народ и народный певец о дружбе : диссонанс слов и понятий / Т. В. Леонтьева // Пушкин как социокультурный феномен на постсоветском европейском пространстве : сборник статей Международной научно-практической конференции ; ответственный редактор С. Н. Пяткин. — Арзамас — Нижний Новгород — Комрат, 2019. — С. 117—129.

Леонтьева Т. В. А. С. Пушкин : слово о дружбе (1814–1822–1830) / Т. В. Леонтьева // Болдинские чтения 2020 ; Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского ; Гос. лит.-мемор. и природ. музей-заповедник А. С. Пушкина «Болдино» ; ответственный редактор И. С. Юхнова]. — Нижний Новгород : ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2020. — С. 26—42.

Леонтьева Т. В. Концепты ДРУЖБА и ДРУГ в лексикографической парадигме (проект паремиологического словаря) / Т. В. Леонтьева, В. М. Мокиенко // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2022. — № 24 (2). — С. 165—176. — DOI: 10.21603/2078-8975-2022-24-2-165-176.

Леонтьева Т. В. Из восточнославянской паремиологической орнитологии: друзья и враги сороки / Т. В. Леонтьева, В. М. Мокиенко // Русские традиции бытовой лингвокультуры в славянском пограничье : научные доклады участников Международного научно-просветительского форума (г. Новозыбков, Брянская область, 17—20 мая 2022 г.) / редакционная коллегия : С. Н. Стародубец, В. Н. Пустовойтов, С. М. Пронченко. — Брянск : БГУ, 2022. — С. 68—74.

Мокиенко В. М. Паремиологическое пространство лексико-фразеологического комплекса «ДРУГ» / В. М. Мокиенко // Время языка : сборник статей памяти профессора В. В. Колесова. — Санкт-Петербург : Златоуст, 2021. — С. 249—275.

Коммуникативные практики первых десятилетий XXI века в некоторой степени обусловили изменение представлений о дружбе, чему немало способствовало, например, развитие «сетевой номенклатуры», в которую оказалось вовлеченным слово *друг* как обозначение подписчиков блогов и других персональных интернет-ресурсов.

Но во все времена, как только предметом обсуждения становится частная история личных отношений, а не абстрактное понятие, так или иначе важность приобретает тема «настоящей / ненастоящей дружбы», которой мы уделим специальное внимание в данной книге.

Черты «настоящей» дружбы, которую относят к числу ключевых концептов русской культуры, реконструированы на основе архаичной сочетаемости слова *друг*, зафиксированной в поэзии А. С. Пушкина, а также их можно разглядеть в смысловом комплексе, стоящем за выражением *мужская дружба*. Ипостаси дружбы «ненастоящей» представлены через посредство таких номинаций, как *друг-враг* и *женская дружба*.

1.1. Друзья кровные, прямые, мирные : А. С. Пушкин о дружбе ¹

Автор: Леонтьева, Т. В.

Аннотация

Сочетаемость слова **друг** меняется с течением времени. Поэтические строки А. С. Пушкина содержат такие обозначения, как **кровные друзья**, **друг прямой**, **мирные друзья**, которые в восприятии носителей современного русского языка необычны, неупотребительны. Анализ указанных атрибутивных сочетаний проводится методами дефиниционного, контекстного, лингвокультурологического анализа на материале текстового материала, извлеченного из Национального корпуса русского языка. Значения устаревших выражений реконструируются на основе анализа текстовых употреблений. Выражением **кровные друзья** обозначались 'люди, связанные крепкой дружбой' и 'люди одного класса'. Физическое родство послужило прообразом для когнитивного осмысления духовной близости и социально-классовой идентификации. Однако связь между первичной и вторичной семантикой здесь не столь прямая, она опосредована культурным слоем — обычаем побратимства, формы искусственного родства, отмечаемого у многих народов. В большинстве примеров употребления речевого оборота **прямой друг** подчеркивается смысл 'тот, кто честно, прямо высказывает свое мнение кому-либо'. Выражение **мирные друзья** предлагается толковать как основанное на удвоении смысла 'находящийся в отношениях согласия', присутствующего одновременно и в структуре значения слова **мирный**, и в составе сем слова **друг**. Результаты исследования могут быть учтены при составлении словарей русского языка, а также использованы в преподавании языковедческих дисциплин, так как указанные речевые обороты, претендующие на статус устойчивых выражений, не отражены ни в одном из лексикографических изданий.

¹ Данный раздел монографии подготовлен на основе научной статьи, опубликованной в рамках гранта: Леонтьева Т. В. Архаичные именованья друзей: об адъективных атрибутах кровные, прямые, мирные / Т. В. Леонтьева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия: Языкознание. 2020. № 19 (6). С. 58-68. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.6.5>.

1.1.1. Вводные замечания

Наблюдение над художественными текстами разных лет в сравнении с современной речевой практикой дает материал для осмысления языковых изменений. Так, анализируя стихотворения А. С. Пушкина, мы обратили внимание на очевидные различия в сочетаемости слова *друг* в его текстах и в узусе носителя современного русского языка. Наряду с привычными слуху сочетаниями *любезный друг, бесценный друг, юные друзья, настоящий друг* и другими поэтические строки А. С. Пушкина содержат несколько неожиданные в восприятии носителей современного русского языка обороты: *кровные друзья, друг прямой, мирные друзья*. Эти текстовые свидетельства указывают на то, что сочетаемость слова *друг* с прилагательными меняется с течением времени.

Три названных выражения на сегодняшний день вышли из употребления, но зафиксированы в более ранних, не только пушкинских, текстах.

Каждый из оборотов представляет собой атрибутивную конструкцию (построенную по модели «адъектив + субстатив»), или «атрибутивно-именное словосочетание» [Синкевич, 2010, с. 240], или «простое двучленное сочетание слов, в котором функцию стержневого компонента выполняет имя существительное, находящееся в постпозиции по отношению к контактному расположенному зависимому имени прилагательному и соединенное с ним связью согласования» [Юдина, 2006, с. 3]. Последнее определение можно принять с учетом возможной инверсии, особенно частотной в поэтических текстах. При изучении этих конструкций в отечественной и зарубежной лингвистике ведущее место занимают вопросы о сочета-

емостных ограничениях, о совместимости или несовместимости языковых единиц. В этом же ключе и мы подошли к выбору и анализу указанных словосочетаний, поскольку на первом плане оказывается истолкование прилагательных, входящих в состав этих оборотов, с позиций их семантической оправданности на фоне известной избирательности лексем в «типовых» контекстах.

Тема дружбы — одна из ключевых для понимания мироощущения поэта: «Вино, любовь, дружба — непрекаемые ценности эстетического кодекса юного Пушкина, важные слагаемые эпикурейства» [Никишов, 2003, с. 99—100]; «Дружба, бывшая в ранних стихах поэта традиционным синонимом пиров, лености, теперь уже окончательно обретает статус ценности высшего порядка, над которой не властны время и сама смерть» [Ян Ен Лан, 2006, с. 19]. Таким образом, литературный контекст первично накладывает свой отпечаток на избранный материал исследования, однако в ходе разысканий мы установили, что рассматриваемые выражения нельзя отнести к числу индивидуально-авторских, окказиональных единиц, так как они выявляются в прозаических текстах других авторов и эпох.

К рассмотрению атрибутивных словосочетаний со словами *друг*, *дружба* в сопоставлении с подобными сочетаниями английского языка на материале текстовых онлайн-корпусов обращались Э. А. Дудуева и З. Э. Борлакова [Дудуева и др., 2018, с. 128]. Они сконцентрировались на статистических данных, в частности, установили, что количественное преимущество имеют конструкции данного типа в английском языке, англоязычный материал оценен также как отличающийся разнообразием, рус-

ский же материал, к сожалению, не приводится вовсе. Другие работы, авторы которых посвятили бы целенаправленное внимание адъективным словосочетаниям со словом *друг*, нам неизвестны.

1.1.2. *Кровные друзья*: образно воплощенная семантика принадлежности к социальному кругу

В одном из ранних поэтических опытов А. С. Пушкина встречаем сочетание *кровные друзья*, которым бес по имени Мóлок, соблазняя монаха Панкратия богатством (*Богатства все полют к тебе рекою, <...> я в знать тебя пушу, <...> Всех кланяться заставлю богачу* (Монах, 1813) [Пушкин, 1977, т. 1, с. 21]), характеризует будущие, обещаемые отношения монаха со знатными и могущественными людьми: *Потом всю знать (с министрами, с князьями / Ведь будешь жить, как с **кровными друзьями**) / Ты позовешь на пышный свой обед* (Монах, 1813) [Там же]. Бес сулит монаху все прелести жизни в роскоши, материальный достаток, а главное — возможность войти в другой круг, иной социальный класс, и вербальным маркером это обещания выступает оборот *кровные друзья*, посредством которого очень точно «схвачена» суть посула: слово *друзья* фиксирует сему ‘отношения близости’. Образный компонент *кровь* закрепляет акцент на семе ‘родство, принадлежность к одному роду’ и выступает средством характеристики принадлежности к социальному классу: физическое родство — метафорический аналог классовой идентификации.

Незнакомое носителю современного русского языка, это выражение ему интуитивно вполне понятно, поскольку невозможно ошибиться в его сходстве с узу-

ально закрепленными сочетаниями *кровные братья / сестры / дети / родственники, кровные узы, кровная связь*, из которых два последних способны называть не только отношения кровного родства, но и тесные, близкие отношения. Способность слова характеризовать отношения людей, не состоящих в генетическом родстве, подтверждается составом его значений в словарях. Согласно лексикографическим источникам, слово *кровный* имеет в спектре значений переносное, формулируемое с использованием дифференциальных признаков ‘близость’ и ‘духовный’: ‘основанный на духовной близости, связанный дружескими отношениями; сердечный’ (*Уж вы, братцы мои, други кровные, Поцалуемтесь да обнимемтесь На последнее расставание.* — М. Лермонтов, Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова, 1837) [ССРЛЯ, т. 5, с. 1680], ‘прочный, неразрывный благодаря общим интересам, духовной близости’ (*За всю свою многотрудную жизнь он [И А Каблуков] не терял кровной связи с народом.* — А. Н. Толстой. Большой ученый; *Поднимем же песню за доблесть и славу, За кровное братство бойцов.* — Сурков, Застольная песня) [СлРЯ, т. 2, с. 132].

Любопытно, что в одном из недавно изданных словарей, а значит, точнее фиксирующих современную языковую практику, прилагательное *кровный* не содержит семантемы ‘дружески близкий’ в спектре значений: «**КРОВНЫЙ**, ая, ое. 1. Основанный на общем происхождении от одних родителей. *Кровное родство. К. брат.* 2. перен. Очень близкий, непосредственно касающийся когон. *Кровная связь писателя с народом. Кровно* (нареч.) *заинтересован в чёмн.* 3. О животных: то же, что породи-

стый. *К. рысак*. **4. кровные**, -ых. Свои собственные деньги (прост.). *Жалко отдавать свои кровные*» [Шведова, 2011, с. 381]. Однако акцентированный смысл 'близкий' манифестирует все виды близости, в том числе дружескую.

Среди речевых оборотов словари современного русского языка не фиксируют выражение *кровный друг*, бывшее когда-то в поэтическом арсенале А. С. Пушкина. Зато лексикографы неизменно принимают во внимание идиому *кровный враг* как обозначение непримиримого, злейшего врага [Шведова, 2011, с. 381]. С учетом того, что в настоящее время также употребительны обороты *кровная обида* 'глубоко затрагивающая, тяжелая обида' [Шведова, 2011, с. 381; СлРЯ, т. 2, с. 132], *кровная вражда* 'злейшая, непримиримая вражда' [СлРЯ, т. 2, с. 132] и даже *кровные деньги*, *кровный заработок*, *кровное добро* 'добытый, нажитый тяжелым трудом' [СлРЯ, т. 2, с. 132], можно утверждать, что семантическая деривация этого прилагательного идет по пути углубления в негативно-семантическое поле на основе соотнесения с культурным феноменом кровной мести и с представлениями о напряженном труде (вспомним оборот *до кровавого пота*), в то время как Пушкин использовал слово *кровный* как маркер наивысшей формы близости (родства). Подчеркнем, что в поэтическом примере из стихотворения А. С. Пушкина невозможно видеть характеристику степени проявления признака дружеской близости, поскольку речь идет не о дружбе в ее «высокодуховном» понимании, а о классовой идентификации: бес обещал наделить монаха богатством и ввести его в круг знатных, богатых людей, сделать так, словно он всегда принадлежал ему (будто они *кровные друзья*).

Возвращаясь к сочетанию слов *друг* + *кровный*, отметим, что в литературе XIX—XX веков обнаруживаются еще немногочисленные примеры, когда этим выражением обозначаются близкие отношения, духовная связь: *Все — точно родные, друзья дорогие, кровные...* (Г. И. Успенский. Власть земли, 1882); *Удивляется Груша, что Василиса Федосеевых под защиту берет. — Будто друзья твои кровные. Сама же мне их хаяла...* (А. М. Коллонтай. Василиса Малыгина, 1927); *И еще мы смотрим на тех, с кем рядом прошли когда-то выданный судьбой путь, на кровных друзей и совсем незнакомых ребят* (К. Я. Ваншенкин. Рассказ о потерянном фотоальбоме, 1973) [НКРЯ].

Отчетливое социальное звучание, а не личностное, имеет выражение *кровный друг*, характеризующее отношения между предводителем народного восстания и народом: *Не враг я народу, а кровный друг! — Пугачёв перевел дух и спросил: — Ну, как думаешь, полковник?..* (В. Я. Шишков. Емельян Пугачев, 1934—1945) [НКРЯ]. Социальные роли «народ» и «вождь» значимы здесь с точки зрения идеи классовой идентификации (Пугачев близок народу по своему социальному происхождению), которая нашла воплощение и в пушкинском тексте, где посредством оборота как *кровные друзья* акцентировано вхождение персонажа стихотворения (монаха) в сословие знати (князя, министры), приобретение им нового социального положения. Еще одним примером внедрения социальных коннотаций в обозначение *кровные друзья* может служить отрывок текста середины XIX века, описывающий введение новых лиц в число приближенных графа: *Съ ея именемъ поминутно связывали имена*

людей <...>: чуть приѣзжалъ въ Петербургъ какой нибудь особенно красивый иностранецъ (хорошей фамиліи), чуть между молодежью появлялся юноша, поблистательнее конечно, ихъ производили въ чичисбеи графини и **кровные друзья** Павла Антоновича (А. В. Дружинин. Обрученные, 1857) [НКРЯ].

Таким образом, выражением *кровные друзья* могли обозначаться ‘люди, связанные крепкой дружбой’ и ‘люди одного класса’. Физическое родство послужило прообразом для когнитивного осмысления духовной близости и социально-классовой идентификации.

Однако связь между первичной и вторичной семантикой здесь не столь прямая, она опосредована культурным слоем — обычаем побратимства, формы искусственного родства, отмечаемого у многих народов, в разных культурах, состоящего в клятвенном обещании дружбы и взаимопомощи, в заключении договора, первоначально скрепляемого кровью как символом родства и одновременно готовности умереть (отдать кровь) за друга. У этого явления много названий: *побратимство*, *куначество*, *кумление*, *посестримство* и др.

Прямое указание на ритуал клятвоприношения находим, например, в тексте начала XX века, где используется выражение *кровная дружба*, при этом цитируемое художественное произведение передает национальный колорит жизни на Кавказе, в грузинском селении: *Ахмет не хотел оскорбить тебя. Вы — кунаки, клялись друг другу в **кровной дружбе**... Напоминаю тебе об этом* (Л. А. Чарская. Вторая Нина, 1909) [НКРЯ].

Итак, воплощенная в выражении *кровные друзья* идея дружбы (духовной близости) как приобретенного

родства способна преобразовываться в идею вхождения в какой-либо социальный класс, слой, группу. Анализируемый речевой оборот к настоящему времени утрачен или выходит из узуса, устаревает. В целом этого лингвокультурного багажа достаточно для объяснения того, почему начинающий поэт использовал такое сравнение, хотя есть еще связанный с европейской средневековой культурой вариант трактовки выражения, переводимого как *кровные друзья, друзья крови*.

В книге представителя французской историко-антропологической школы Марка Блока (1886—1944) «Феодальное общество» (1939) есть параграф, который — по крайней мере в переводной версии — так и называется — «Кровные друзья» [Блок, 2002, с. 125—127]. Излагая свое видение социальной жизни средневекового общества (IX—XIII вв.) Франции, Германии, Англии, автор книги утверждает, что наряду с новыми — вассальными — отношениями, характерными для этого исторического периода, еще очень значимыми оставались родственные отношения и *друзьями крови* (или *кровными друзьями*) назывались собственно родственники (приводится пример из текста акта XI века из Иль-де-Франс, где есть перечисление: «...его друзья, а именно, мать, братья, сестры и другие близкие по крови или супружеству» [Блок, 2002, с. 126]; другой пример: в Испании в суд для подтверждения иска могли по обычаю явиться «кровные друзья», в соответствии с этим обычаем иск женщины, заявившей о насилии над собой, был клятвенно подтвержден четырьмя ее родственниками [Там же]); при этом речь идет почти во всех случаях о поручительстве, нередко — о круговой поруке, покрывательстве и кумовстве в соци-

альных учреждениях, социально-политической среде. И хотя социальный контекст здесь сильнее, чем в явлении побратимства, а в разбираемом поэтическом опыте говорится как раз о министрах и князьях, но сближать пушкинские строки, содержащие сравнение *как с кровными друзьями*, и средневековое понимание *друзей крови* было бы, на наш взгляд, ошибкой, потому что, во-первых, вряд ли 13-летний автор был знаком так близко со средневековой антропологией, во-вторых, в сочинении Пушкина вовсе не актуализирована идея действительного родства, и даже больше годится для толкования идея искусственного родства — приобретенного, не данного по рождению, в-третьих, любое сравнение предполагает дистанцирование между объектом и эталоном сравнения, ср. пушкинскую поэтическую строку: «министры и князья» не прямо именуются *кровными друзьями* монаха, они лишь **как кровные друзья**. Скорее, стихотворение сохранило для нас устаревшее нынче (да и тогда, видимо, уже устаревающее) выражение, корни которого лежат в древних обычаях заключения договора дружбы. Думается, идея кровной дружбы влечет мальчишеское сознание своей осязаемостью, «формой», визуализацией посредством договора — не негласного, а словесного, вербализованного, притом ритуально закрепленного, что близко и понятно детскому сознанию в той же степени, что и мифологическому мышлению (этот мотив в будущем проявится в творчестве великого поэта в мотивах клятвы и нарушения клятвы, обещания дружбы, обязанностей дружбы).

Впрочем, процесс европеизации России как раз приходится на XVII и последующие века, поэтому возможно

проникновение элементов европейской культуры, знаний о ней, что могло найти отражение в языке и оказать влияние на возникновение сугубо социальных (с акцентом на сословных отношениях) коннотаций у анализируемого выражения *кровные друзья*.

1.1.3. *Друг прямой*: сема откровенности в понятии дружбы

В стихотворении 1814 года А. С. Пушкин адресует обращение *друг прямой* одному из своих лицейских друзей, предположительно Ивану Пущину: *Товарищ милый, друг прямой, / Тряхнем рукою руку* (Пирующие студенты, 1814) [Пушкин, 1977, т. 1, с. 54]. Этот оборот достоин отдельного комментария, поскольку отсутствует в узусе носителя современного русского языка.

Слово *прямой* в словаре русского языка XI—XVII веков представлено как имеющее восемь значений: ‘прямой, не имеющий изгибов, кривизны’, ‘истинный; настоящий, не поддельный’ (*Тотъ Дмитрей былъ не прямой государь, воръ, рострига*), ‘правильный, справедливый; правый’ (*А ты, государь, <...> дай намъ <...> судъ прямъ*), ‘по праву принадлежащий кому-либо, собственный’ (*Говорят про нас, что мы чужие земли держим, с кривдою от людей взявши, а не свои прямые*), ‘честный, прямой, правдивый’ (*Ино лихорадство ты почаль делати, что мимо лживых людей да на прямых падаешь*), ‘верный’ (*Я государю прямъ*), ‘направленный вперед, по пути следования, благоприятствующий движению (о ветре)’, ‘сделанный на прямую, т. е. симметричную колодку (об обуви)’ [СРЯ XI—XVII, вып. 21, с. 29]. Там же находим устойчивые сочетания *прямой вес* ‘равный’, *прямое дело*

‘об открытом бое с главными силами противника’, *прямое слово* ‘честное слово’ (Там же, с. 29—30). Спектр значений адъектива таков, что он во многих своих семантических вариациях годится для сочетания со словом *друг*: и ‘настоящий’, и ‘верный’, и ‘честный’, и ‘равный’, и ‘открытый’. Надо сказать, значения тесно взаимосвязаны и составляют по сути синкретичное единство: открытый показывает себя настоящего, честность заключается в открытых высказываниях и отсутствии лжи и т. д. Весь этот комплекс смыслов — надежный фундамент для сочетания прилагательного со словом *друг*.

Но Пушкин уточняет его содержание тем, что в пояснение обращения *друг прямой* или в продолжение его лирический герой в той же строфе лаконично сообщает о размолвках и примирениях между ним и адресатом восклицания: *Нередко и бранимся, / Но чашу дружества нальем — / И тотчас помиримся* [Пушкин, 1977, т. 1, с. 54]. Иван Иванович Пущин в своих воспоминаниях о чтении Пушкиным в лазарете его «пиесы» «Пирующие студенты», присоединяясь к разъяснениям, которые уже есть в строках Пушкина, тоже делает акцент на дружескую прямоту в отношениях: «Мы с ним постоянно были в дружбе, хотя в иных случаях розно смотрели на людей и вещи; откровенно сообщая друг другу противоречащие наши воззрения, мы все-таки умели их стармонировать и оставались в постоянном согласии» (1858) [Пущин, 1998, с. 78]. Правдивость подчеркивается и в другом пушкинском стихотворении, тоже содержащем выражение *друг прямой*, но видоизмененное за счет несубъектной привязки, характеризующее не отношения «человек — человек», а связь человека с абстрактной категорией му-

дрости, то есть собственно свойство личности — Галич охарактеризован как *друг мудрости прямой*: *Нет, добрый Галич мой! / Поклону ты не сроден. / Друг мудрости прямой / Правдив и благороден* (Послание к Галичу, 1815) [Пушкин, 1977, т. 1, с. 119]. Идея прямооты (открытого выражения своего мнения) выражается трижды: «поклону не сроден», «друг прямой», «правдив» (можно усмотреть ее даже в компоненте *благороден*).

Современный читатель, который сам, разумеется, ни разу не употребил выражение *друг прямой* ни в живом повседневном общении, ни в текстах высокого стиля (торжественных, поздравительных, поэтических), не ошибется, если вспомнит типовые контексты вроде *прямо говорить что-либо другу*, а также этические аксиомы «другу можно довериться» и «другу можно возражать, прямо говорить нелюцеприятные вещи, честно высказывать свое мнение, не кривить душой» (то и другое есть прямота как открытость).

Сам анализируемый оборот речи — это не изобретение Пушкина. Выражение *прямой друг* сохранилось в текстах XVIII и еще XIX веков, на более поздних этапах развития языка нет его фиксаций. При этом в образцах его использования мы не находим пушкинской инверсии: *Ежели онъ имеетъ великое богатство; то, можетъ быть какой нибудь бедной человекъ, для бездельныхъ своей корысти, пристанетъ къ нему, но **прямыхъ друзей** никогда онъ себе не найдетъ, и самымъ искусствомъ познаетъ, что честные люди всегда отъ своей дружбы отгонять его будутъ* (В. К. Тредиаковский. Истинная политика знатных и благородных особ [перевод книги Н. Ремона де Кура с французского], 1745) [НКРЯ]; *Того*

ради, весьма должно съ такимъ токмо человекомъ вступать въ дружбу, которой бы имель все потребныя достоинства, чтобъ могъ быть **прямымъ другомъ** (В. К. Тредиаковский. Истинная политика знатных и благородных особ [перевод книги Н. Ремона де Кура с французского], 1745) [НКРЯ]; *Сверхъхъ неправедныхъ сихъ друзей, находятся еще своиравные, которые думаютъ, что надобно всегда съ ихъ мненіемъ соглашаться; и по сему ложному основанію сердятся, буде кто противится ихъ своиравію. Толь не справедливые люди, не могутъ быть **прямыми друзьями*** (В. К. Тредиаковский. Истинная политика знатных и благородных особ [перевод книги Н. Ремона де Кура с французского], 1745) [НКРЯ]; *Мило было видеть ему подданных своих, упражняющихся в науках и художествах, и такие-то были **прямые друзья** его, с которыми он просто и милостиво обходился* (А. А. Нартов. Рассказы о Петре Великом, 1785—1786) [НКРЯ]; *Для меня сие воспитание было совсем новое: говорили мне, что не все надо говорить, что думаешь; не верить слишком тем, которые ласкают много; не слушать тех мужчин, которые будут хвалить, и ни с каким мужчиной не быть в тесной дружбе; не выбирать знакомства по своему вкусу; любить больше тех, которые будут открывать твои пороки, и благодарить. «И эти-то **прямые твои друзья...**»* (А. Е. Лабзина. Воспоминания, 1810) [НКРЯ]; *Не говорим уже об отзывах **прямых друзей** нашего поэта — Флопера, Додэ, Зола, Мопассана и Ренана: они знакомы русской публике* (П. В. Анненков. Литературные воспоминания, 1882 <Об И. С. Тургеневе>) [НКРЯ]. В большинстве примеров употребления этого речевого оборота подчеркивается смысл ‘честно, прямо высказывать свое мнение

кому-либо'. Пушкину это значение было, по-видимому, хорошо известно, так что, желая указать на частоту горячих обсуждений и споров как признак крепкой дружбы, он как нельзя более точно подобрал поэтическое обращение для И. Пущина.

1.1.4. *Мирные друзья*: гиперэкспликативная языковая структура

Еще одно средство атрибуции друга, а именно использование слова *мирный*, покажется носителю современного русского языка странным: *Промчались годы за точенья; / Недолго, **мирные друзья**, / Нам видеть кров уединенья / И царскосельские поля. / Разлука ждет нас у порогу, / Зовет нас дальний света шум* (Товарищам, 1817) [Пушкин, 1977, т. 1, с. 228].

Это сочетание нечастотно, мы нашли всего три примера использования этой синтагмы в текстах XIX—XX веков, а после середины XX столетия выражение вовсе не фиксируется.

Более всего сходства с пушкинским текстом имеет пример из произведения Л. Гроссмана (кстати, посвященного также пушкинской теме, поскольку героем книги является французский дипломат, бывший секундантом на роковой дуэли 27 января 1837 года): *И действительно, нежные звуки любовной каватины из Ченерентолы воздушно слетали с высоких хоров галереи, как бы осеняя своей мелодической волной этот круг **мирных друзей**, беседующих среди цветочных куп и полных чаш о странствиях принцев, празднествах банкиров и ристалищах европейской аристократии* (Л. П. Гроссман. Записки Д'Аршиака, 1931) [НКРЯ]. В этих строках нарисована

идиллическая картина дружеской беседы, и слово *мирный* передает атмосферу общего согласия и приятного общения.

Другой пример использования оборота *мирные друзья* в тексте середины XX века описывает зимний кулачный бой в селе, где между сторонами, выступающими на бой, нет истинной вражды и ненависти, для всех это лишь игра, проба молодецкой удали, потому что все приходятся друг другу родственниками или соседями, хорошими знакомыми, друзьями: *Неподалеку <...> толпятся и на той и на другой стороне взрослые и ребяташки. Сейчас и мы и они — тоже соперники. К санкам Измайлова подходят любопытные и с того берега. Санки стоят на середине реки <...>. Здесь люди и той и другой стороны — обычные **мирные друзья** и сродники* (Ф. В. Гладков. Повесть о детстве, 1948) [НКРЯ]. Слово *мирные* можно даже считать общим определением для существительных *друзья* и *сродники*, выражающим, несомненно, смысл ‘живущие в согласии’.

Несколько иначе следует трактовать пример употребления анализируемого оборота в конце XIX века, поскольку в нем само слово *друг* выступает в ином значении — ‘сторонник, приверженец; защитник, покровитель’ (*друг свободы и равенства*): *На что только не жалуются у нас люди!.. Но скажите этим «**мирным**» **друзьям** свободы и равенства, что все эти явления, возмущающие их «легальные» и европейские сердца, суть не что иное, как плоды того «общечеловеческого эмансипационного» прогресса, который они чтут столь ребячески и слепо, — они засмеются над вами или вознегодуют на вас* (К. Н. Леонтьев. Передовые статьи «Варшавского днев-

ника» 1880 года, 1880) [НКРЯ]. Кавычки, обрамляющие слово *мирный*, выражают намек на иронию, в данном случае — на то, что характеристика людей, занимающих воинственную позицию в обсуждении общественных вопросов, вовсе не равна себе, а точнее — реалии противоречат значению слова: названное *мирным* на самом деле воинственное.

Реализованные в этих текстовых фрагментах лексико-семантические варианты прилагательного обнаруживаются и в современных, и в исторических словарях русского языка. Так, в словаре XI—XVII веков у слова *мирный*² оттенком основного значения ‘спокойный, тихий’ представлено значение ‘живущий в мире, согласии, без раздоров’ [СРЯ XI—XVII, вып. 9, с. 169]. В словаре XVIII века в качестве основного предложено значение ‘несклонный к вражде, любящий мир, согласие; миролюбивый’ [СРЯ XVIII, вып. 12, с. 205], которое иллюстрируется примером *мирные души*. Правда, сочетания прилагательного *мирный* с обозначениями людей приводятся только при иллюстрировании оттенка значения ‘приведенный в состояние мира, не нарушающий договора о мире’ (*коряки не очень мирны, мирные соседи, нетокмо мирные были подданные*) [Там же], но все же в целом сема ‘согласие’ актуальна и в этом случае.

Таким образом, сочетание *мирные друзья* (обнаруженное нами только в форме множественного числа) можно объяснить через прием удвоения смысла: два языковых знака используются для передачи одной и той же идеи согласия. Оппозиции «мир и война», «мир и вражда», «дружба и вражда» образуют одну парадигму, в которой первый член означает согласие, близость, а вто-

рой — конфликт, противостояние. Все первые элементы оппозиций представляют одну сторону шкалы, совпадая: мир и дружба лежат на одной чаше весов, а война и вражда — на другой. Часто слова с корнем *-мир-* и слова с корнем *-друг-* толкуются друг через друга: **мирно** ‘тихо, дружески, спокойно, согласно’ [САР, ч. 4, с. 146] и мн. др. Поэтому слова *мирные* и *друзья* как элементы соответствующих гнезд (с вершинами *мир* и *друг*), парадигматически соотносимые друг с другом и имеющие общую референцию к идее согласия, при их сближении в рамках синтагмы (установлении синтагматической связи между ними) образуют плеонастический комплекс, компоненты которого дублируют друг друга, поддерживая и усиливая на семантическом уровне.

Что побуждает к конструированию такой гиперэкспликативной языковой структуры? Сочетание *мирные друзья* нельзя считать исключительно поэтизмом, поскольку все примеры употребления оборота, кроме строк Пушкина, зафиксированы в прозе. Надо предполагать, что предпосылки к построению такого выражения нужно искать в языковой среде. Так, Е. В. Генералова посвящает внимание одной из отличительных особенностей русского языка эпохи начального периода формирования литературного языка — избыточности лексико-семантической системы, которая проявлялась на лексико-семантическом уровне при использовании синонимов, в тавтологических и плеонастических конструкциях, формулах этикета и делового языка [Генералова, 2017, с. 19]. К числу «тавтологических сочетаний с избыточным зависимым словом» она относит случаи *капустные щи, водяной ключ, земляной вал, законный брак* [Там же].

Т. С. Остапенко, составляя типологию тавтологий, выделяет как разновидность «интенциональную тавтологию» по критерию намеренности продуцирования избыточного высказывания, характеризует ее как «функционально оправданную» и указывает на функцию интенсификации как характерную для атрибутивных сочетаний: «Например, большинство адъективно-субстантивных тавтологий (*красивая красавица, истинная правда, real reality, idiotic fool*) выполняют функцию интенсификации качества как наличествующего в высокой степени» [Остапенко, 2011, с. 17].

Таким образом, внутренние резервы языка и история его формирования подготовили почву для введения в речь подобных сочетаний плеонастической природы. Но пушкинское *мирные друзья* — это все же еще и языковой факт, вписанный в литературный и биографический контекст.

Стихотворение написано в год прощания А. Пушкина с лицеем, который был в восприятии его воспитанников обителью спокойствия на пороге с большой жизнью и ее бурями. Устойчивый топик «мирный + локус, помещение» (*мирная обитель, мирные чертоги* и др.) фиксируется словарями и контекстами: *мирный*² ‘спокойный, тихий’ (*Не въвожю рати въ чѣртогъ мирьныи*) [СРЯ XI—XVII, вып. 9, с. 169], *мирное жилище, мирный кров, мирная обитель* [СРЯ XVIII, вып. 12, с. 206], *Коперник умер спокойно в своем мирном жилище* (Н. М. Карамзин. Письма русского путешественника, 1793) [НКРЯ], *Мирные жилища в беспорядке рассыпаны по хребтам* (Г. П. Каменев. Софья, 1796) [НКРЯ], *За год до сего стояли тут мирные кровы* наших родственников и сограждан

(И. М. Муравьев-Апостол. Письма из Москвы в Нижний Новгород (1813—1815) [НКРЯ] и мн. др. Эти обозначения передают смысл ‘чуждый волнений и вражды’. Круг этих коллокаций вполне может быть фактором, оказавшим влияние на выбор А. С. Пушкиным слова *мирный* в качестве атрибутива к существительному *друзья* с явной референцией к лицейским товарищам, причастным к мирной жизни в мирном пристанище Императорского Царскосельского лицея, которая подошла к своему завершению. Поэт прозревает будущее стоящих на пороге новой жизни вчерашних лицеистов, ведь за стенами лицея выпускников ожидают бури, неизвестность, неприветливый, чужой, незнакомый мир.

1.1.5. Выводы

Извлеченный из текстов прошлых веков (художественных, эпистолярных, документальных и др.) материал уникален, в особенности фразеология, поскольку эти языковые единицы иногда оказываются совсем упущенными из лексикографических описаний. Три рассмотренных выражения со временем претерпели изменения в условиях ослабления их позиции в узусе и к сегодняшнему дню почти вышли из речевой практики. Современный носитель языка, опираясь на стержневое в их структуре слово *друг*, способен предполагать приблизительное содержание этих речевых оборотов на фоне известных ему базовых ментальных установок, поддерживаемых сохранным языковым фондом, поскольку в основу фразеологических выражений, исчезающих ныне из обихода, были положены представления о дружбе и дружбе, составляющие ядро понятия.

Обороты *друг прямой, кровный друг, мирный друг* имеют в качестве значимых семантических компонентов своей структуры дифференциальные признаки 'откровенный, основанный на абсолютном доверии', 'близкий по духу или социальному происхождению (аналогично биологическому родству)', 'живущий в согласии в мире без вражды'; в большинстве своем эти смыслы согласуются с традиционным для русской лингвокультуры содержанием понятия «дружба».

1.2. Выражение *женская дружба* в медиатекстах и сетевом дискурсе¹

Авторы: Семехина, А. С., Щетинина, А. В.

Аннотация

Выражение *женская дружба* рассматривается на фоне словосочетания *мужская дружба*, выявляются особенности их функционирования в средствах массовой информации и сетевом дискурсе. Отмечается, что выражения активно используются: система Яндекс выдает несколько миллионов ответов на запросы «женская дружба» и «мужская дружба». Словосочетание *женская дружба* демонстрирует устойчивый характер, поскольку отличается воспроизводимостью, экспрессивностью, имеет дополнительные к основному денотативному значению оценочные коннотации. Подчеркивается, что мужская дружба в общественном сознании традиционно считается ценностью, именно так и можно описать данный феномен в толковом словаре. Осуществлено портретирование выражения *женская дружба*, что позволило составить дефиницию, которую можно включить в толковый словарь. Выявлено, что выражение *женская дружба* амбивалентно, причем имеет оценочную семантику как позитивную, так и негативную. Установлено, что в одном из значений *женская дружба* — это ‘близкие отношения между женщинами, характеризующиеся душевностью, психологической гармоничностью, основанные на общности интересов’; в другом — ‘ложная близость между женщинами, характеризующаяся ненадежностью, поверхностностью, гендерно обусловленной конкурентностью’.

¹ Данный раздел монографии подготовлен на основе научной статьи, опубликованной в рамках гранта: Щетинина А. В. Женская дружба : анализ медиадискурса для составления словарной дефиниции / А. В. Щетинина, А. С. Семехина // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 9. — (В печати).

1.2.1. Вводные замечания

Феномен дружбы всегда находился в фокусе внимания писателей, поэтов, журналистов, ученых, а также рядовых носителей русского языка. Осмысление этого феномена актуализировано в русских пословицах и поговорках, где концепты ДРУГ и ДРУЖБА «создают мощную аксиологическую энергетику и генерируют большие вариантные и синонимические ряды» [Леонтьева и др., 2022, с. 165] (*Не имей сто рублей, а имей сто друзей; Друг познается в беде; Дружба и братство дороже богатства* и др.), в художественных произведениях (на сайте livelib.ru представлена подборка *101 книга о дружбе*, которая, безусловно, не исчерпывается этой цифрой). В научных исследованиях тема дружбы также привлекает внимание и изучается в различных аспектах: анализируются модели концептуальной метафоризации концепта ДРУЖБА [Ару, 2021], рассматривается его лексикографический [Леонтьева и др., 2022] и лингвометодический потенциал [Бежина, 2010], воплощение в литературных произведениях [Баринова, 2018], особенности осмысления в разных языках [Епифанова, 2022].

Одной из проблем, привлекающих внимание исследователей разных научных направлений, является вопрос о гендерной дифференциации представлений о мужской и женской дружбе. Исследователи рассматривают особенности дружбы представителей разных полов в социальной плоскости [Евсеева, 2021], с точки зрения психологии [Медведева и др., 2021; Орлова и др., 2022], анализируются особенности гендерных стереотипов в отношении дружбы в интернет-контенте [Казакова, 2021], репрезентация дружеских отношений в иностран-

ных языках [Дягилева, 2013; Яремчук, 2022], особенности мужской и женской дружбы как феномена коммуникации [Егорова, 2019; Шубина, 2004] и др. Ученые обращаются к вопросам определения сущности мужской и женской дружбы, выявляют ее характеристики методами разных наук. Кроме того, данный вопрос интересует не только ученых, но и неспециалистов, поскольку это отношения, которым в жизни человека отводится важная роль, при этом в обществе сформировались противоположные взгляды на дружбу, различаемую на основе гендерного критерия, сложились определенные стереотипы в отношении мужской и женской дружбы. Так, Ж. А. Дягилева отмечает, что «мужская дружба является примером и идеалом для женской дружбы. Тем не менее, исследования свидетельствуют о большей открытости и преданности женщин» [Дягилева, 2013]. Отметим, что, несмотря на такую популярность, выражения *женская дружба* (поисковая система «Яндекс» на запрос «женская дружба» выдает 5 млн результатов) и *мужская дружба* (4 млн) не встретились нам в лексикографических источниках даже в качестве примеров. В то же время «существует **День женской дружбы** (третье воскресенье августа)» (День 9 июня в истории // Парламентская газета, 2021) [НКРЯ], что свидетельствует в пользу сформировавшейся устойчивости словосочетания *женская дружба*. При этом отметим, что праздник, посвященный мужской дружбе, не заявляется официально, он репрезентируется как «День дружбана», появился в испаноязычных социальных сетях, однако *«год от года набирает всё большую популярность. Он давно перешагнул рубеж испаноговорящих стран и с удовольствием отмечается*

в разных культурах» (*День дружбана* 2022 // calend.online, 2022) [AA].

Наша цель состоит в том, чтобы определить семантический объем выражения *женская дружба* на основе анализа современных публикаций. Материалом для исследования послужили тексты СМИ, блогов и пабликов в социальных сетях, из которых извлекались варианты типовой сочетаемости, конструкций однородных членов, развернутых контекстов, в которых актуализировалась семантика словосочетания *женская дружба*. С использованием методов компонентного и дефиниционного видов анализа было осуществлено лексическое портретирование и составлено словарное определение для толкового словаря. При этом идиома рассматривается в контексте семантики лексики *дружба* и выражения *мужская дружба*, поскольку их сопоставление «подсвечивает» особенности семантики идиомы *женская дружба*.

1.2.2 Лексема *дружба* и выражения *мужская* и *женская дружба* в контексте ценностных характеристик

Поскольку ключевым в словосочетании является существительное *дружба*, рассмотрим сначала его семантический объем. В «Словаре русского языка» лексема *дружба* имеет одно значение ‘отношения между кем-л., основанные на взаимной привязанности, духовной близости, общности интересов и т. п.’ [СлРЯ, т. 1, с. 449]. Дифференциальные семы: ‘взаимная привязанность’, ‘духовная близость’, ‘общность интересов’ — маркируют отношения между людьми, основанные на высокой

морали, крепких глубоких нравственных связях, получающие одобрение (позитивную оценку). С точки зрения модели словосочетания, в соответствии с которой построена номинация, *женская дружба* — это ‘отношения между женщинами, основанные на взаимной привязанности, духовной близости, общности интересов и т. п.’. Однако лексикографическое описание, как известно, не отражает полный семантический объем номинации. Кроме того, различия во взглядах на *женскую дружбу*, в ее оценках свидетельствуют о том, что объем значения гораздо шире, чем он представлен в приведенной выше дефиниции. Его возможно описать, осуществив анализ речевого употребления лексемы или выражения.

Дополнительные характеристики можно выявить на основе анализа лексической сочетаемости слова или выражения, их контекстного окружения, например, вхождения в ряды однородных членов. Для определения семантического объема номинации *женская дружба* мы обратились к материалам официальных СМИ, блогов и публикаций в социальных сетях. Лексическая сочетаемость выражения представлена в проанализированном материале словосочетаниями с прилагательными: *длительная женская дружба, нежная женская дружба, настоящая женская дружба, пылкая женская дружба, крепкая женская дружба, светлая женская дружба, благородная женская дружба, истинная женская дружба, тесная женская дружба, искренняя, душевная женская дружба* и др. Отметим, что оценочные характеристики сплошь позитивного характера подтверждают принадлежность данного феномена к сфере морально-нравственных ценностей, как и ключевого понятия

«дружба». В то же время встречаются несколько иные оценочные маркеры: *миф о женской дружбе, верю / не верю в женскую дружбу, ставить под сомнение женскую дружбу* и др. Очевидна неоднозначность восприятия исследуемого феномена носителями языка.

Анализ рядов однородных членов, которые включают в себя это словосочетание, мог бы показать, в ряду каких феноменов социальной действительности рассматривается *женская дружба*. Так, например, ключевое слово *дружба* используется в ряду номинаций, отражающих российские базовые ценности: семья, Родина (*В Минпросвещения вместе с экспертами разработали для них примерную программу воспитательной работы, стержнем которой стали базовые ценности: Родина, семья, дружба, взаимопомощь, спорт и здоровье, любовь к природе, стремление к знаниям, труд и личность* (Подростков предлагают объединить в новую пионерию // Парламентская газета, 2021) [НКРЯ]); доверительные, хорошие отношения (*В то же время политик указал, что 2020-й был связан и с надеждами на преодоление невзгод, с гордостью за тех, кто проявил лучшие человеческие и профессиональные качества, а также с осознанием того, как много значат настоящие отношения между людьми, дружба и доверие* (Путин назвал Россию одной большой семьей // Известия, 2020 [Там же]); сплоченность, доброта (*И сейчас для нас на первый план вышли семья, дружба, взаимовыручка, милосердие, сплочённость* (Послание Владимира Путина Федеральному Собранию. Полный текст // Парламентская газета, 2021) [Там же]); любовь к ближнему (*Он все дальше отхо-*

дил от социальности, все ближе подходил к «общечеловечности» — любовь, **дружба**, женщина, дети (Но у нас с собой было // Ведомости, 2020) [Там же]) и др. Таким образом, можно утверждать, что дружба принадлежит к числу социокультурных ценностей, значимых для современного российского общества, что отражается в русской языковой картине мира. Реже, чем лексема **дружба**, включается в перечислительный ряд номинаций этически важных понятий выражение *мужская дружба*: *Такие понятия, как честь, благородство, мужская дружба?* (А. Волков. Стремление к несбыточному и есть задача художника // Известия, 2012) [Там же]); *И все же Альберто не считает историю своей советской жизни грустной, есть в ней и настоящая мужская дружба, и большая любовь* (Афанасьев Иустин. Альберто, заложник любви // Труд-7, 2003) [Там же]); *А впереди — женские интриги и капризы, мужская дружба и взаимопомощь, поездки и встречи по делам* (Астрологический прогноз // Аргументы и факты, 2000 [Там же]) и др. Безусловно, восприятие мужской дружбы не однозначно, оценивается по-разному, тем не менее с ней исторически соотносится некий ореол крепких, надежных отношений, которые тоже рассматриваются как социокультурная ценность: *Мужская дружба чаще бывает крепче не потому, что мужчины лучше, а женщины хуже. Такие требования выдвигали этапы эволюции: мужчинам требовалось ходить на охоту, воевать с неприятелем. Стало быть, требовалось каким-то способом разрешать неизбежно возникающие конфликты* (И. Корчагина. Темпераментные женщины любят одеться поярче // Труд-7, 2000) [Там же].

Однако, судя по материалу, трудно сказать о феномене женской дружбы как о значимом этическом явлении. Материал не показывает употребления словосочетания *женская дружба* в ряду других ценностей. Встречается перечисление номинаций, связанных с особенностями женской жизни: *Женская дружба, женские страхи, женские желания: Ольга (Елена Сафонова) отказывалась от «выездного» жениха на «мерседесе», выбирая любимого человека, — ну зачем тут продолжение?* (10 дорог назад // «Русский репортер», 2008); *Я верю, что конкуренция и женская дружба совместимы* (Беседовала Екатерина Бушуева. «Конкуренция в спорте и женская дружба совместимы» // lenta.ru, 2015); *Все остальное в этой пьесе — обычная поэзия городских буден: кризисы среднего возраста, измены и нелюбови, отцы и дети (вернее, дочери-матери), поиски мужа (симпатичная блондинка, любительница природы и стихов, желает познакомиться), вечера «для тех, кому за тридцать», женская дружба и прочие тривиальности* (Кита выпустили из аквариума // Коммерсант, 2002) [Там же] и др. Таким образом, в речевом употреблении выражение *женская дружба*, называющее соответствующие отношения, используется неоднозначно: с одной стороны, в объем значения можно включить семы ‘взаимная привязанность’, ‘духовная близость’, ‘общность интересов’, что подтверждается оценочными репрезентантами: *нежная женская дружба, настоящая женская дружба, пылкая женская дружба, крепкая женская дружба* и др.; с другой — номинация используется не в контексте парадигмы ценностей, как лексема *дружба* или идиома

мужская дружба, а в отношении повседневной жизни женщины.

1.2.3. Семантические характеристики выражения *женская дружба*

С использованием процедуры контекстного анализа нами выявлены семантические характеристики выражения *женская дружба*. Они позволяют дополнить портретирование данной языковой единицы и составить дефиницию, которая могла бы быть включена в толковый словарь.

Анализ контента официальных СМИ, блогов, информации в социальных сетях и фрагментов художественных произведений позволил объективировать современные представления о женской дружбе. В первую очередь это выражение относится к общеизвестным, оно обсуждаемо: *Бессмысленно рассуждать на темы, о которых все и всё знают. Женская дружба относится именно к таким ...* (Т. Соломатина. Девять месяцев, или «Комедия женских положений», 2010) [НКРЯ], поэтому женская дружба — объект описания в художественных произведениях: *Идеальный женский роман советских времен, первая «Зимняя вишня» не требовала сиквела. Женская дружба, женские страхи, женские желания...* (10 дорог назад // Русский репортер, 2008) и предмет восхваления: — *А как же воспетая настоящая женская дружба?..* (С. Осипов. Страсти по Фоме. Книга вторая. Примус интер парэс, 1998) [НКРЯ], который вызывает у женщин сентиментальные чувства: — *Песню какой-то мужик написал, а миллионы баб от умиления плачут. Ах, женская дружба! Ах, подарена судьбой!* (Из-

вини — подвинься // Истории из жизни, 2004) [НКРЯ]. Можно заметить, что в художественных произведениях женская дружба репрезентируется как сложное явление, пылкое, страстное, оно основано на взаимопомощи и канонически «сильнее смерти»: *С любовью все ясно, а дружеские, вернее, **подружеские отношения** — они **тоньше и сложнее**. То, что происходит между близкими подругами — **это**, конечно, **страсть**. Просто другой и, возможно, даже более **возвышенный ее вид**. И если в старых романах **пылкая женская дружба** рассматривалась как предвестник другой пылкости, а хорошие подруги вообще-то должны были **помогать друг другу** обрести мужа (диккенсовская Эстер Саммерсон сама направляет свою любимую Аду в объятия Ричарда), то теперь отдельность, особость девочкинских отношений разбирается с особой пристальностью. Получается иногда средне, как в романе Фэнни Флэгг «Жареные зеленые помидоры» и снятом по нему фильме. А иногда — сногшибательно. Как в «Тельме и Луизе» Ридли Скотта — кинокартине, ставшей **каноническим изображением женской дружбы, которая сильнее смерти** (Они и рады // Коммерсант, 2008) [НКРЯ]. Таким образом, творческое воплощение феномена женской дружбы репрезентировано образами, семантика которых вполне соответствует семантике лексемы *дружба*, актуализированной в словарном определении как явление морально-нравственной сферы.*

В то же время в повседневной речевой практике выражение *женская дружба* репрезентировано менее романтично, вплоть до наделения его отрицательными коннотациями. Так, в существенном количестве контек-

стов подчеркивается невозможность, иллюзорность или редкость таких отношений: *Я очень сомневаюсь по поводу того, существует ли женская дружба* (Актриса Екатерина Гусева. Да не жена я Саши Белого! // Аргументы и факты, 2007); ... вещь такая же иллюзорная, как *женская дружба* (Кому и кобыла невеста // Коммерсант, 2001); *Женская дружба* существует, конечно, но по-настоящему, без зависти, очень редко бывает (Ирина Аллегрова: «Мудрая женщина знает, как удержать мужчину» // Аргументы и факты, 2005) [НКРЯ]; *Бывает ли женская дружба?* извечный вопрос. В моей жизни были подруги, но каждый случай заканчивался неудачей, либо просто незаметно переставали общаться. то что я восхищалась некоторыми из них, которые были красивее и успешнее меня (искренне) в последствии заявляли что я им завижду. вообще не клеилось. сейчас боюсь доверять , уже долго без подруги) да и не знаю где их берут)) (Бывает ли женская дружба? // 48 ответов на форуме Woman.ru) [AA]. Существенной характеристикой является их недолговечность: *В реальности эта четверка давно бы уже перессорилась и распалась. По статистике, женская дружба* четным количеством может существовать не больше двух лет. *Тройки* распадаются еще быстрее («Секс в большом городе» 3. В стиле «психо» // Аргументы и факты, 2003) [НКРЯ].

Причины недолговечности отношений между женщинами видятся в разных обстоятельствах. Во-первых, подчеркивается большая конкурентность в женских сообществах: *Конкуренция среди женщин — это главный довод в пользу того, что женской дружбы не бывает* (М. Герман. Женской дружбы не бывает? Существует ли

дружба между женщинами // Фактор Роста) [AA], хотя интересно отметить, что спортсменки утверждают обратное: *Можно ли оставаться друзьями за пределами катка? Я верю, что конкуренция и женская дружба совместимы. Хотя это тяжело принять бывает* (Беседовала Екатерина Бушуева. «Многие думают, что в хоккее женщина должна быть беззубой» // lenta.ru, 2016) [НКРЯ]. Конкурентность в отношениях между женщинами часто связывается с зависимостью слабого пола от отношений с мужчинами: *Понятно и другое — женской дружбы не бывает, первый же мужчина разбивает ее напрочь* (Лидия Иванова. Искренне ваша грешница, 2000) [НКРЯ]; *«Женская дружба — до первого мужика» Говорят, две воркующие белые голубки способны выклевать друг другу глазки, едва на горизонте появится симпатичный самец. Увести парня из-под носа у подруги — это святое, и даже если она познакомилась с ним раньше, все равно можно отбить* (Женская дружба: стереотипы и реальность // beautyhack.ru, 2019) [AA]. При этом с конкуренцией внутри женских сообществ тесно связана возникающая зависть в ее неконструктивных проявлениях. Она может быть спровоцирована всем, что ставит одну женщину в более выгодное положение, чем другую: *Причем женская зависть стала явлением легендарным. Мужчины, например, над ней искренне потешаются, рассказывая басни про то, как пара итальянских сапог способна вусмерть перессорить ранее дружный женский коллектив. Говорят даже, что именно из-за зависти невозможна женская дружба. Итак, что же не дает нам ровно дышать друг к другу? Внешность* Каждой девочке в детстве мама говорит, что ее доченька,

безусловно, самая красивая на свете. Некоторые поверили в это настолько, что появление в поле зрения более эффектной подруги начинает вызывать волну негодования (Света Кузина, (blog.kp.ru). Чему завидуют женщины // Комсомольская правда, 2010) [АА]. Решила обсудить тему Подруг. Что они значат в нашей жизни, важны ли, нужны ли....? И вообще, как вы относитесь к **женской дружбе**? ... Особенно острую зависть может провоцировать благополучие подруги: Редко кто из моих подруг радуется моему счастью — чем лучше я живу, тем меньше их в моем окружении... (**Женская дружба** // 29 ответов на форуме Woman.ru) [АА].

Во-вторых, существует мнение, что женская дружба замешана не только на конкуренции друг с другом, но и на вражде с мужчинами: Для **женской дружбы** нужен объект вражды (Ведомости, 2014); **Отличительная черта женской дружбы** — оппозиция миру мужчин. В духе: против кого дружить будем? Наступает момент, когда одна из представительниц прекрасного пола, хлопнув кулаком по столу шефа (естественно, когда его нет), произносит сакраментальную фразу: «Все парни — сволочи!» (Женская солидарность или мужская дружба? // Аргументы и факты, 2003) [НКРЯ]. Последняя цитата может быть дополнена примерами из контента феминистских сообществ, в которых среди всего разнообразия тем активно выделяется тема насилия, в частности сексуального, где лейтмотивом проходит идея «У преступности мужское лицо» (СТРАШНАЯ // vk.com/nekrasiva) [АА].

В то же время при обсуждении темы женской дружбы часто подчеркивается ее особенный характер, кото-

рый трудно понять мужчинам: **Женская дружба** — это явление, выходящее за грани логики. Поэтому его так сложно понять мужчинам в силу их характера, эмоциональной стабильности, определенной гормональной составляющей (Женская дружба: смысл, цитаты, почему говорят, что не бывает // w.today, 2019) [АА]. Возможно, поэтому они относятся к ней с иронией: Автор тоже ни в коем случае не отрицает существование **женской дружбы**, как не отрицает автор, к примеру, бога и творимые им чудеса. Потому что «чудеса не противоречат природе, а лишь известной нам природе», как сказал когда-то очень давно Блаженный Августин. Автор верит в **женскую дружбу**, как верит он в бога и чудеса, хотя таковых в известной ему природе не наблюдал (Т. Соломатина. Девять месяцев, или «Комедия женских положений», 2010) [НКРЯ].

Таким образом, портретирование лексемы позволяет увидеть разные лики явления, называемого **женской дружбой**. Как языковая единица выражение не зафиксировано словарями, хотя, согласно анализу контекстов, имеет относительно устойчивый характер, отличается воспроизводимостью и экспрессивностью в большом количестве контекстов. Так, поисковые запросы в системе Интернет выдают не просто статьи, в которых одновременно присутствуют лексемы **дружба** и **женский**, а материал, в котором коллокация **женская дружба** маркирует ключевое понятие текста, ср. заголовки: **Настоящая женская дружба существует?**; **Почему мы по-прежнему верим, что женской дружбы не существует**; **Женской дружбы не бывает**: главные мифы о женской дружбе; **Женская дружба** — миф или реальность?; **Женская**

дружба: точки над *i*; Существует ли **женская дружба** и не опасна ли она для отношений; 9 запретов в **женской дружбе** и др. Устойчивый характер показывает также выражение **мужская дружба** в контенте соответствующей тематика: **Бро. 5 правил мужской дружбы; 10 правил мужской дружбы; Мужская дружба и чем она отличается от женской; «Дюма был чертовски точен»: правила настоящей мужской дружбы; О настоящей мужской дружбе, которая не подводит; Невыносимая закадычность бытия: кодексы мужской дружбы в разных эпохах.** При этом, если возможность женской дружбы — вопрос дискутируемый, существование мужской дружбы редко подвергается сомнению, и то, как правило, в аспекте сравнения с женской: **Почему дружба между мужчинами отличается от дружбы между женщинами? И почему мужская дружба гораздо крепче женской?**

На наш взгляд, для выражений **мужская дружба** и **женская дружба** можно составить словарные дефиниции. Они будут отличаться количеством значений, поскольку первое выражение передает вполне определенный цельный образ с набором характеристик, отражающих социокультурные ценности, а взгляд на второе амбивалентен.

Мужская дружба

Глубокие, крепкие духовные и социальные связи между мужчинами, характеризующиеся самоотверженностью, преданностью, взаимопомощью, принадлежащие к числу признанных социокультурных ценностей.

► — Да я порву за него! — заплетающимся голосом прокричал он и... разорвал на друге штаны, показывая кровотоचा-

щие раны. В карету «скорой» он унес пострадавшего на руках. Вот она, настоящая **мужская дружба**!.. (И. Неуймина. Водитель снял на видео, как давит пьяного пешехода // Комсомольская правда, 2012).

► — Мы действительно дружили с Лёней с самого детства, но это не значит, что мы жили на глазах друг у друга и делились каждой повседневной мелочью. Это женщины так дружат. **Мужская дружба** все-таки несколько иначе выглядит. Например, я уже говорил вам, что со своими подругами Лёня меня редко знакомил. (А. Маринина. Последний рассвет, 2013).

► В **мужской дружбе** мало сентиментальности, продолжает Артем Косоруков, но она зависит от общности взглядов на такие значимые вопросы, как политика, экономика или религия. **Мужская дружба** наиболее искренняя, она мало подвержена эмоциональным или психологическим потрясениям, так как изначально воспринимается как базовая ценность, вокруг или рядом с которой выстраивается все остальное в жизни мужчины («Дюма был чертовски точен»: правила настоящей мужской дружбы // МИР24, 2022)

Типовая сочетаемость: *крепкая / многолетняя / настоящая / нормальная / прочная / суровая / нежная, но без соплей мужская дружба; проявляется мужская дружба, мужская дружба крепче женской.*

Эквиваленты: *братство, дружество, побратимство, товарищество.*

Женская дружба

1. Близкие отношения между женщинами, характеризующиеся душевностью, психологической гармоничностью, основанные на общности интересов.

► — Что вы вкладываете в понятие «**женская дружба**»? — Я благодарна судьбе за то, что попала в очень дружный коллектив, где никогда не было женского соперничества, «дедовщины». Настя и Аня, очень открытые по натуре девушки, мы ментально подружились. Мы дружим не только потому, что

вместе работаем, и в повседневной жизни мы поддерживаем теплые отношения: ходим в рестораны, на дискотеки, ездим отдыхать (Группа «Лицей»: «Хочется задать жару с первых аккордов» // Аргументы и факты, 2005).

► В холодном Париже, уехав с любимым, Кэрри пустит слезу, увидев в окне четырех молоденьких подружек, болтающих за столиком в кафе. Те обсуждают состоявшихся и несостоявшихся бой-френдов, свои сексуальные провалы и победы. Настоящая **женская дружба**! Мужчины-то преходящи, а подруги вечны. Ведь главное, чтобы были подруги, а кого обсуждать — найдется (Афиша кинотеатров Минска с 27 июня по 3 июля // Комсомольская правда, 2008).

► **Женской дружбы** не существует ... вы абсолютно правы, особенно если подруга разведенка с прицепом (рсп) а вы нет, то она всеми правдами и не правдами будет вас склонять к разводу, чтобы вы стали такль же сраной рсп как и она. Если у вас с мужем нет кредитов и ипотек и при этом 100 метровая квартира, то ваши подруги будут брызжать слюной и говорить какая вы конченная, нахлебница... (комментарий на форуме Woman.ru, 2020).

Типовая сочетаемость: *длительная / нежная / настоящая / пылкая / крепкая / светлая, благородная / истинная / тесная / искренняя / душевная женская дружба; день женской дружбы, феномен женской дружбы, изображение женской дружбы, сериал / фильм о женской дружбе; верить женской дружбе, избегать женской дружбы; черта женской дружбы.*

ЭКВИВАЛЕНТЫ: НЕТ.

2. Ложная близость между женщинами, характеризующаяся ненадежностью, поверхностностью, гендерно обусловленной конкурентностью.

► — Я уже столько раз обжигалась с этой **женской дружбой**, что с некоторых пор уже не говорю, что у меня много подруг. Приятельниц — да, но подруг только две. Одна из них Вера Сотникова, известная актриса, одна из ведущих «Клуба быв-

ших жен». Правда, недавно мы поругались (Садчиков Михаил. Мужчинам никогда не мстила...» // Труд-7, 2007).

► Стелла верила. Легкая, смешливая, по-детски капризная, она привыкла к ласковой снисходительности подруг, мужчин и пациентов больницы. Но в назначенный день никто из гостей не явился — вот она, **женская дружба**! И Стелла увидела себя со стороны: одинокая тетка, до пенсии всего пять лет, а она уже никому не нужна (Письма с того света // Труд-7, 2009).

Типовая сочетаемость: *женской дружбы не бывает / не существует, не верить в женскую дружбу, обжигаться с женской дружбой.*

ЭКВИВАЛЕНТЫ: НЕТ.

1.2.4. Выводы

Резюмируя некоторые наблюдения над речевым употреблением выражения *женская дружба* на фоне контента, посвященного мужской дружбе, и имеющих лексикографических описаний *дружбы* отметим, что *женская дружба* в современных медийных текстах — явление амбивалентное: с одной стороны, она репрезентируется как глубокое, сильное чувство близости, что коррелирует со значением лексемы *дружба*, с другой стороны, авторы текстов, как мужчины, так и женщины, часто выражают довольно скептическое отношение к данному феномену. Это позволяет рассматривать выражение как многозначное слово с оценочной семантикой, у которого первый лексико-семантический вариант связан с лексемой *дружба* как обозначением близких отношений между женщинами, а второй обладает отрицательными коннотациями. При этом в отличие от значения словосочетания *мужская дружба*, которое встраивается в парадигму номинаций русских социокультурных ценностей,

выражение *женская дружба*, скорее, не имеет маркировки «ценностная категория».

Об устойчивом характере обоих выражений свидетельствует, на наш взгляд, использование словосочетаний как цельных, воспроизводимых, экспрессивных. Это подтверждается тем, что поисковые системы, реагируя на запросы, выдают ссылки на тексты, в которых функционируют именно эти коллокации (притом часто в качестве ключевых номинаций, выступающих предметом обсуждения), а не на публикации, в которых слова *женский*, *мужской*, *дружба* присутствуют вне комбинаций друг с другом.

1.3. Друг-враг : номинация для обозначения амбивалентных отношений¹

Авторы: Леонтьева, Т. В., Щетинина, А. В.

Аннотация

Обычно подразумевается, что оппозиция **друг — враг** включает в себя взаимоисключающие понятия, однако в современной речевой практике получила распространение составная номинация **друг-враг**, имеющая иноязычное происхождение, поскольку является калькой с англ. *freneemy* (сращение из *friend and enemy*). Обращает на себя внимание оксюморонная природа данной номинации. Примеры употребления этой языковой единицы в речи позволяют установить содержание понятия. Исследуемая номинация обнаруживается в текстах, которыми обмениваются интернет-пользователи в свободном общении в соцсетях, личных блогах, на форумах, в медиадискурсе (текстах СМИ), а также в научных текстах, создаваемых исследователями в области психологии или литературоведения. Выявляются значения слова, устойчиво реализующиеся в контекстах. Материал извлечен из Национального корпуса русского языка. Установлено, что слово **друг-враг** может обозначать человека, выступающего то другом, то врагом; идейного противника; тайного друга либо тайного врага; а также близкого знакомого, отношения с которым вызывают напряжение и неприятные ощущения. В одном из значений слово выступает литературоведческим термином (или предтермином). В значительном количестве текстов слово претендует на описание психологических трудностей коммуникации и принадлежит профессиональному либо любительскому психологическому дискурсу.

¹ Данный раздел монографии подготовлен на основе научной статьи, опубликованной в рамках гранта: Леонтьева Т. В. Репрезентация противоположностей в слове **друг-враг**: контекстный анализ / Т. В. Леонтьева, А. В. Щетинина // Мир русского слова. — 2020. — № 2. — С. 35—39. — DOI: 10.24411/1811-1629-2020-12035.

1.3.1. Вводные замечания

Отношения оппозиции «свой» — «чужой» находят отражение во всех сторонах жизни человека и общества, в том числе конкретизируются в частном противопоставлении понятий «друг» — «враг», исследованию которых посвящено множество работ [Балясникова, 2003; Вежбицкая, 2001; Лаптева, 2013; Леонтьева, 2016, 2019; Лукашкова, 2002; Урысон, 2003; Халилова, 2013; Шмелев, 2005 и др.].

Отношения между словами *друг* и *враг* атрибутируются в научных публикациях как дихотомические: *В качестве критерия для определения природы политики К. Шмитт предлагает дихотомию «друг-враг»* [Вицентий, 2014: 77]; *В социокультурном смысле конфликт составляет необходимую характеристику любого сообщества, которое консолидируется, противопоставляясь другим, поскольку дихотомия «друг» — «враг» является определяющей для самой природы человека* [Алешина, 2014, с. 109]. Подразумевается, что пару образуют взаимоисключающие понятия, иначе говоря, некий класс объектов включает в себя две группы строго противопоставленных объектов. В данном случае, поскольку речь идет об оценочных категориях, общее понятие, подвергнувшееся разделению, не столь очевидно, но, по-видимому, имеется в виду «человек из окружения», то есть тот, кто находится в отношениях с субъектом оценки. Далее это понятие уточняется в вариантах «человек, состоящий с субъектом оценки в отношениях дружбы» (*друг*) и «человек, состоящий с субъектом оценки в отношениях вражды» (*враг*).

Однако в речи функционирует языковая единица *друг-враг* (*друзья-враги*), и в пределах подобных речевых

реализаций антагонисты, обозначаемые словами *друг* и *враг*, оказываются в русском языковом сознании неожиданно близки. Уникальное преобразование полярных категорий в неразрывное единство и полученная таким образом языковая единица необычной конфигурации интересно рассмотреть с позиций семантики.

1.3.2. Слово *друг-враг* как полисемант

Анализ речевых употреблений данной единицы свидетельствует о ее полисемантическом характере, поскольку она функционирует как имеющая ряд значений.

1. *Друг-враг* ‘человек, длительные отношения с которым переменчивы, выступающий с течением времени то другом, то врагом’. Это значение объективируется посредством контекстного пояснения, а именно — описания отношений между людьми через временные категории «раньше» — «теперь», либо через обозначения перемены типа отношений (*ссориться*, *мириться*), либо через прямое указание на непоследовательные, противоречащие друг другу действия в отношении одного и того же человека, направленные то на его уничтожение, то на помощь ему: *Друг-враг* его [Александра Блока. — Т. Л., А. Щ.] Боря Бугаев (*теперь* уже окончательно Андрей Белый) давно, кажется, *опять* стал его «другом» (З. Н. Гиппиус. Мой лунный друг, 1922); *То ссорясь, то мирясь* с Гёте, *сместив* его <...> с поста директора театра, он сумел намертво привязать «величайшего немца» к Веймару <...> и, наконец, не только *сохранил при своей особе* многолетнего *друга-врага*, но даже *оказался его доверенным лицом* в самом деликатном деле (Ю. М. Нагибин. О ты, последняя любовь!, 1972—1979) [НКРЯ].

2. *Друг-враг* 'идейный соперник кого-либо, персонаж-антагонист'. Этот лексико-семантический вариант (ЛСВ) служит обозначением людей, находящихся в принципиальной оппозиции друг другу по своим взглядам, морали, и описывает, таким образом, классическое мировоззренческое противостояние, встроенное в ситуацию мирного сосуществования, — единство противоположностей. Логическая структура, лаконично обозначенная этим словом, получает контекстное подтверждение на лексическом уровне — ключевые слова *близнец*, *двойник*, *сближение* указывают на неразрывность логического единства, а маркеры *соперники* и *различное* называют несходные компоненты этого единства. В подавляющем числе контекстов данная лексема выступает литературоведческим термином (или предтермином): *Одна из них — опера Римского-Корсакова «Моцарт и Сальери». Причем дирижер предложил свою редакцию партитуры: в ней обе партии **друзей-врагов** исполняет один актер* (Иванов Л. Большие планы камерного театра // Труд-7, 2007.12.04); *Третья часть романа — попытка сюжетного взрыва, история поединка, дуэли в музее <...>. Левиным антагонистом, соперником, бесом-искусителем становится здесь **друг-враг** Митишатьев (Игорь Сухих. Сочинение на школьную тему // «Звезда», 2002); Но как же организовать поле различий, которые позволили бы нам говорить о М. М и Г. Щ., например, как об **идейных близнецах-соперниках**? Ближайшая близость: скрытые **двойники**, партнеры или **друзья-враги** — конечно, это не подходит? <...> Принцип близнеца в сравнительной аналитике строится на основе пределов **сближения различного** (В. А. Подорога. Проект и опыт, 2004) [НКРЯ].*

При всем том маркировать этот ЛСВ как исключительно литературоведческий термин неверно, поскольку он бытует и в качестве обозначения идейного противника вне описаний литературных персонажей: — *Не пойдет: скомпрометированный термин. Так я жду критики, уничтожающей критики, мой друг-враг.* — *Интересно, как вы технически провернете свой фокус с космическими пришельцами?* — *Это несложно* (Дмитрий Биленкин. Космический бог, 1967); *Розанов был всегда «другом-врагом» Мережковского* — как сам Мережковский выразился (Г. В. Адамович. Мережковский, 1955) [НКРЯ].

3. *Друг-враг* ‘человек, который совершает в отношении другого человека поступки, противоречащие внешнему статусу этих отношений’. Это значение анализируемого слова выявляется в контекстах, содержащих лексические показатели видимого внешнего и необнаруженного внутреннего — *явный, тайный, скрытый, манифестирующие* разрыв между двумя взаимоисключающими линиями поведения человека, которые совмещены в варианте «декларируемое — действительное»: *Речь идет о Яше Гордине, моем друге-враге, явном друге и тайном враге* (В. Соловьев. Три еврея, или Утешение в слезах. Роман с эпиграфами, 1975—1998); *Она все-таки встретила с главой «Перигора», чтобы узнать как можно больше о его скрытном коллеге, о его друге-враге* (М. Баконина. Школа двойников, 2000) [НКРЯ].

4. *Друг-враг* ‘близкий знакомый (друг), связанный длительными отношениями с кем-либо, у кого они вызывают напряжение, неприятные впечатления от оказываемого давления, поскольку развиваются по спирали нарастания и ослабления неоднозначных ощущений

от общения'. В современной жаргонной речи существуют выражения *токсичные отношения*, *амбивалентные отношения*, *токсичная дружба*, которые передают тот же смысл. Эта лексема, вероятно, возникла как калька с англ. *Frenemies*, ср.: *У меня есть друзья, которых мне нравится ненавидеть. Это мои друзья-враги* или, как их называют на английском, — *frenemies* — от *friend* — «друг» и *enemy* — «враг». И, главное, они могут влиять на мое здоровье. <...> я люблю этих людей. Но они сводят меня с ума. <...> такие своеобразные «дружеские» отношения уже давно привлекают внимание психологов. У них даже есть специальный термин — «амбивалентные отношения» [Робсон, 2015].

5. *Друзья-враги* (только множ.) 'сообщество людей, объединенных общими интересами и соперничеством'. Слитность оппозиционных смыслов в одном слове позволяет обозначить посредством этой языковой структуры не одного человека, а множество людей. Это сложное существительное обладает потенциалом для емкой характеристики всей неоднозначности социальных и межличностных отношений внутри человеческого объединения (профессиональной группы или социального слоя). *Я не верю тому, чтобы Гюайта и Пеладан колотили* Гюисманса флюидическими кулаками и чтобы черные маги *наносили* Иоанну Булану *удары* в сердце и печень *из-за трехсот верст*, потому что вся эта компания *друзей-врагов* — наполовину полоумные, наполовину плуты, задавшиеся целью перевернуть правды, которые они слышали одним краем уха, притом не весьма умного (А. В. Амфитеатров. Жар-цвет, 1895) [НКРЯ]. В подобных словоупотреблениях явственно проступает возможность

разорвать сложносоставное слово, трансформировав его в словосочетание, содержащее указание на многовекторные связи между людьми, составляющими одно сообщество, поскольку их связывают различные отношения — близость или неприятие: **вся эта компания друзей и врагов*. Легкость замены дефисного конструкта сочинительным словосочетанием может пробудить сомнения в том, что перед нами состоятельная, полноценная лексема. Однако заметим, что при таком преобразовании может утратиться реальное или потенциальное свойство конфигурата *друзья-враги* — способность обозначать одновременно, с одной стороны, разных людей, которые приходятся одним друзьями, другим — врагами (это своего рода синхронный срез, диагностирующий статусы, позиции, мировоззренческие лагеря в группе людей), а с другой стороны, людей, которых связывают неоднозначные, напряженные отношения, соперничество, когда каждый есть *друг-враг*, то есть близкий знакомый, опасный силой своего влияния, способного оказать ожидаемо негативным.

1.3.3. Выводы

Таким образом, представляется, что номинацию *друг-враг* можно рассматривать как языковую единицу с оксюморонной семантикой, образованную путем сложения целых слов, из которых первое является определяющим, а второе — атрибутивом (*друг-враг* — это прежде всего ‘близкий знакомый’, ‘связанный длительными отношениями с кем-либо’ (что свойственно друзьям), отношения при этом могут характеризоваться ‘переменчивостью’, ‘поступками, противоречащими внешнему статусу

этих отношений', например, 'идейным соперничеством', 'антагонизмом', 'напряжением, неприятными впечатлениями от оказываемого давления' и др.). О том, что языковую единицу *друг-враг* можно рассматривать как сложившееся многозначное слово, свидетельствуют выявленные на основании контекстного анализа семемы, фиксирующие сложные, противоречивые отношения между людьми, а также обнаруженное в речи употребление слова в переносном значении по отношению к абстрактному понятию: *Бесконечно можно продолжать. Главное — взаимодействие, настоящее, сущностное, дает передышку от данного природой рокового друга-врага, от одиночества* (Ольга Новикова. Мне страшно, или Третий роман // «Звезда», 2003) [НКРЯ]. В этой метафоре реализованы смыслы неизбежности сосуществования (своего рода дружественная связь) и одновременно нежелательности, негативной оценки явления (по аналогии с опасностью как свойством врага).

РАЗДЕЛ 2

КОНФИГУРАЦИИ СМЫСЛОВ ЕДИНЕНИЯ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

Авторы:

Леонтьева Татьяна Валерьевна

Ребрина Лариса Николаевна

Щетинина Анна Викторовна

От авторов:

Информационные технологии предоставили современному человеку небывалые возможности обмена информацией, поиска сходных людей и мнений, солидаризации друг с другом. Русский язык пополнился множеством слов и речевых оборотов, номинирующих новые формы, виды, средства коммуникации. Описать их все в одной главе, или книге, или даже десятке книг невозможно. Мы сосредоточились на трех темах. Прежде всего, это мемы общественной поддержки, которые позволяют составить представление о типологии мемов и об их репликационном потенциале как способе солидаризации интернет-пользователей. Во-вторых, культура публичности и сформированные ей коммуникативные практики попали под лингвистическую оптику в варианте явления, называемого *шинперством*. Наконец, предметом внимания стало социокультурное явление, лексическим ярлыком которого является выражение *новая искренность*, подчеркивающее ориентированность современной культуры на неограниченное самовыражение и культивируемую эмоциональность.

2.1. Интернет-мемы 2019—2021 годов: трансляции смыслов единения в интернет-коммуникации¹

Автор: Ребрина, Л. Н.

Аннотация

События 2019—2021 годов повлияли на индекс социального оптимизма и социальное самочувствие россиян, на постоянно присутствующие в обществе разнонаправленные тенденции к консолидации и разобщению. Объектом исследования являются заимствованные и появившиеся в русскоязычном сегменте Интернета, функционирующие в указанный период интернет-мемы, транслирующие смыслы «единение» и «разобщение». Актуальность исследования обуславливается необходимостью изучения новых принципов распространения информации и ее желательных характеристик в информационно перегруженном обществе, познавательным потенциалом «визуального поворота» в гуманитарном знании, социальной значимостью репрезентируемого исследуемыми единицами содержания, дефицитом лингвистических, междисциплинарных теоретических и эмпирических работ в данной области. Изложены результаты анализа отобранных в соответствии с заданными семантическими признаками интернет-мемов в их динамике в рамках типологии Н. А. Зиновьевой, выстроенной на шести дихотомиях (истина — ложь, персонаж — событие, традиция — инновация, фон — фигура, «изображение — текст», «мысль — действие»). Представлены наблюдения о специфике использования прецедентных феноменов при формировании и развитии интернет-мемов.

¹ Данный раздел монографии подготовлен на основе научной статьи, опубликованной при поддержке гранта: Ребрина Л. Н. Интернет-мемы 2019—2021 годов как актуальный феномен интернет-коммуникации : смыслы единения и разобщения / Л. Н. Ребрина // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 6. — С. 235—267. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-235-267.

2.1.1. Вводные замечания

События 2019—2021 годов, заставляющие специалистов говорить о мультикризисе (глобальный экономический, финансовый, политический кризисы, пандемия коронавируса), не могли не сказаться на «социальном самочувствии», «индексе социального оптимизма» россиян. Разнонаправленные процессы единения и разобщения в обществе в 2019—2021 годах получают яркое отражение в интернет-коммуникации. Одним из ее активно развивающихся феноменов, чутко реагирующих на настроения и потребности участников, являются интернет-мемы. Актуальность исследования идеографически детерминированной выборки современных интернет-мемов 2019—2021 годов, транслирующих смыслы единения и разобщения, обусловливается рядом факторов: эвристическим потенциалом «визуального поворота» в гуманитарном знании и значимостью изучения новых принципов распространения информации (на фоне формирующихся из-за информационного перенасыщения «нечувствительности» и «усталости» адресатов) и ее новых желаемых характеристик (адресность, воспроизводимость, лаконичность формы при усложненной прагматике, эмоциональная привязка и т. д.); необходимостью дальнейшей разработки вопросов взаимосвязи технологических и социокультурных изменений; важностью репрезентируемой исследуемыми единицами социальной проблематики.

Мемы в современном гуманитарном знании анализировались с позиций этологии и эволюционной эпистемологии (Р. Докинз и его последователи, рассматривавшие мем как репликатор нового типа с позиции

биологической теории эволюции); психологии (мем как внутренняя репрезентация знания, формирующая себя в запоминаемой форме идея, см.: К. Диас, К. Маурицио, Г. Плоткин и др.); кибернетики (мем как самоорганизующаяся в психовирус, в поведенческий код информационная единица, см.: Р. Броуди и др.); медиалогии (мем как спонтанный креативный социокультурный продукт, медиатекст, см.: Л. В. Моисеенко, Д. Рашкофф, М. Паз, Е. Поляков, С. Хаген, Л. Шифман и др.); меметики (мем как комплексный многоуровневый знак, существующий в сознании человека / культуре, культурный аналог генов, самовоспроизводящаяся единица для переноса культурных идей, см.: К. Дистин, Д. Гэверер, Дж. Гемслей, А. Смит, Д. Халл и др.); политической пиарологии (мем как действенный инструмент PR-деятельности в политике, см.: А. Квят и др.); социального компьютинга (мем как социальная инфекция, инструмент социальной инженерии, см.: М. А. Антонов, А. Ю. Бубнов и др.); эволюционистской, когнитивной визуальной социологии (мем как инструмент влияния на поведение других, характеристика распространения информации, средство визуализации опыта и фокуса общественного интереса, см.: К. Аоки, Дж. Барков, Г. Игнатов, Т. Шварц, Н. А. Зиновьева и др.); герменевтики культуры (мем как продукт эволюции культуры, как единица информации, выносимая из контекста, см. А. М. Олешкова и др.); поведенческой характеристики фокус-групп (мем как групповой маркер, см.: Т. Асканиус, С. Бельтран, Ф. Кабалеро, М. Конде, Е. Н. Лысенко, К. М. Мильтнер, С. Моралес и др.); контент-анализа коммуникативных практик гражданской активности (мем как маркер политической общественной ре-

акции, см.: Л. В. Логинова, В. В. Щебланова, И. Ю. Суркова и др.); концепции мультимодальности (мем как продукт «содружества» разных семиотических кодов, см.: Аслан, Я. Ву, М. Волл, М. Динель, Ф. И. М. Поппи, Е. И. Голованова, О. А. Гудкова, Ф. Зандер, О. А. Никитина, А. Остеррот, З. Э. Саидова, Н. В. Часовский и др.); прецедентности в массовой культуре и коммуникации (мем как разновидность прецедентного феномена, см.: Н. Г. Асмус, Ф. Гартманн, Р. Гузаерова, С. В. Канашина, А. Мартынюк, О. Мельченко, Т. Е. Савицкая, Ю. В. Щурина, Н. Эрленманн и др.); лингвокультурологии (мем как лингвокультурный феномен, в том числе подверженный культурной адаптации, ассимиляции, см.: М. И. Громова и др.), концепции лингвокреативности как свойства языкового сознания (мем как новый формат лингвокреативности, см.: А. В. Вешнякова, М. Мортенсен, К. Ноймайер и др.).

Цель нашего исследования — определение общих и различающихся особенностей предъявления и трансляции смыслов «единение» и «разобщение» посредством мемов, функционирующих в 2019—2021 годы в русскоязычном сегменте интернета. В качестве определяющих исследовательские задачи вопросов предлагаются следующие: различаются ли генетические признаки, источник и тип адресации мемов, транслирующих противоположные смыслы; схожи ли используемые типы прецедентных феноменов, участвующие в смыслопорождении отражаемые объекты действительности; обнаруживается ли семантически задаваемая специфика взаимоотношения вербального и визуального рядов, состава значимых элементов визуального компонента мемов; отличается ли репликация компонентов мемов с противополож-

ной семантикой. Как показывает представленный выше краткий обзор направлений исследований интернет-мемов, указанные цель и аспекты изучения мемов направлены на получение новых научных результатов.

2.1.2. Интернет-мемы: понятие и типология

Представим кратко теоретические положения, рассматриваемые нами как исходные для своего исследования.

Интернет-мемы (ИМ) создаются на основе социального знания, индивидуальных опыта и воображения, отражая Интернет-культуру как «культуру мгновения» [Зиновьева, 2015] или комментирующую культуру, культуру ремарок и ремиксов [Дацкевич, 2012; Савицкая, 2013], транслируя оперативную реакцию на ситуацию и находящиеся в фокусе интереса общества / определенной группы смыслы, делая индивидуальное понимание мира публичным, выполняя идентифицирующую и дифференцирующую функции в интернет-сообществах [Зиновьева, 2015, 2016; Hagen, 2022; Lukacs, 2022; Myths and imaginaries of feminist ..., 2022]. ИМ выступают знаками социокультурного и политического ландшафта, инструментами картирования повседневной жизни [Askanius, 2021; Lukacs, 2021; Zidani, 2021]. Границы функционирования интернет-мемов отражают границы группы «своих». Данные границы являются максимально широкими для универсальных ИМ, сужающимися — для сепаратных ИМ. Сепаратные ИМ включают узкоцелевые (ориентированные на определенную целевую группу, отражающие ее идентичность и предполагающие наличие знаний, опыта данной группы) и ситуативные ИМ (базируются на осведомленности

об отражаемой ситуации, текущем моменте) [Зиновьева, 2015; Щурина, 2012; Hagen, 2022]. Сепаратные ИМ представляют собой «проводники неравенства», функционируют как субкультурный маркер (ср. социально маркированные лексические единицы), выносят за рамки коммуникации пользователей, не имеющих нужных фоновых знаний, культурной базы сообщества [Зиновьева, 2015]. Открытость интернет-культуры при этом способствует распространению за пределы сообщества интернет-мемов, приобретающих характеристики потенциально универсальных ИМ. Такие ИМ апеллируют к общекультурным, общечеловеческим, разделяемым представителями разных лингвокультур и социальных групп коннотациям (например, к эмоциям). Репосты выступают знаками идентификации [Савицкая, 2013]. По мнению некоторых исследователей, данный новый феномен интернет-культуры имеет исторические корни, например, «народные картинки» / «лубки» / «массовые гравюры» [Вешнякова, 2016] или салонное остроумие, анекдот [Там же].

В рамках ИМ посредством трансформации прецедентных феноменов осуществляется обращение к культурным знаниям, фоновой информации, закрепление за ИМ культурной коннотации [Щебланова и др., 2020; Díaz et al., 2013; Dynel et al., 2021; Miltner, 2014; Shifman, 2013]. В ИМ реализуются два основных вида трансформации прецедентных феноменов — дополнение и замена вербального / невербального компонента [Канашина, 2018; Aslan, 2021; Martynyuk et al., 2021]. Трансформирование прецедентных феноменов обуславливает их функционирование в качестве средств создания комизма (по-

средством аллюзии к смешной ситуации или юмористического обыгрывания несмешной ситуации), особой эстетики (разнообразие художественного пространства ИМ), диалога (установление контакта посредством обращения к опыту адресата, идентификация членов сообщества), интеллектуальной игры (необходимость декодирования прецедентного феномена) [Канашина, 2018; Paz et al., 2021]. Особенность использования прецедентных феноменов в ИМ заключается именно в их реинтерпретировании и последующей вариации ИМ при сохранении его общего смысла. Превращение «потенциально меметической» информации в ИМ предполагает предварительную деконтекстуализацию (отчуждение от исходного социального / ситуативного / лингвистического контекста) и последующую реконтекстуализацию [Никитина и др., 2018]. То есть ИМ функционирует как изменяющийся шаблон, контекстуализируемый в разных коммуникативных ситуациях, присоединяющий варьирующуюся часть [Голованова и др., 2015; Изгаршева, 2020; Лысенко, 2017; Smith et al., 2021]. Т. Е. Савицкая выделяет следующие этапы в жизненном цикле успешного ИМ [Савицкая, 2013]: 1) ИМ активно реплицируется, не освободившись полностью от локального контекста; 2) ИМ превращается в популярный ИМ, освобождается от изначального контекста, подвергается последующим реконтекстуализациям, переосмыслению, упрощению (формирование мемо-дискурса с порождением новых надстраиваемых смыслов); 3) ИМ обретает общеизвестное содержание (возможно продвижение ИМ в офлайн-реальность, порождение материальных объектов), происходит пресыщение, переход в пассивное употребление.

ИМ представляет собой мини-нарратив, который отражает наступившую предсказанную М. Маклюэном вторичную устность, схватывающий и эксплицирующий коллективное бессознательное [Савицкая, 2013]. ИМ характеризуется ориентированностью на эмоциональное воздействие, комическим эффектом, высокой концентрацией смысла при лаконичности, адресностью, приближенностью к разговорному / молодежному языку, реинтерпретацией стереотипов, вариативностью и воспроизводимостью, быстрым горизонтальным / вертикальным распространением [Зиновьева, 2015; Савицкая, 2013; Никитина и др., 2018; Лысенко, 2017; Громова, 2015; Erlehnmann, 2013; Hartmann, 2017; Osterroth, 2015; Wu et al., 2021]. ИМ выполняют различные функции, транслируя идею / идеологию, представляя сообщество / индивида, способствуя интеграции и идентификации членов сообщества, выступая средством информирования, эмоционального воздействия, фатики [Зиновьева, 2015; Nagen, 2022; Mortensen et al., 2021].

Существует несколько классификаций ИМ: по источнику происхождения с позиций критических теорий [Рашкофф, 2003]; медиобъекту [Квят, 2013]; носителю мема [Щурина, 2012]. Для нашего исследования представляется целесообразным опереться на типологию ИМ Н. А. Зиновьевой, поскольку она основывается на нескольких дихотомиях (Д), учитывающих источник, лежащий в основе объект действительности, смысловую доминанту, форму репрезентации, результирующее воздействие, уровень включенности в культуру. Кратко представим данные дихотомии: а) Д «истина — ложь» (противопоставление указывает на источник ИМ) включает: само-

зарождающиеся / истинные ИМ (см. [Рашкофф, 2003]), распространяющиеся благодаря синхронности с переживаниями других членов сообщества, спонтанные, вирусные ИМ; намеренно созданные / ложные ИМ (в том числе используемые в маркетинговых, PR-целях спонтанные, истинные ИМ); б) Д «персонаж — событие» (указывает на отражаемый объект действительности) включает: ИМ-персонаж, в рамках которого персонаж обрамляется событийным фоном, закрепляется ассоциирование персонажа с определенными эмоциями, смыслами; ИМ-событие, диктующий определенный взгляд на ситуацию / событие; при этом одно событие может отражаться несколькими ИМ с разными интерпретациями (то есть речь идет об одном денотате и разных сигнификатах); в) Д «традиция — инновация» (отражает уровень укорененности в культуре) включает: ИМ-традицию, предполагающий обращение к общему прошлому (типичный опыт, практика, фразы классических произведений), наличие определенных культурных знаний для декодирования ИМ; ИМ-инновацию, строящийся на актуальных, вызывающих переживания новостях / новых практиках или произведениях (предполагает информированность о текущем моменте); г) Д «фон — фигура» (указывает на смысловые доминанты) включает: ИМ с подчиненной ролью фона (представляют персонажей с уже сложившимися образами и ассоциированными смыслами, доминирующих над фоном, в котором они появляются); ИМ с подчиненной ролью фигуры (фон доминирует, задает вектор восприятия, эмоции, используется для придания определенных смыслов изображениям / надписям); д) Д «изображение — текст» (отражает форму репрезен-

тации, узнаваемый и реплицируемый элемент, который может обретать новый смысл / придавать новое содержание другому объекту) включает: ИМ-изображение и ИМ-текст; е) Д «мысль — действие» (указывает на результирующее воздействие) включает: ИМ-мысль (нацелен на инициацию разделения определенного знания, позиции, эмоции и предполагает броскость образов и четкость посланий); ИМ-действие (инициирует повторение поступка, это своего рода сплывающий анонимный добровольный флеш-моб с обязательной визуальной фиксацией воспроизведенного действия) [Зиновьева, 2015].

Источниками эмпирического материала послужили мемотеки и коллекции ИМ (мемотека «Мемепедия» [Мемепедия], Мемоарсенал [Мемоарсенал], мемотека «Know Your Meme» [Know Your Meme], мемотека «MemesMix» [MemesMix], коллекция генераторов мемов «Рисовач. Ру» [Рисовач], развлекательная коллекция Medialeaks [Medialeaks] и др.). Критерии отбора материала: а) функционирование в русскоязычном сегменте интернета; б) появление или приобретение популярности в период 2019—2021 годов; в) отнесенность транслируемых смыслов к обобщенным смыслам «единение» / «разобщение»; объем выборки составил 102 ИМ. Систематизация материала, отобранного из контента сервисов и библиотек ИМ, показывает, что появившиеся / получившие широкое распространение в русскоязычном сегменте Интернета в означенный период интернет-мемы конституируют антонимичные подгруппы, транслирующие смыслы «единение» и «разобщение», иллюстрирующие соответствующие процессы в обществе, а также подгруппу, образующую переходную зону между данными группами.

Отобранные ИМ анализируются в рамках предложенных А. Е. Зиновьевой дихотомий [Зиновьева, 2015] в аспекте генетических признаков (возникший в данной лингвокультуре / заимствованный), адресации (универсальность / сепаратность), специфики использования прецедентных феноменов, особенностей взаимодействия вербального и визуального рядов, состава значимых элементов визуального компонента (визуализация смыслов единения / разобщения), транслируемых частных смыслов, динамики развития мема в онлайн- и офлайн-пространстве, раскрывающей полевою структуру интернет-мема.

2.1.3. Интернет-мемы 2019—2021 годов, конституирующие семантическую группу «Единение»

В качестве первого примера рассмотрим ИМ «Я/Мы» (рис. 1), появившийся 10.06.2019 г. на первых полосах газет «Коммерсант», «РБК», «Ведомости» в поддержку обвиненного журналиста И. Голунова, распространившийся в русскоязычном сегменте Интернет уже на следующий день и породивший в дальнейшем серию реинтерпретаций и реконтекстуализаций в стилистике плаката с таким же лаконичным дизайном и легко считываемым лозунгом [Мемепедия]. Это искусственный, сепаратный ситуативный ИМ созданный с определенной целью, обусловившей, по словам авторов, его дизайн: сплетенные буквы местоимений и цветовое выделение *мы* как выражение идеи единения (рис. 1.1). Описываемый мем представляет собой ИМ-событие, ИМ-инновация, ИМ-текст, ИМ-мысль, ИМ со значимой ролью фона). ИМ функционировал как символ солидарности; перешел в офлайн

(участники митинга в поддержку И. Голунова были в футболках с данным ИМ). Летом 2019 года он использовался для поддержки фигурантов «Московского дела» о беспорядках и насилии в отношении представителей органов правопорядка; позже (сентябрь 2019 года) российские селебрити использовали ИМ, выступая в поддержку актера П. Устинова (рис. 1.2). Смысловая доминанта ИМ — надпись в определенном дизайне; фон, а точнее, его отсутствие при этом позиционирует транслируемую идею как серьезную. Изначально ИМ ориентирован не на комический эффект, а на консолидацию, инициацию чувства солидарности. Декодирование данного ситуативного ИМ предполагает, что адресат следит за текущими событиями. В последовавших пародиях ИМ отрывается от ситуативной привязки (выступление в защиту конкретного лица); в результате трансформаций с использованием замены и распространения вербального компонента шаблон наполняется новым содержанием при сохранении общего исходного смысла (рис. 1.3, 1.4). В реконтекстуализированных ИМ (ИМ 3, 4), как и в исходном ИМ, а) отражается идея о необходимости и силе единения, поддержки, общности ситуации, которая спланирует, несмотря на разный «опыт потерь»; б) используется визуальный шаблон (белый фон, заглавные буквы, переплетенные буквы первых двух слов, цветовое выделение второго слова). Ядро ИМ (пункты а и б) остается константным. Вербальный компонент (кроме ИМ3) характеризуется отсутствием пунктуации, аграмматичностью, напоминает конденсированную / сокращенную внутреннюю речь (в понимании психологов; см. [Выготский, 2019]). Визуальный и вербальный компоненты

находятся в отношении консонанса, поддерживают друг друга при формировании транслируемого смысла, способствуя оптимизации воздействия. ИМ 3 (рис. 1) представляет собой ответную реплику, образует вопросно-ответное единство с ИМ1. ИМ3 не может рассматриваться как универсальный, поскольку его декодирование требует знания исходного ИМ и какой-либо из предшествующих ситуаций. В результате реконтекстуализации ИМ4 превращается в сепаратный узкоцелевой (присутствует апелляция к прецедентному феномену — значимой фигуре сибирского андеграунда Егору Летову и его песне «Мы — лёд под ногами майора»).

Рис. 1. ИМ «Я/Мы» [Мемепедия]

Следующий ИМ представляет собой единство мемной фразы «Мы с пацанами» и изображения группы субъектов в качестве визуального шаблона. Чаще всего используется прецедентный феномен — персонажи-злодеи мультсериала «Человек-паук». ИМ употребляется для обозначения дружеских отношений, общности реакции или общего занятия, коллективной активности, как правило, совместных развлечений [Мемепедия]. Данный мем представляет собой истинный, заимствованный ИМ, ИМ-персонаж, ИМ-традицию (обращение к мультипликационному фильму 1967 года), ИМ-изображение-текст (реплицируются визуальный компонент и мемная фраза «я / мы с пацанами»), ИМ с подчиненной ролью фона

(используются персонажи с ассоциируемыми смыслами, доминирующие над фоном), ИМ-мысль. Первое появление оригинального ИМ (*Me and the boys*) зафиксировано в январе 2019 года в Инстаграме¹, позднее происходит распространение на Reddit со случайно варьируемой визуальной частью, с конца мая 2019 года — активное размещение в русскоязычном сегменте Интернета с изображением 4-х злодеев (Зеленый Гоблин, Носорог, Стервятник, Электро), пик популярности — 02–03.06.2021 г. [Мемепедия] (рис. 2.1). И в исходной версии, и при дальнейшем функционировании шаблона используется диссонанс между вербальным и невербальным компонентами (изображение ухмыляющихся злодеев и веселая, развлекательная ситуация / обыгрывание юмористической надписью). С другой стороны, визуальный ряд (изображение группы субъектов, пребывающих в одинаковом настроении, эмоционально связанных; яркие цвета) дополняет вербальный компонент, органично взаимодействуя с последним. Отношение визуального и вербального рядов можно интерпретировать как диссонансно-консонансное. При этом сохраняется константное ядро, включающее обобщенное значение (совместные времяпрепровождение и переживание веселой ситуации) и визуальный шаблон. ИМ также вышел в офлайн (например, косплеи среди школьников). При дальнейшей реконтекстуализации в русскоязычном сегменте Интернета трансформации чаще всего подвергается вербальный компонент (замена местоимения *мы* на *я*, существительного *пацаны* на *парни* / *кореша*, распростра-

1 Социальная сеть признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

нение мемной фразы (рис. 2.2, 2.3). Общее значение ИМ сохраняется. Полное декодирование ИМ, в том числе комического эффекта, предполагает знание прецедентного феномена (персонажей, сцены мультсериала), что придает описываемому ИМ черты сепаратного узкоцелевого ИМ.

Рис. 2. ИМ «Мы с пацанами» [Мемепедия]

Мемная фраза «Родненькие мои» иллюстрирует истинный ИМ, ИМ-инновацию (отсылка к прецедентному феномену — человеку-мему, популярному фрик / треш-блогеру Олегу Монголу, автору данной фирменной фразы-приветствия, выступающей смысловой доминантой). Описываемый мем представляет собой сепаратный узкоцелевой ИМ-текст, ИМ с подчиненной ролью фона, ИМ-мысль (рис. 3). ИМ получил распространение летом 2019 года, используется в онлайн- и офлайн-коммуникации как обращение, приветствие; означает, что говорящий причисляет всех, к кому обращается, к близким людям, тепло относится к ним [Мемепедия]. Иницилируемое эмоциональное восприятие обуславливается использованием окказионализма и фигурой самого блогера. Олег Монгол размещает в своем блоге с миллионной аудиторией посты о буднях российских провинциальных маргиналов; блог, по мнению аналитиков, представляет

собой созданный, продюсируемый сторонним лицом довольно успешный провокационный проект. Полное декодирование ИМ предполагает наличие соответствующего группового опыта подписчиков, посетителей аккаунта блогера. Ядро ИМ образуют графический компонент — написание белым шрифтом лексической единицы *родненькины*; обобщенное значение — обращение, передающее теплое отношение, переживание единения. Вербальный компонент трансформируется, как правило, посредством распространения, может содержать / не содержать знаки пунктуации. Визуальный компонент является факультативным, чаще всего содержит изображение блогера, не играет значимой роли в смыслопорождении.

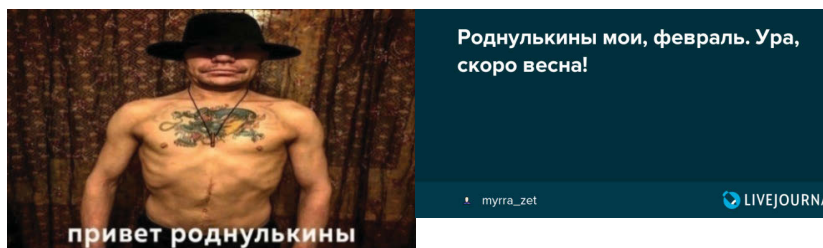

Рис. 3. ИМ «Родненькины мои» [Мемепедия]

Заимствованный ИМ «Большой и маленький Спайдермен» апеллирует к фильму «Человек-паук: Через вселенные» (2018 год; сцена встречи Спайдерменов из параллельных вселенных для последующего совместного спасения мира). ИМ появился в начале 2019 года на новостном сайте Reddit [Мемепедия]. Визуальным шаблоном выступает прецедентный феномен — кадр из данного фильма. Мем представляет собой истинный ИМ, ИМ-персонаж, ИМ с подчиненной ролью фона, ИМ-

инновацию, ИМ-изображение, ИМ-мысль (рис. 4). Общее значение ИМ — преемственность, связь между поколениями. В последующих вариантах добавленная к прецедентному кадру надпись о двух вселенных (рис. 4, ИМ2) изменяется, прецедентный феномен вводится в созвучный контекст (совместное действие двух поколений, ситуация передачи опыта, знаний, обучения) с юмористическим обыгрыванием отражаемой ситуации (рис. 4, ИМ3). Продвижению в онлайн-пространстве способствует постепенная деконтекстуализация исходного ИМ при константности ядра ИМ. Визуальный компонент (изображение двух субъектов разного возраста в одинаковой позе, связанных совместным занятием) и вербальный компонент вступают в отношение консонанса, дополняя друг друга при формировании транслируемого смысла. ИМ включает черты универсального мема (апелляция к общему, знакомому всем опыту, легко считываемое значение изображенной ситуации), но его полное декодирование, реализация юмористического эффекта предполагают знание используемого прецедентного феномена, что указывает на его сепаратный узкоцелевой характер. ИМ при этом характеризуется довольно широкой адресацией; целевая группа ИМ ввиду известности кинофильма и персонажа «человек-паук» многочисленная.

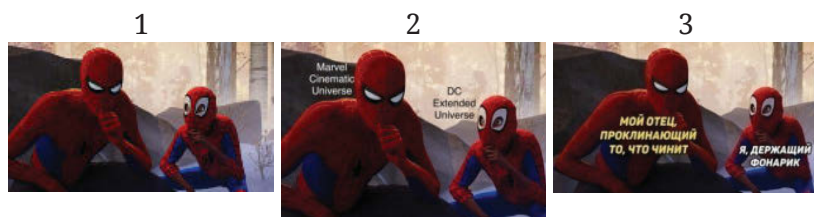
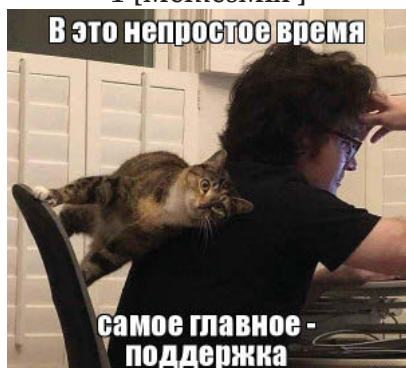

Рис. 4. ИМ «Большой и маленький Спайдермен» [Мемепедия]

ИМ-мотиватор о поддержке с использованием в качестве визуального шаблона опубликованной в музыкальной социальной сети «На заваulinke» забавной фотографии с котом из приюта для животных появился на сайте MemesMix 19.04.2020 [MemesMix]. Уже через неделю в социальных сетях начали распространяться вариации данного ИМ (рис. 5, ИМ2, дата публикации: 22.11.2020). В 2021—2022 годах ИМ продолжает активно использоваться в социальных сетях (рис. 5, ИМ3, дата публикации: 26.04.2021 г.; ИМ4, дата публикации: 12.01.2022 г.). Модификации подвергается вербальный компонент, в котором реализуется уточнение обобщенного значения (а именно — объекта поддержки), разная ситуативная привязка ИМ: ИМ1 и ИМ3 — поддержка вообще, без ограничений на объект поддержки; ИМ2 — поддержка желающих оставаться красивыми девушек; ИМ4 — поддержка обучающихся. При этом ИМ 1, 3, 4 можно отнести к условно универсальному мему с чертами узкоцелевого ИМ (адресат — все знакомые с мемной культурой, в частности с ИМ «Котики»); ИМ3 тяготеет к сепаратным узкоцелевым ИМ, поскольку предполагает знакомство с мемной фразой «собака сутулая». Мемная фраза активно функционирует в русскоязычном сегменте Интернета с 2015 года, отсылает к выпуску реалити-шоу «Дом-2» в июне 2015, в котором участник Е. Кузин использовал ее для оскорбления участницы К. Коробейниковой. Визуальный шаблон ИМ о поддержке остается неизменным. Вербальный компонент усиливает и конкретизирует выражаемую визуальным компонентом идею поддержки. Обобщенное значение, конституирующее вместе с визуальным шаблоном ядро ИМ, — выражение поддержки, призыв собраться с силами.

Это истинный ИМ, ИМ-персонаж, ИМ-изображение, ИМ с подчиненной ролью фона, ИМ-традиция-инновация (транслирует традиционные установки, ценности, при этом опирается как на общие эмоциональные переживания, так и на современный прецедентный феномен — популярную серию ИМ «Котики»), ИМ-мысль.

1 [MemesMix]

2 [VK]

3 [VK]

4 [VK]

Рис. 5. ИМ-мотиватор о поддержке

Рассмотрим еще один ИМ данной подгруппы. 10 июня 2019 года на Яндекс Дзен появляется ИМ «Народ России не сломить» (рис. 6, ИМ1). Автор публикации использует ИМ, чтобы визуализировать общую ответственность граждан страны за ее будущее, призывает граждан РФ принять участие в выборах. В качестве визуального шаблона использована карикатура, созданная египетским режиссером, сценаристом и карикатуристом Шерифом Арафа (рис. 6, изображение 2). Вербальный компонент подвергается модификации, при этом сохраняется константным ядро ИМ (рис. 6, ИМ3). Обобщенное значение ИМ, составляющее вместе с визуальным шаблоном ядро ИМ: «вместе мы сила». Впоследствии визуальный шаблон также используется для иллюстрации сути командной работы, функционирования маркетинга (рис. 6, ИМ3). Данный ИМ представляет собой универсальный, истинный ИМ, ИМ-персонаж, ИМ-мысль, ИМ-традицию, ИМ-изображение, где фон, на котором размещено изображение, не несет смысловой нагрузки. Визуальный компонент (изображение организованного, сплоченного, выполняющего общую функцию коллективного субъекта и испуганного одинокого противника) и вербальный компонент органично взаимодействуют, совместно формируют транслируемый смысл пользы единения, дополняя друг друга. Следует, однако, отметить наличие в русскоязычном Интернете более раннего антонимичного ИМ-демотиватора (рис. 6, ИМ4, дата публикации: 06.02.2012), посвященного идее сплоченности, объединения, но использующего другой визуальный образ и транслирующего противоположную оценку — «группу / противника легче одним махом одолеть, когда он собрал-

ся вместе» (см. вербальный компонент: «Сплоченность. Уязвимость перед большой пастью»). ИМ3 и ИМ4 имеют один денотат, но разные сигнификаты, коннотаты, мотивационные значения и мотивационные признаки.

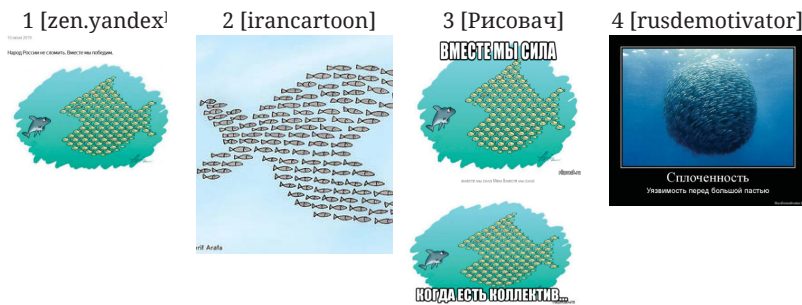

Рис. 6. ИМ «Народ России не сломить», карикатура-шаблон, ИМ «Вместе мы сила», ИМ «Сплоченность. Уязвимость перед большой пастью»

2.1.4. Интернет-мемы 2019—2021 годов, конституирующие переходную зону между семантическими группами «Единение» и «Разобщение»

К переходной зоне нами отнесены ИМ, для которых затруднена однозначная интерпретация, то есть включение их в группу ИМ, транслирующих либо смыслы единения, либо смыслы разобщения.

К данной зоне мы относим, во-первых, имитирующие старые форматы постироничные ИМ-демотиваторы. Потрясения 2020 и 2021 годов привели к ностальгии по прошлому, что отразилось в интернет-коммуникации в возврате к эстетике предшествующих поколений, интересе молодежи к старым форматам, в том числе к старым («олдовым») ИМ. Данные ИМ отражают ностальгирующее «эстетическое единение» со-

временных авторов ИМ с прошлым поколением, с одной стороны, и стигматизацию, мягкую постиронию по поводу предшествующего поколения, негативную оценку современной ситуации / обстоятельства / события, с другой стороны [Мемепедия]. Их сложная и противоречивая семантика затрудняет однозначное отнесение описываемых ИМ к группе «Единение» или к группе «Разобщение». В сети появляются черно-белые постироничные ИМ, соединяющие в шаблон три тренда: дизайн демотиватора, маску Ананонимуса, «олдовые» ругательства (рис. 7, ИМ1,2). Данные ИМ представляют собой сепаратные узкоцелевые мемы (предполагают знание комбинируемых трендов), истинные ИМ, ИМ-традицию, ИМ-персонаж, ИМ-изображение-текст, ИМ-мысль. Константным остается ядро ИМ: визуальный шаблон и обобщенное значение — постироничное ностальгическое возвращение к прошлому, ироничная, смягченная анахроничностью стилистики порицающая реакция на современную ситуацию. ИМ характеризуется отношением консонанса между визуальным и вербальными компонентами; визуальный компонент синхронизирован (в темпоральном плане) с вербальным компонентом, взаимодействуя с последним при формировании ностальгической тональности, апелляции к опыту прошлого поколения. Данный тренд в январе и феврале 2021 года получил широкое распространение в связи с запретом использовать матерные ругательства в социальных сетях. Постироничные ИМ-демотиваторы перешли в офлайн (выпускаются футболки и другие подарки мужчинам к 23 февраля с соответствующими изображениями).

Рис. 7. ИМ в стиле демотиваторов [Мемепедия]

Во-вторых, к данной зоне мы отнесли актуальные в период пандемии коронавируса ИМ о дистанции. Данные ИМ не транслируют смыслы разобщения, разделения общества, противопоставления социальных групп или вражды как таковые, с одной стороны, но отражают обусловленные требованиями безопасности в пандемию изменения самого общения и «совместности», с другой стороны. Тема дистанции активно обыгрывается в ИМ (рис. 8). ИМ 1—4 носят универсальный характер, апеллируют к прецедентным феноменам, представляют собой истинные мемы, ИМ-традиции, ИМ-персонажи, ИМ-изображения, ИМ-мысль. Воздействие ИМ1 обуславливается обыгрыванием анахронизма вербального компонента (актуальное требование в пандемию) и невербального компонента (изображение на большевистском агитационном плакате времен гражданской войны «Ты записался добровольцем?», появившемся в 1920 году). В ИМ2 используется аллитерация с именем возлюбленной главного героя, отсылка к посвященной ей песне из кинофильма «Д'Артаньян и три мушкетёра» с М. Боярским в главной роли, сцены которого представлены в ИМ. В ИМ3 юмористический эффект также строится на анахронизме вербального и невербального компонентов, помещении сказки о репке в современную пандемическую реальность, доведении сюжета до абсурда (изображается

центральное действие сказки, когда персонажи сообща вытаскивают репку, взявшись друг за друга, вплетенное в канву сегодняшнего требования соблюдения дистанции). В ИМ4 юмористическое обыгрывание ситуации выстраивается на: а) использовании узнаваемого персонажа и апелляции к заимствованному самостоятельному появившемуся в 2012 году ИМ «Ди Каприо с бокалом мартини» с кадром из фильма «Великий Гэтсби» со значением поздравления, приободрения, одобрения, позже — приглашения повеселиться / выражения недовольства с сарказмом; б) употреблении прецедентной фразы *больше трех не собираться* с одновременной отсылкой к двум ее вариантам прочтения (к появившемуся в дореволюционной России и активно используемому до сих пор выражению *сообразить на троих*; к знакомому по историческим фильмам требованию полицейских и жандармов в предреволюционной России, связанному с запретом Николаем II в 1906 году публичных собраний); в) необычном завершении прецедентной фразы («*под столом*», что воспринимается как нарушение ожиданий при втором варианте или как возможное развитие ситуации при первом варианте прочтения прецедентной фразы). Все использованные прецедентные феномены являются узнаваемыми для широкого адресата, субъектов разных общественных групп. Визуальный компонент ИМ1 (фигура красноармейца, сурово указывающего на реципиента, сочетание красного, черного, белого цветов) активно участвует в формировании побудительной семантики в рамках ироничного обыгрывания, воссоздаваемого во многом посредством временной несогласованности и семантического консонанса изображения

и подписи. Визуальный ряд ИМ2 (изображение героя, переживающего трагедию) в несколько гиперболической форме формирует коннотативный смысловой компонент, задавая вектор восприятия, оценки, дополняет вербальный ряд. В ИМ3 визуальный и вербальный компоненты также связаны отношением консонанса: визуальный компонент (черная рамка демотиватора, изображение разделенных субъектов, неспособных совместно выполнить нужное действие, повторяющееся графическое обозначение требуемой дистанции) дополняет вербальный компонент, семантически акцентируя элемент высказывания «конец», направляет восприятие транслируемого смысла. ИМ4 представляет собой комбинацию эдвайса, категориальное значение которого заключается в юмористическом предъявлении совета, и макроса, специализированного на передаче эмоции; двухчастный вербальный компонент соотносится с обеими жанровыми интенциями ИМ; визуальный ряд (изображение персонажа с бокалом, его радостное, приглашающее выражение лица, атрибуты праздника) взаимодействует с вербальным компонентом, подкрепляя обе части последнего, (1. *Больше трех не собираться!*; 2. *Под столом*) и создавая нужную ассоциативную связь.

Рис. 8. ИМ о соблюдении дистанции

В-третьих, к описываемой переходной зоне мы склонны отнести ИМ-сравнения, в которых находит отражение юмористическая переоценка общительности, коммуникабельности в период пандемии (рис. 9). Данные ИМ не указывают на разобщение в обществе как таковое, тематизируется нежелание выходить из дома и избегание «реальных» (не виртуальных) личных контактов. Ядро ИМ образуют визуальный шаблон (повторяемое два раза изображение лежащего субъекта, олицетворяющего в первом случае необщительность, а во втором — ответственность и следование новым правилам и рекомендациям) и обобщенное значение «сегодня хорошо / норма то, что раньше оценивалось по-другому». В двухчастном ИМ1 использование одного визуального ряда в обеих частях при разных вербальных компонентах является важнейшим средством указания на изменчивость интерпретаций, поддерживает предсказуемые в обеих частях свойства субъекта (остающийся дома, необщительный, неопрятный).

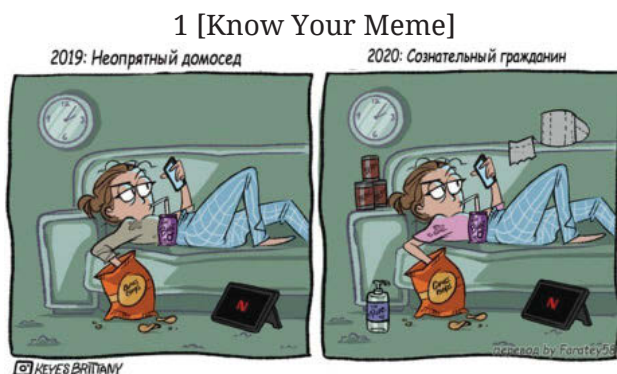

Рис. 9. ИМ «Лежи на диване —
будь ответственным гражданином»

2.1.5. Интернет-мемы 2019—2021 годов, конституирующие семантическую группу «Разобщение»

С другой стороны, в 2019 году тема разобщения, противостояния групп в обществе также находит разнообразное отражение в исследуемом феномене. Переживаемые кризисы, пандемия способствовали росту социальной напряженности.

Появляются серии ИМ, затрагивающие тему противостояния, разобщенности поколений. Например, заимствованный ИМ «О'кей, бумер» (оригинал «Ok boomer» появился в Twitter весной 2018 года с изображением Доге, пародируя ИМ «Окей, придурок» [Know Your Meme]). ИМ «О'кей, бумер» отсылает к теории четырех поколений, начал активно распространяться в русскоязычном сегменте Интернета, в TikTok, Instagram¹ в октябре 2019 года вместе с ремиксом на песню «Ok, boomer» студента Дж. Уильямса. Далее последовали многочисленные пародии, флешмобы (в том числе флешмоб в твиттере «Советы бумерам», развившийся в целое движение молодых людей) [Мемепедия] (рис. 10). Общее значение ИМ — выражение пренебрежения зуммеров и миллениалов по отношению к занудному, отсталому и эгоистичному (с их точки зрения) старшему поколению с его коллективистскими ценностями [Мемепедия]. ИМ вышел в офлайн (например: различные арт-объекты / проекты молодежи, статьи в СМИ, одежда с мемной фразой). Ядро ИМ образуют указанное обобщенное значение, изображение некоего живого существа, начертание слова *бумер*. Невербальный компонент характеризуется вы-

1 Социальная сеть признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

сокой изменчивостью (содержит, как правило, изображение персонажа подходящего возраста), вербальный компонент расширяется (в пародийных вариациях слово *о'кей* часто опускается). Представленные на рисунке 10 мемы — истинные ИМ, ИМ-персонажи, ИМ-тексты (реплицируется именно мемная фраза), ИМ-мысль. ИМ1 использует отсылку к традиции (типичный опыт взаимоотношения поколений) и инновации (апелляция к уже существующему ИМ, прецедентному феномену — мультипликационному герою, эгоистичному, глупому, ленивому, пьющему Питеру Гриффину; мультсериал включает 18 сезонов с 1999 по 2020 годы). ИМ2 обращается к традиции, представляет собой пародию, выстраиваемую на прецедентном феномене (кадр сцены в такси из фильма «Бриллиантовая рука»; узнаваемый персонаж Семен Горбунков; диалог «Вы в самостоятельности участвуете?» Семена Горбункова и таксиста-милиционера, трансформированный посредством нарушающих клише замен и распространения). Юмористический эффект ИМ2 основывается на обращении к комедийному эпизоду, помещению его в новые условия с соответствующей адаптацией, на параллели между простоватым, наивным, вечно попадающим впросак Горбунковым и сегодняшними представлениями молодежи о бумерах. В ИМ1 вербальный компонент (изображение узнаваемого героя с множеством негативных характеристик подходящей возрастной категории) участвует в формировании смыслового компонента «осуждение»; вербальный компонент уточняет объект негативной оценки. В ИМ2 визуальный компонент (изображение узнаваемого ретро-героя подходящего возраста в такси) поддер-

живает представленный вербально диалог с таксистом, участвует в формировании мягкой иронии в отношении поколения бумеров, предсцировании ему таких характеристик, как «нелепый», «простак», «несовременный». Описываемый ИМ представляет собой сепаратный узкоцелевой мем (предполагает знание теории 4-х поколений, знание прецедентных феноменов, в разной степени известных молодому или старшему поколениям).

Рис. 10. ИМ «Окей бумер»

Продолжением данного тренда стал заимствованный истинный ИМ «О’кей, миллениал» (рис. 11), в котором противопоставление поколений получает дальнейшее развитие. ИМ «О’кей, миллениал» используется бумерами (считают миллениалов эгоцентриками, не заботящимися об обществе) и зуммерами (находят миллениалов занудными, не понимающими своих детей, высмеивают их ностальгию по 1990-м годам) [Know Your Meme]. Данный ИМ представляет собой сепаратный узкоцелевой мем (предполагает знание теории 4-х поколений, как правило, современного прецедентного феномена; в ИМ1 — кадр из кинофильма «Мстители» (2012 год) с закатывающим глаза Р. Дауни Младшим в роли Железного человека). ИМ1 — типичный мем-макрос, визу-

альный компонент (персонаж с определенной эмоцией) дополняет вербальный компонент, задавая коннотативный смысл и уточняя объект оценки. Описываемый ИМ представляет собой ИМ-персонаж, ИМ-текст (реплицируется мемная фраза, в вариациях мема фрагмент *Окей* может опускаться), ИМ-инновация (апелляция к актуальному прецедентному феномену, современной теории поколений, серии поколенческих мемов), ИМ-мысль, ИМ с подчиненной ролью фона. Отдельную серию составляют вариации ИМ с мемной фразой *Миллениалы изобрели / придумали....*, в которых высмеивается желание миллениалов выдать старое за новое (рис. 11) [Мемепедия]. Данный ИМ также является сепаратным узкоцелевым. Это, как правило, истинные ИМ, ИМ-инновации, ИМ-тексты, ИМ-мысль, ИМ с подчиненной ролью фона. В ИМ2 и ИМ3 визуальный ряд (изображение модифицированных уже существующих и выдаваемых за новые простых объектов) поддерживает называющий данные объекты вербальный компонент, участвуя в предъявлении несоответствия желаемого и действительного, в формировании ироничной тональности. Вербальный и визуальный компоненты связаны отношением консонанса.

Рис. 11. ИМ про миллениалов

В данную группу ИМ, иллюстрирующих разобщение общества по поколенческому признаку, мы включаем также и заимствованный истинный ИМ-сравнение «Качок Доге и Чимс», транслирующий, с одной стороны, ностальгию по прошлому, с другой стороны, противопоставление поколений и негативную оценку современного общества. Данный мем представляет собой ИМ-мысль, ИМ-персонаж, ИМ с подчиненной ролью фона, ИМ-инновацию (апелляция к актуальным мемам ИМ «Доге» и ИМ «Чимс»), ИМ-изображение и ИМ-текст. Шаблон заимствованного рунетом ИМ-сравнения «Качок Доге и Чимс» содержит изображения двух псов породы сиба-ину [Мемепедия]. Данные изображения функционировали до 2020 года в качестве самостоятельных ИМ. Сильный Доге олицетворяет прошлое, все хорошее, что в нем было, а маленький, слабый, грустный и недовольный Чимс, как современная версия Доге, символизирует настоящее. С конца мая 2020 года ИМ в разных вариациях получает широкое распространение в русскоязычном сегменте Интернета (рис. 12). В последующих реконтекстуализациях невербальный компонент (визуальный шаблон — изображения Доге и Чимса) дополняется (например, наушники, каска, оружие, хитон, флаг и т. д. рис. 13, ИМ2,3). Вербальный компонент замещается и расширяется (именная фраза, двусоставное предложение, чаще всего без знаков пунктуации), транслируя при этом сохраняющийся смысл. Обобщенное значение — ностальгия по прошлому, противопоставление общества прошлого и настоящего, негативная оценка настоящего. Во всех вариациях ИМ визуальный компонент (изображение двух разных субъектов, в том числе с поддержива-

ющими предикацию противоположных признаков атрибутами) вступает в отношение консонанса с вербальным компонентом, подкрепляя противопоставление.

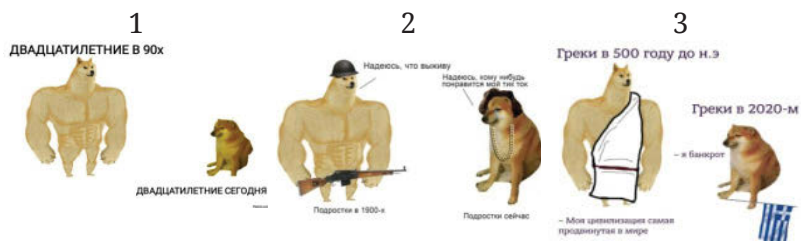

Рис. 12. ИМ «Качок Дог и Чимс» [Мемепедия]

Следующий конституент описываемой семантической группы — универсальные, созданные в русскоязычном сегменте Интернета ИМ про *социальную дистанцию*, представляющие собой ответную реакцию на раздражающее многих использование данного термина в период пандемии, а также на ухудшение экономической ситуации в стране на фоне усугубления расслоения общества. В отличие от описанных ранее ИМ переходной зоны о дистанции, данные ИМ обыгрывают не физическое расстояние между людьми, а разное материальное положение и финансовые возможности, расслоение и разобщение в обществе, неприятие двух разделенных групп. Они представляют собой истинные, универсальные ИМ (с широкой, неограниченной адресацией), ИМ-событие, ИМ-текст, ИМ-мысль, ИМ с подчиненной ролью фона, ИМ-инновацию (апелляция к актуальной ситуации пандемии, переосмысливаемой актуальной фразе). ИМ апеллируют к общему опыту (повседневные требования безопасности в период пандемии, отсылка к значению популярного в период пандемии выражения *социальная*

дистанция для обозначения физического расстояния и его противопоставление реализуемому в ИМ значению). В ИМ1 юмористический эффект обуславливается также включением в визуальный ряд изображения ставшей привычной в 2020 году стрелки для маркировки нужного расстояния и нетипичным использованием числа, обозначающего рекомендованную в пандемию дистанцию между людьми (1,5 метра — 1,5 млрд рублей) (рис. 13). Ядро ИМ — визуальный шаблон (изображение двух субъектов из разных социальных слоев, начертание словосочетания *социальная дистанция*) и обобщенное значение (указание на разные финансовые возможности членов общества и негативная оценка существования такой социальной дистанции). Визуальный компонент ИМ (два статусно различающихся субъекта, горизонтально или вертикально ориентированные символы разъединения) уточняет элемент вербального компонента «социальная дистанция», формируя ироничную тональность и задавая желаемую интерпретацию.

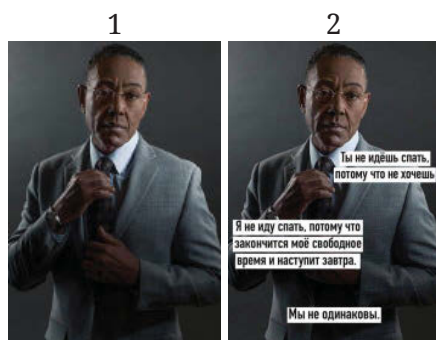

Рис. 13. ИМ на тему «социальная дистанция»

К данной семантической группе считаем возможным отнести также заимствованный истинный ИМ «Мы

разные», ставший в 2021 году вирусным ИМ-трендом. ИМ «Мы разные» акцентирует различие взглядов, ценностей и установок в обществе (в частности, между автором мема и другими людьми), в ироничной форме представляет обоснование непохожести / превосходства над другими людьми. По данным сайта Medialeaks, ИМ-тренд восходит к заимствованному ИМ «We are not the same» («Мы не одинаковы») со значением «у нас разные взгляды / ценности / установки, я — другой», широко распространившегося в 2019 году в Twitter [Medialeaks]. В октябре 2021 года в качестве визуального шаблона ИМ «Мы не одинаковы» активно используется изображение героя сериала «Во все тяжкие» Гуса Фрига. Роль Фрига — безжалостного бизнесмена и наркодельца — играл американский актер Джанкарло Эспозито. Именно данный шаблон был заимствован рунетом (рис. 14, ИМ1, ИМ2). В качестве мемной фразы закрепилось выражение «Мы разные». Визуальный образ, в отличие от мемной фразы, может меняться или отсутствовать, не представляет собой константный элемент ядра ИМ. Далее в русскоязычном TikTok и Twitter последовали видео-флешмобы с мемной фразой (с декабря 2021 года). Ядро ИМ составляет именно мемная фраза (рис. 14, ИМ3 — примеры реконтекстуализаций мемной фразы; в том числе самоироничные реконтекстуализации). Обобщенное значение ИМ — «противопоставление себя и других людей». Данный мем представляет собой сепаратный узкоцелевой (предполагает знание сюжета фильма «Во все тяжкие», его главного героя и исполнителя данной роли), истинный мем, ИМ-инновацию (отсылка к популярному персонажу, заимствованному мему), ИМ-текст, ИМ-персонаж, ИМ с подчиненной ролью

фона, ИМ-мысль. Визуальный ряд апеллирует к исходному ИМ-макросу, выражающему конкретное переживание (уверенность в своем превосходстве, элитарности, самолюбование, высокомерие), и дополняет вербальный компонент. Вербальный компонент уточняет причину, источник переживания. С другой стороны, ассоциируемые с персонажем качества и оценки (жестокий злодей, деляга) и содержание вербального компонента, обыгрываемая, как правило, обычная бытовая ситуация часто вступают в диссонанс, становясь источником дополнительного комического эффекта (см. ИМ2).

3

Ты качаешься, чтобы нравиться девушкам. Я качаюсь, чтобы, если меня похитят, в новостях писали «спортивного телосложения».

Мы разные.

Ты позоришься в интернете, чтобы получить лайки.

Я позорюсь в интернете, потому что тупой. Мы разные.

Тебе нужны отношения, потому что ты чувствуешь себя одиноким. Мне нужны отношения, чтобы кидать картинки с котами и писать: «Это мы». Мы разные.

Рис. 14. ИМ «Мы разные» [Medialeaks]

В рамках данной группы следует также рассмотреть ИМ, посвященные антипрививочникам / антиваксерам, отражающие формирование новых групп в обществе и их противостояние (рис. 15). ИМ1 представляет собой истинный четырехчастный ИМ-комикс, использующий за-

имствованный визуальный шаблон ИМ «Probably whats going to happen sadly» — «Вероятно, то, что произойдет, печально», использовавшийся для ироничной негативной оценки происходящего. Ядро ИМ образуют визуальный шаблон (изображение документа, изображение читающего документ Спанч боба, изображение сжигающего документ Спанч Боба, изображение греющегося у костра Спанч Боба) и обобщенное значение — «то, что происходит, ужасно глупо». ИМ1 представляет собой ИМ-изображение (реплицируется визуальный компонент), ИМ-персонаж, ИМ-инновацию (использование актуального прецедентного феномена — сцены из мультсериала «Губка Боб Квадратные Штаны»; мультсериал появился в эфире 1 мая 1999 года, к 2022 году вышло 13 сезонов), ИМ с подчиненной ролью фона, ИМ-мысль. ИМ тяготеет к группе сепаратных узкоцелевых ИМ, поскольку предполагает знание актуального прецедентного феномена; при этом ввиду популярности и известности данного прецедентного феномена ИМ характеризуется весьма широкой адресацией. Вербальный компонент дополняет визуальный, уточняя объект оценки (антипрививочники, их неверие в науку, в медицину, необразованность). Транслируемый смысл: «антипрививочники ведут себя ужасно глупо». ИМ2 транслирует противоположный взгляд на ситуацию, представляет собой возникший в русскоязычном сегменте Интернета истинный, сепаратный узкоцелевой ИМ. Данный мем апеллирует к прецедентному феномену 1952 года — картине Александра Лактионова «В новую квартиру», известной под неофициальным названием «Как хорошо, что прежних жильцов расстреляли!». ИМ2 представляет собой ИМ-изображение,

ИМ-традицию, ИМ-персонаж, ИМ с подчиненной ролью фона, ИМ-мысль. Вербальный компонент дополняет визуальный, уточняя объект оценки. Транслируемый смысл: «привитые граждане меркантильны, используют ситуацию себе во благо за счет других; то, что происходит, аморально».

1 [cdn1; май 2021]

2 [cdn2]

Граждане, привитые Спутником V, въезжают в освобожденные квартиры антипрививочников

Холст. Масло. 2021 г.

Рис. 15. ИМ про антипрививочников

2.1.6. Выводы

Интернет-мемы 2019—2021 годов как популярный формат интернет-коммуникации, характеризующийся лаконичной формой и содержательной насыщенностью, отражают разнонаправленные социальные процессы, усиливаемые кризисными событиями данного периода. Представленные в русскоязычном сегменте Интернета мемы названного периода выступают эффективными средствами трансляции смыслов единения и разобще-

ния; имеют полевую структуру, включающую константное ядро (визуальный шаблон, обобщенное значение) и изменчивую периферию. Специфика использования прецедентных феноменов в интернет-меме заключается в их реинтерпретации и реконтекстуализации, что обеспечивает их функционирование в качестве средства создания комизма, специфической эстетики, диалога и интеллектуальной игры.

Подгруппу «Единение» конституируют преимущественно созданные в русскоязычном сегменте Интернета ИМ, в том числе (в отличие от остальных рассмотренных подгрупп) искусственные, то есть специально созданные мемы. Мемы, транслирующие смыслы единения, имеют разную адресацию, примерно в равных долях представляя собой универсальные или сепаратные узкоцелевые ИМ; часто (в половине случаев) выходят в **офлайн**. Для порождения и трансляции мемами смыслов единения релевантными оказываются следующие факторы: ассоциирование доминирующих над фоном узнаваемых персонажей с определенными эмоциями и переживаниями, а не представление оперативной реакции на актуальное событие; отношение консонанса между визуальным и вербальным рядом; включение в визуальный ряд изображения неединичного, коллективного субъекта; одинаковая частотность апелляции к общим культурным феноменам, прошлому, опыту и актуальным явлениям, практикам, объектам культуры; одинаковая регулярность репликации невербального или вербального компонентов ИМ. К частотным транслируемым смыслам относятся: «мы схожи и можем помочь друг другу», «вместе интереснее и веселей», «все вокруг — родные, нужно лю-

бить всех», «поддержка важна, помогает собраться с силами», «вместе легче одолеть врага», «хорошо, когда разные поколения вместе и есть преемственность».

ИМ подгруппы «Разобщение» представляют собой преимущественно заимствованные мемы, редко выходящие в офлайн, являются истинными мемами и предполагают групповую адресацию. Порождение и трансляция посредством ИМ смыслов разобщения характеризуются следующими особенностями: акцентирование и использование ассоциируемых с определенным персонажем эмоций и переживаний или акцентирование оценки актуального события; отношение взаимодополнения между вербальным и визуальным компонентами мема и включение в визуальный ряд изображения единичного субъекта — носителя определенного признака, группы визуально символически разделенных или противопоставляемых субъектов; доминирующая апелляция к актуальным процессам, опыту, прецедентным феноменам; одинаковая частотность репликации невербального или вербального компонентов ИМ. При формировании транслируемого смысла визуальный компонент, как правило, формирует коннотативные смыслы, задает вектор оценочной интерпретации, усиливает вербальный ряд. Частотными предъявляемыми адресату смыслами выступают следующие: «бумеры отсталые, нелепые, не понимают миллениалов и зуммеров», «миллениалы эгоистичные, занудные, ностальгирующие по 90-м годам, не понимающие бумеров и зуммеров», «настоящее и нынешнее общество — хуже, чем раньше», «между бедными и богатыми непреодолимое расстояние», «я — не другие, я отличаюсь, я лучше других», «антипрививочники

ведут себя глупо», «привитые граждане меркантильны и аморальны». Таким образом, «дифференциальными особенностями» порождения и трансляции смыслов единения и разобщения посредством формата ИМ в русской интернет-коммуникации выступают следующие: генетический признак (порождение ИМ в рамках собственной лингвокультуры / заимствование); уровень включенности используемого прецедентного феномена в культуру (апелляция к традиционному / новому); тип адресации (разная / доминирующая ограниченная); перспектива выхода за рамки интернет-коммуникации (разная частотность выхода в офлайн); поддержка вербального ряда посредством включения в визуальный ряд противопоставленных элементов (группа субъектов / единичный или символически разделенные, противопоставленные субъекты).

2.2. Шипперство: виртуальная солидаризация по интересам в отражении русскоязычных неологизмов¹

Автор: Леонтьева, Т. В.

Аннотация

Интернет-коммуникация имеет принципиальные отличия от общения в доцифровом обществе. Лексические новации рассматриваются как свидетельство появления и распространения новых коммуникативных реалий. Проанализировано понятийное содержание нескольких заимствованных слов, функционирующих в русском языке и образующих одну тематическую группу: глагола «шипперить», а также лексем, связанных с ним (дериватов, аналогов). Эта группа языковых единиц, которые еще 20 лет назад отсутствовали в русском языке, зафиксировала факт того, что пользователи сети Интернет создают фантомную реальность сообразно собственным переживаниям, а именно: фантазируют о любовных отношениях известных блогеров, общественных деятелей или персонажей комиксов, фильмов, книг. Для уточнения содержания понятия «шипперинг» проанализированы текстовые материалы, извлеченные из сети Интернет. Подчеркивается, что анализируемые слова принадлежат к лексике новой «цифровой» коммуникации и характеризуют поведение поколения Z. Взаимосвязь между ментальным действием («фантазировать») и речевым актом («написать о своей фантазии в социальных сетях») представляется синтетической, неразрывной. Действия людей (обычно подростков), создающих психологический фантом, становятся звеном в цепочке сетевой коммуникации, так как блогеры воплощают эти идеи своих поклонников, поддерживают игру для удержания и расширения своей аудитории. Кроме того, пользователи с одинаковыми фантазиями находят друг друга и объединяются в группы (фандом). Квасиреальность порождает новые коммуникативные связи.

1 Данный раздел монографии подготовлен на основе научной статьи, опубликованной на английском языке: Leontyeva, T. V. (2021). Daydreaming of internet users about a someone else's love relationship as a virtual vs real hybrid. *Communication Today*, Vol. 12, No. 2: 46-57. Режим доступа: <https://communicationtoday.sk/daydreaming-of-internet-users-about-someone-elses-love-relationship-as-a-virtual-vs-real-hybrid/>. На русском языке публикуется впервые.

2.2.1. Вводные замечания

Поведение человека производно от его образа мыслей, предопределенного социальной нормой некоторого культурного сообщества. Ориентируясь на окружение, человек составляет представление о действующих правилах и усваивает конвенциональную модель поведения, а затем тиражирует ее. Механизм социального воспроизводства заключается в том, что каждое последующее поколение запоминает и повторяет модели поведения, закрепленные предшествующим поколением. Если же этого не происходит, то имеет место разрыв между мировоззрениями разных поколений. Неслучайно ученые обеспокоены состоянием ценностной культуры будущих поколений: «Обилие информации порождает когнитивные искажения, а поскольку у подростков не всегда сформированы критерии отбора информации и принципы работы в сетях, в дальнейшем это существенно меняет интересы и ценности молодежи» [Водолазов и др., 2020, с. 220].

Виртуальная среда формирует у молодежи новые поведенческие установки. Например, ее языковым индексом является ряд слов, функционирующих на сегодняшний день в речи русскоязычной молодежи: *шипперить*, *шиппер*, *шипперинг*, *пейринг*, *ОТП*, *канон*. Они характеризуют действия интернет-пользователей в отношении других участников виртуальной коммуникации. Далее мы будем говорить о коммуникативном феномене, стоящем за этими языковыми фактами. В его основе лежит фантазирование, вымысел.

Поскольку такая форма коммуникативного поведения сформировалась в виртуальной среде, общей для

современного глобального мира, то очевидно, что она характеризует и другие культурные страты. Немецкий язык также заимствовал глагол-англицизм в варианте *shippen* [Майер, 2018, с. 40]. В англоязычных субкультурах обнаруживается аббревиатура ОТР < One True Pairing в значении ‘perfect pairing between two fictional characters’, ср. пример словоупотребления: *Topanga and Cory are my One True Pairing in Boy Meets World* (Urban Dictionary, 2013) [AA] (Топанга и Кори – моя единственная настоящая пара в фильме «Мальчик встречает мир») (здесь и далее сохранены орфография и пунктуация интернет-пользователей). Неслучайно и французские исследователи высказывают опасения в связи с множественными случаями смешения подростками реальной и виртуальной реальности: «Le non-humain numérique, personnifié par l’illusion des images pixellisées, peut dans certaines conditions se confondre avec les autres réalités : extérieure et psychique» [Vlachopoulou et al., 2015, p. 721] (Цифровое нечеловеческое, олицетворяемое иллюзией пиксельных изображений, может при определенных условиях смешиваться с другими реальностями: внешними и психологический = The digital non-human, personified by the illusion of pixelated images, can, under certain conditions, be confounded with the other realities: the external and the psychological). Таким образом, рассматриваемый языковой и культурный феномен не является уникальным для современной российской культуры, наоборот, он распространился из англоязычной лингвокультуры, был воспринят одновременно молодежью разных стран и растиражирован, адаптировавшись, таким образом, к чужим национальным пространствам.

2.2.2. Социокультурные условия для появления и функционирования в русском языке слова *шинперить*

Цифровизация сегодня охватила все уровни социума, повлияв более всего на детей. В России нынешние 15-летние подростки никогда не знали мир без гаджетов (в Европе и Америке цифровое поколение несколько старше, сейчас это молодежь возрастной категории 20—25 лет; в отношении таких людей используют обозначения *Generation Z*, *Homeland Generation*, *Zoomers*, *New Silent Generation*, *цифровые аборигены*). Это предопределило модели их поведения в пределах своей социальной группы: «A person's identity is hence not necessarily stable, as people belong to several groups at the same time, and vary their behavior depending on the particular group they interact with. A core concept in this sense is “community of practice”, a term coined to describe “groups of people who share a concern or a passion for something they do and learn how to do it better as they interact regularly”» [Zenner et al., 2019] (Личность человека не обязательно неизменна, поскольку люди принадлежат к нескольким группам одновременно и меняют свое поведение в зависимости от конкретной группы, с которой они взаимодействуют. Ключевым понятием в этом смысле является «сообщество практикующих», термин, придуманный для описания «групп людей, которые разделяют озабоченность или страсть к тому, что они делают, и учатся делать это лучше, поскольку они регулярно взаимодействуют»).

Одна из значимых особенностей поколения Z заключается в том, что его представители влияемы: **потребление интернет-контента вызывает у них положительные эмоции**. Это доказывают, например, исследования

импульсных покупок, совершаемых молодежью (особенно женщинами) в Instagram: «Advertisements, opinion leaders and user-generated content act as stimuli (S) in evoking positive emotions (O), which subsequently trigger impulse purchases (R) in Generation Z females» [Djafarova et al., 2021] (Реклама, лидеры мнений и пользовательский контент действуют как стимулы (S), вызывая положительные эмоции (O), которые впоследствии вызывают импульсные покупки (R) у женщин поколения Z).

Для этого поколения неактуален аналитический рациональный подход к материалам сети Интернет, поскольку для «зуммеров» пребывание в сети Интернет не является деятельностью, направленной на решение дискретных рабочих задач. Интернет-общение занимает в их жизни столь значительное место и время, что на первый план выходит эмоциональное восприятие информации. Не действие важно, а состояние. Для поколения Z интернет-коммуникация важнее с позиций поддержания эмоционального благополучия, а не интеллектуальной работы. Эмоциональность интернет-пользователей поощряется и развивается за счет социальных сетей.

Сетевая коммуникация породила **культ наблюдения за чужой жизнью**. Пребывая постоянно в этих условиях коммуникации, подростки оказались погруженными в мир интерактива, то есть такую реальность, которую они сами видоизменяют и расширяют путем надстраивания своих фантазий.

Выразительными лексическими маркерами этой тенденции в речи современных подростков являются новообразование *шипперить* и его дериваты: *Честно говоря, я больше шипперю Шэня с Хун Лянем. Более ин-*

тересная пара, чем те два (mintmanga, 2021) [AA]; Твоя реакция на то, что тебя с кем-то **шипперят** (trikky.ru, 2020) [AA]; Ты, скорее всего, новенький в этом весёлом мире **шипперов** (trikky.ru, 2020) [AA]; Клинические **шипперы** объединяются в маленькие группки, и внутри этих группок прекрасно себя чувствуют (otvet.mail.ru, 2009) [AA]; Оксимирон отметил, что находит творчество поклонниц смешным и назвал их **шипперами**. «Загадочные юные девушки (я изначально думал, что геи, но ошибся), придумывающие мир, в котором мы с Гнойным влюблены друг в друга трагической любовью из рыцарских романов», — объяснил он термин, заверив, что «усердно изучил феномен». Да и пусть **шипперят**, это же обычно просто означает прикол, над которым можно смеяться и подтрунивать над героями **шипперинга**. Лучший совет – полный игнор всех высказываний на эту тему – чем меньше реакции на эти слова, тем быстрее у **шипперов** потеряется интерес к этой теме, и они найдут новых «жертв» на эту роль. А чтобы они совсем не поняли, что происходит, можно попросить подругу подыграть и сказать «Ага, мы встречаемся, и что?» (Что делать, если вас шипперят с подругой-одноклассницей, но вы не встречаетесь // Яндекс.Кью, 2018) [AA] и т. д.

Это адаптированные заимствования из английского языка, соотносимые с англ. *relationship* ‘роман, интрига, любовные отношения’. Слова принадлежат новейшему современному русскому молодежному жаргону, и в настоящее время они не зафиксированы еще ни в одном словаре русского языка.

У анализируемого глагола есть аналог, для которого, видимо, следует реконструировать инфинитив *шипить*,

в интернет-публикациях же он частотно реализуется в личных формах: *Я не могу) я шиплю Айдена и Джоди. потом я узнала кто он... ну балин... я все равно их шиплю* (бардак'э: дневник, 2013) [АА]; *То чувство когда с подружкой косплеили Клео и Эмму и тоже шипим их* (Книга фанфиков, 2016) [АА].

В самом общем варианте содержание слова *шипперить* можно представить следующим образом: оно служит обозначением фантазий о том, что кто-либо с кем-либо находится в любовной связи. На первый взгляд, в этой реальности нет ничего специфического для данного исторического момента. Психологи свидетельствуют, что фантазии такого рода имеют место в сознании каждого человека, а социологи и этнологи подтверждают, что само явление пересудов, сплетен о том, что кого-либо якобы связывают любовные отношения, знакомо любому социуму.

Однако присмотримся к слову, к особенностям его функционирования, и окажется, что его дефиницию следовало бы существенно уточнить.

2.2.3. Референциальное значение слова *шипперить*, его дериватов и аналогов: коммуникативный сюжет

Даже если согласиться с тем, что фантазирование о любовной связи третьих лиц и обсуждение возможной связи между ними всегда имело место в любом социуме, нельзя не обратить внимание на то, что ***для таких фантазий и разговоров в русском языке никогда не существовало однословного обозначения.*** Сами слова *фантазировать, обсуждать, пересуды, сплетни* имеют

очень широкие значения, не имеющие своим референтом исключительно предположения о любовных отношениях кого-либо; все они обозначают ментальные и / или речевые действия, направленные на конструирование любых событий из своей или чужой жизни. Слово *шипперить*, напротив, имеет центральным и единственным предметом внимания именно любовные отношения: *Шипперство – это когда ты видишь двух людей и думаешь, надеешься, что они вместе. Тебе очень нравится эта пара. Ты начинаешь про них писать, представлять их свидания и т. п.* (otvet.mail.ru, 2019) [AA].

Семантическая структура слова предполагает деятеля, в роли которого выступает исключительно пользователь сети Интернет, наблюдающий за жизнью других пользователей сети, таким образом, референтом анализируемого глагола является сетевой феномен, элемент новой «цифровой» коммуникации.

В слове *шипперить* укрупнена сема 'фантазия'. Не подозрение, не предположение (гипотеза), а мечта составляет семантический фундамент слова. Человек, выполняющий действие по глаголу *шипперить*, не угадывает текущее положение дел, а мечтает, конструирует несуществующий вариант развития событий, создает **эмоциональный фантом**. По нашим наблюдениям, фантазируют преимущественно девочки, что согласуется с данными исследований, проведенных учеными на выборке испанских подростков, при этом интересно, что «fantasy proneness was associated with Neuroticism, Openness, Agreeableness, and low Conscientiousness» [Sánchez-Bernardos, 2004, p. 1073] (склонность к фантазиям ассоциировалась с невротизмом, открытостью,

приветливостью и низкой сознательностью). Видимо, именно подростки с такими чертами проявляют особый интерес к отношениям других участников виртуальной коммуникации и склонны придумывать свои версии их любовных связей.

Действие, обозначаемое анализируемым словом, характеризуется **объектной направленностью**, что грамматически получает воплощение в категории переходности: *шипперю (кого, кого с кем)*. Заметим, что из двух предполагаемых аналогов разбираемого слова один не обладает переходностью (нельзя сказать **фантазирую кого, *мечтаю кого*), другой — обладает (*обсуждаю кого*), но при этом второй аналог (*обсуждать*) семантически значительно более удален от *шипперить* (это не значит ‘обсуждать’, здесь обсуждение вторично, так как представляет собой этап, следующий за фантазированием или совпадающий с ним на условиях синтеза — см. об этом далее). Собственно глагол *шипперить* имеет денотат, связанный с производством ментального продукта — представления, предполагающего конструирование модели отношений между какими-либо персонами, в качестве которых могут выступать **либо известные пользователи соцсетей, либо персонажи комиксов, видеоигр, фильмов, мультфильмов, цифровые инфлюенсеры**. Таким образом, ввиду того что семантическая модель переходного глагола [S (Subject) *шипперит* O (Object)] предполагает наличие субъектно-объектного действия, при этом S — пользователь соцсетей, O — имеющий широкую аудиторию пользователь соцсетей либо персонаж из видеоигры или других медиа), слово могло появиться исключительно в условиях новой техноло-

гически организованной коммуникации и не обладает функциональностью вне виртуальной среды.

Наконец, «мечтающий» о том, чтобы двое известных ему людей составили пару, не остается наедине со своими фантазиями, он **делится ими публично** в чатах, форумах, притом не только с другими поклонниками, но и иногда целенаправленно с самими объектами фантазии — блогерами, напрямую обращаясь к ним в комментариях к размещенным в сети постам. В связи с этим продолжением фантазирования встает вопрос о том, достаточно ли определять денотат глагола только ментальным глаголом *фантазировать*. Тогда необходимо ставить контрольный вопрос: выход в речевую коммуникацию обязателен или факультативен? можно ли сказать, что *шипперит* тот, кто только фантазирует, но не сообщает об этом в социальных сетях? Материал, извлеченный из интернет-текстов, не дает ответа на этот вопрос уже потому, что любой фигурирующий в естественной речи интернет-контекст (то есть не рефлекслирующий, не содержащий метаязыковых соображений) с этим словом уже по самому своему происхождению реализует функцию обнародования фантазий. Однако при этом вполне можно предполагать, что подросток, пользователь соцсетей, мечтательно представляет себе чужие любовные отношения и делится ими не в сетевом общении, а только с подругой или приятелем в личном разговоре либо вовсе не рассказывает о них никому.

Но нельзя упускать из вида дериваты анализируемого глагола. От него в русском языке образовано существительное *шиппер*, маркирующее ролевую функцию интернет-пользователя, то есть обозначающее 'того, кто

шипперит'. В русском языке никогда не было специального обозначения человека, реализующего такую коммуникативную роль, то есть это также абсолютная новация. Нет русского аналога и для существительных *шипперство*, *шипперинг*, обозначающих коммуникативное явление современной действительности — выражение пользователями сети Интернет своих фантазий о желаемой им любовной связи между другими участниками виртуальной коммуникации. В обоих случаях контекстные реализации лексем всегда выводят на первый план уже не психологическую составляющую 'фантазировать', а ролевую функцию в сетевой коммуникации, которая предполагает публичное действие — высказывание. Так, если блогер говорит *мои шипперы*, *для моих шипперов*, то он ориентируется на определенную категорию людей, составляющих часть его аудитории, имеющих свои запросы, на которые он готов или не готов реагировать.

Взаимосвязь между ментальным действием ('фантазировать') и речевым актом ('написать о своей фантазии в социальных сетях') представляется синтетической, неразрывной, поскольку вся цепочка действий и их последствий образует цельный коммуникативный слот, свойственный интернет-общению, с комплексом составляющих (психологической, ментальной, речевой, операциональной).

2.2.4. Сетевые и психологические эффекты фантазийного фантома

Вымысел интернет-пользователей не остается лишь их достоянием, поскольку, как уже было сказано, они делятся своими фантазиями, и эти действия имеют след-

ствие в виде разворачивания цепочки сетевых взаимодействий.

Например, блогеры, которых связывают друг с другом в своих фантазиях их подписчики, нередко **воплощают эти фантазии**, используя возможность для увеличения количества подписчиков, расширения своей аудитории. Ответная активность блогеров — это еще и психологический эффект, связывающий категории «любопытство пользователей сети Интернет» и «творчество». Схожие процессы зафиксированы исследователями сайтов хендмейд: «A field study of artisans selling handmade goods online, found that experiencing specific curiosity predicts greater next-day creativity» [Hagtvedt et al., 2019, p. 1] (Полевое исследование ремесленников, продающих товары ручной работы в Интернете, показало, что проявление особого любопытства предсказывает большую креативность на следующий день).

Ответные шаги, предпринимаемые блогерами, обращают психическую реальность своих поклонников в действительный факт, хотя устраиваемые ими временные любовные отношения фиктивны, иллюзорны.

Анализируемое явление может иметь еще один вариант продолжения: пользователи с одинаковыми фантазиями находят друг друга и объединяются в группы (фандом — «дом фанатов»): *Артон – фандом (группа людей заинтересованна общей темой), в котором шипперят (сводят) Антона Шастуна и Арсения Попова из импровизации на ТНТ. Я вот их шиппер* (otvet.mail.ru, 2019) [AA].

В таких сообществах находит наиболее глубокое выражение творческая составляющая феномена, ср., например: *В комментариях под постами рэпера вскоре появи-*

лось **творчество шипперов** (Оксимирону понравились фантазии девочек о его гей-романе с Гнойным // lenta.ru, 2017.12.07) [НКРЯ]. Интернет-пользователи создают множество разнообразной творческой продукции на основе своих фантазий: музыкальные произведения, художественные произведения (рассказы, романы, стихи и т. п.), рисунки, комиксы, фильмы и др.

Таким образом, действие по глаголу *шипперить* является звеном в коммуникативной цепи виртуального общения, его органичной частью, порожденной этой средой и порождающей новые связи внутри глобального интернет-сообщества.

Обратим внимание на эмоционально-психологические эффекты анализируемого феномена. Стратегия шипперства приносит исполнителю этой роли эмоциональное удовлетворение.

Прежде всего, воображение чужой любовной взаимосвязи позволяет подростку испытать удовольствие от творческой составляющей процесса. Так, согласно исследованию психологии творчества, «If a person perceives himself as creative and his behavior as creative, then these evaluations are statistically significantly related to life satisfaction, psychological flourishing, positive emotions <...>. It was found that there are statistically significant associations between happiness and creativity» [Diržytė et al., 2021] (Если человек воспринимает себя как творческого, а свое поведение как творческое, то эти оценки статистически значимо связаны с удовлетворенностью жизнью, психологическим процветанием, положительными эмоциями <...>. Было обнаружено, что между счастьем и творчеством существует статистически значимая связь).

Немаловажна для интернет-пользователя и возможность вызвать реакцию своего окружения, превратиться из молчаливого невидимого наблюдателя в заметного участника некоторой цепи интернет-событий. Блогеры оказываются сами «под влиянием шипперов» и намечают план действий по воплощению фантазий, высказанных подписчиками, поклонниками, с целью расширения своей аудитории. Возможность воздействовать (перехватить инициативу) очень привлекательна для наблюдателя, так как это еще и влияние на людей, обладающих большей известностью и более успешных, чем он сам, что тоже приносит ему чувство удовлетворенности. Шиппер нередко получает и определенные дивиденды за счет увеличения числа подписчиков на свой блог или посещаемости своей персональной страницы, что приносит ему позитивные эмоции, ср. исследования категории «счастье» применительно к пользователям социальных сетей: «More well connected users write happier status updates» [Bliss et al., 2012, p. 389] («Пользователи с более широкой аудиторией подписчиков чаще при обновлении статуса в соцсетях устанавливают сообщения о счастливых событиях, счастье»); «Social media environments can transform and reinforce life experiences, influencing self-concept and providing happiness» [Berezan et al., 2018, p. 455] (Среда социальных сетей может преобразовывать и укреплять жизненный опыт, влияя на самооценку и обеспечивая счастье).

2.2.5. Выводы

Проанализированное слово и стоящее за ним понятие следует рассматривать как частное свидетельство

существенного социокультурного сдвига в коммуникации представителей поколения Z. Невозможно по отношению к анализируемому слову говорить об изменении сознания некоего человека, носителя языка, о динамике мировосприятия «в пределах» одной языковой личности, но следует признать смену поколений: молодое поколение отличается от людей старшего возраста мировоззренчески. Если для «цифровых аборигенов» описываемое слово и соответствующее понятие соотносятся с коммуникативной реальией, принятой ими в контексте обычных, допустимых моделей поведения, то у «цифровых иммигрантов» (рожденных до 1980 года) этот тренд коммуникации вызывает удивление, они нуждаются в разъяснении содержания слова и сами, вероятнее всего, никогда не смогут психологически измениться настолько, чтобы «интериоризовать» обозначаемое словом понятие, включить в число своих активных моделей поведения шипперство, испытать чувства, близкие к тем, которые ощущает подросток, наблюдая за чужой жизнью.

Вокруг слова *шипперить* в русском языке сформировалась группа лексем, составленная его дериватами, аналогами и обозначениями отдельных компонентов этого коммуникативного феномена: *шипперинг*, *шиппинг*, *шипперство*, *шипить*, *шиппер*, *пейринг* (слово обозначает создание истории вымышленных любовных отношений, а также творческий образец — сюжет произведения, написанного шиппером: *ты можешь за минуту столько пейрингов задумать, что, блин, ты весь фандом перешипperiшь!* (trikky.ru, 2020) [AA]), *ОТП* (обозначает пару персонажей, связываемых вымышленными любовными

отношениями; аббревиатура, созданная на основе англ. One True Pairing (единственная настоящая пара) (Urban Dictionary, 2016) [AA]; например: *Ну, иногда пишу смешные твиты про свои ОТП, читаю, что там происходит* (trikky.ru, 2020) [AA]), канон (персонажи фильма, связанные любовными отношениями согласно его сюжету и тем самым противопоставленные таким персонажам, которые в фильме не связаны любовной линией), *фан-дом* (сообщество фанатов кого-либо, в том числе пары людей или персонажей, которых фанаты связывают в своих фантазиях любовными отношениями). Перечисленные языковые единицы являются жаргонизмами и не присутствуют в текстах СМИ, упоминаются там исключительно в метаязыковых суждениях, содержащих рефлекссию относительно современной речи и коммуникации, то есть в изоляции от общей стилистической тоналности публицистического текста.

На основе анализа дискурсивных употреблений лексемы, ее дериватов и аналогов нами реконструирован следующий коммуникативный сюжет: глагол *шип-перить* обозначает 'ментальное действие пользователя соцсетей, а именно его фантазию о возможных любовных отношениях других участников интернет-коммуникации (реальных людей либо цифровых инфлюенсеров), а также персонажей видеоигр, мультфильмов и под., которое находит продолжение в его публичном речевом действии (сообщении) и продукт которого может получить воплощение в виде внутрисетевой активности, например, создания сообществ фантазирующих пользователей или игровой реализации созданной модели отношений реальными участниками Интернет-коммуни-

кации либо разработчиками виртуальных персонажей интернет-коммуникации’.

Подавляющее большинство шипперов принадлежат к возрастной категории подростков, склонных к сентиментальным проявлениям, интегрированным и в другие психологические потребности представителя цифрового поколения: активность в публичной сетевой коммуникации, стремление расширить свою зону влияния в этом пространстве, самоутвердиться.

Обсуждаемый коммуникативный феномен и его обозначения могли появиться в русской культуре только в условиях глобализации, обеспеченной информационными технологиями, и под воздействием базовых трендов эпохи — развития сетевой коммуникации, доминирования визуальной культуры и тесной переплетенности разных реальностей.

В этих обстоятельствах оказывают влияние следующие факторы:

— доступ к долговременному регулярному наблюдению за событиями чужой жизни, а также к медиаконтенту — фильмам и др.: если не было бы сети Интернет, предоставившей возможности наблюдать за чужой жизнью, то исчезли бы предпосылки (основное условие) для совершения действия — поиска по интересам и наблюдения за жизнью людей, известных в социальных сетях.

— эмоциональная зависимость интернет-пользователя от регулярно организованного участия в сетевой коммуникации: поколение Z принципиально не мыслит себя вне цифровой среды, без доступа к Интернету через любой гаджет. Зависимость от такого доступа стала предметом исследований и уже не требует доказательств (но

требует изучения в аспекте последствий). Отстранение от форм общения, обеспеченных информационными технологиями, означает для подростков исключение из своей референтной группы;

— интерактивный формат виртуальной коммуникации и освоение его в тесной связи с другими видами реальности (нецифровая реальность + виртуальная реальность + психологическая реальность): без этого фактора никогда не сформировался бы такой компонент шипперства, как фантазии об отношениях не «живых людей», а персонажей мультфильмов, цифровых инфлюенсеров и иных медиаконструктов;

— ментальное конструирование реальности: основное действие по глаголу *шипперить* имеет фундамент в психологии подростка с его гиперэмоциональностью, потребностью к сопереживанию и другими возрастными характеристиками, располагающими к игровым техникам и изготовлению продукта коллективного воображения;

— групповой формат виртуальной коммуникации: интернет-пользователи ориентированы на демонстрацию, самовыражение, экстравертивное поведение, активность участия в сетевом взаимодействии внутри сообществ по интересам; только если человек нашел площадку для того, чтобы высказать свои фантазии, поделиться ими публично, только тогда действие по глаголу *шипперить* будет иметь исполнительское завершение.

— нацеленность на самореализацию, проявляющаяся в творчестве и в стремлении занимать лидирующие позиции по числу контактов: в условиях сетевой коммуникации в группе развивается конкурентная среда

участников общения, стремящихся занять свое место, захватить некоторую зону влияния, оказать воздействие на других членов группы, особенно обладающих известностью. Шипперство — это один из инструментов самопродвижения.

Когда граница между реальным и виртуальным мирами становится слабо видимой, подростки охотно **конструируют фантомные расширения**, пытаются использовать **инструменты интерактива** и решаясь на вмешательство в чужую жизнь. Недостаток положительных эмоций на фоне рутинных событий своей жизни компенсируется производством эмоций через включение в чужой событийный ряд и его удлинение за счет своих фантазий. Проанализированное слово *шипперить* представляет собой один из маркеров **фантомного сопереживания** пользователей социальных сетей, что вызывает опасения в связи с возможной меньшей степени значимости двух реальностей: нецифровой и виртуальной. Подросток погружается в сконструированную реальность, существующую вне и без него и вызывающую у него потребность находиться в ней не только в роли наблюдателя, но и в роли «режиссера», Творца. Квазиреальная среда (мир фантазий) приобретает предметность, «овеществляется», преобразуется в нецифровую действительность на уровне создания сообществ, а также на уровне симуляции отношений.

2.3. Новая искренность: человек в публичном пространстве¹

Авторы: Леонтьева, Т. В., Щетинина, А. В.

Аннотация

Идиоматические выражения с компонентом **новый** в составе получили широкое распространение как в текстах официальных СМИ, так и на других ресурсах сети Интернет. Выражения, построенные по модели «новый + существительное»: **новая искренность, новая реальность, новая социальность, новая нормальность, новая романтика** и др. — включают в себя второй компонент, который называет феномен социокультурной или морально-нравственной сфер, давно известный носителям языка. Семантический объем значений идиомы **новая искренность** и лексемы **искренность** существенно различается. Лексема **искренность** называет свойство, внутренне присущее человеку, этическую категорию, часто употребляется в ряду номинаций других традиционных ценностей, таких как **мужество, честность, благородство** и др. Доказано, что выражение **новая искренность**, обозначая, как и **искренность**, открытость человека, указывает прежде всего не на свойство коммуниканта, а на его цель — привлечь откровенностью самовыражения внимание других людей в публичном пространстве.

¹ Данный раздел монографии подготовлен на основе научной статьи, опубликованной в рамках гранта: Леонтьева Т. В. Сочетание *новая искренность* в лексикографическом аспекте / Т. В. Леонтьева, А. В. Щетинина // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 6. — С. 183—201. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-183-201.

2.3.1. Вводные замечания

Современная речевая практика, особенности которой во многом обусловлены интернет-коммуникацией, диктующей свойственные ей правила поведения, характеризуется широкой креативностью участников общения, что проявляется в том числе в создании новых слов и выражений. Поскольку мир стремительно меняется, а «русский язык — очень гибкий, как теперь говорят, самонастраивающийся инструмент познания» [Колесов, 2006, с. 5], у лексикографов появляются соответствующие задачи, одна из которых, на наш взгляд, интенсифицировать выявление новых слов и выражений и фиксацию их в словарях. Это тем более важно, что какие-то слова могут существовать (довольно активно) год-два, а затем исчезать, однако, поскольку «интернет помнит все», тексты с этими языковыми единицами, представленные в виртуальном пространстве, могут сохраняться долгое время и вызывать затруднения в восприятии будущих поколений, хотя и у современников популярного выражения тоже могут возникнуть вопросы.

Так, следующий фрагмент статьи из газеты, в котором используются сразу два современных устойчивых выражения с прилагательным *новый* в составе, может вызывать трудности в интерпретации: *23 апреля 2021 года на площадке ВДНХ в павильоне 55 состоится конференция: «Организация событий. **Новая нормальность**», посвященная вопросам обеспечения безопасности в событийной сфере в условиях **новой реальности**. Организатором выступит Фонд Росконгресс при поддержке Роспотребнадзора (Новые задачи перед МСЭ-индустрией — Картина дня — Коммерсантъ, 2021) [АА].*

Новая нормальность и новая реальность — два популярных выражения, об устойчивости которых свидетельствует статистика поисковых запросов Яндекса — 9 и 10 млн результатов соответственно. В то же время можно говорить о многозначности этих языковых единиц: возникнув как экономический термин (**«Новая нормальность»** — экономический термин, ставший популярным во время глобального кризиса 2008 года (Российские банки предупредили о ловушке «новой нормальности» // lenta.ru, 2016.08) [НКРЯ]), выражение *новая нормальность* значительно расширило спектр значений, проникнув в разные сферы. Оно используется при оценке политической ситуации: *У Эрдогана с Трампом отношения складываются следующим образом: они то делают комплиментарные заявления в адрес друг друга, то через две недели начинают ругаться, то снова становятся друзьями. Видимо, это такая новая нормальность в отношениях двух стран* (Л. Глазунова. Визовая война Турции и США ... // Московский комсомолец, 2017) [Там же]; социальных проблем: *Непривычный для европейцев уклад жизни теперь преподносится им как новая нормальность. К примеру, в Германии беженец из Сирии может получать около 30 тысяч евро пособий в месяц. У него четыре жены, 23 ребенка. Говорит, что был бы рад работать, да некогда — кочует из дома в дом, удовлетворяя по очереди супруг («Джунгли» Кале в огне, Париж в грязи и вони // Vesti.ru, 2016) [Там же]; профессиональных процессов: «В процессе наших съемок ни один человек из съемочной команды не покинул свою квартиру, но 8 серий уже почти готовы! Я ни разу не встретила с актерами в реальной жизни, более того, мы и познако-*

милась все онлайн. Сначала это казалось необычным — теперь это **“новая нормальность”**, мое сознание точно изменилось после этого опыта», — отмечает Виктория Кравченко, сооснователь студии «Дикий Digital» (Единство смартфона и содержания // Коммерсант, 2020) [Там же]; повседневной жизни: Нам регулярно приходится рассказывать детям, что эта **новая нормальность** (в кавычках) это вообще не норма, но неадекватные люди продолжают носить маски на улице (Коронавирус... // Форум Винского, 2021) [AA] и др.

То же можно сказать и о выражении **новая реальность**, которое может обозначать и этап развития цивилизации, и особенности текущей ситуации в бизнесе, обществе, политике и повседневной жизни. Идиома используется и в качестве термина в научных работах, ср. названия статей «Бизнес в **новой реальности**», «Партии — освоение **новой реальности**», «Иммиграция в Москву: **новая реальность**», «Голос музыки в условиях **“Новой реальности”**» и др. (cyberleninka.ru) [AA], и неспециалистами в повседневном общении, например, на женском форуме предлагается для обсуждения такая тема: *Серийная моногамия — **новая реальность**? Учитывая статистику разводов, сейчас все меняют партнеров каждые 3—5 лет. Как вы относитесь к этому явлению? Осуждаете ли или наоборот это лучший выход в данной ситуации?* (woman.ru) [AA]. Анализ активной речевой практики носителей языка, репрезентирующей новые языковые единицы и актуализирующей их в разных значениях, позволяет утверждать, что внимания лексикографов заслуживают все новые слова и выражения, появившиеся в тот или иной исторический период, поскольку они отражают фраг-

менты картины мира носителей языка в динамике. Как отмечает И. Б. Левонтина, «... язык неотделим от жизни. Настолько, что иной раз о нем и поговорить почти невозможно: пишешь про слова, а читатели яростно возражают про жизнь» [Левонтина, 2016, с. 15].

Зачастую известные слова наделяются новыми значениями или образуют новое выражение. Так, стремление к новому, отражающему реалии современного мира, проявляется и в образовании словосочетаний с соответствующим прилагательным: *новая реальность, новая нормальность, новая искренность, новая романтика, новая вежливость, новая чувствительность, новая социальность, новая сложность* и др. При этом второй — характеризуемый компонент — во всех случаях понятие давно известное, совсем не новое, и именно поэтому атрибутив *новый* легитимен, он маркирует или должен маркировать смысловую динамику, то есть изменение содержания старых слов. С включением абстрактного существительного в словосочетание с прилагательным *новый* «высекаются» новые смыслы, но при этом, как все новое, приобретенное в некоторый момент значение должно впоследствии устареть и остаться фактом действительности определенного исторического периода, а слово *новый* так и останется в составе выражения — теперь уже маркером «устаревшей новизны». Так, в конце XX века появилось выражение *новые русские*, которое было заимствовано из иностранной прессы как обозначение нового слоя российского общества, представители которого в 1990-е годы заработали состояние. Сегодня можно сказать, что идиома стала историзмом: *новые русские* остались персонажами произведений анекдотов о 90-х, поскольку, как считает

исследователь А. Липаев, «у каждого объекта (который является представителем определенного класса) есть свой жизненный цикл, свои стадии формирования, становления, функционирования, угасания и умирания... Потом ... сгенерировался новый бизнес-класс — “новейшие” русские» [Липаев, 2003, с. 7]. Но если сочетание *новые русские* представляет собой обозначение не абстрактной реалии, а собственно людей, нового социального слоя, появившегося в связи с социально-политическими изменениями в стране, то «обновление», казалось бы, универсальных понятий морально-этической сферы, таких как «искренность», «вежливость», «нормальность» и др., особенно интересно с точки зрения их семантического наполнения и лексикографической фиксации. Насколько семантически различаются языковые единицы, называющие «старые» и современные этические понятия, какие отношения людей они репрезентируют — вопросы, актуальность которых определяет обращение к ним специалистов, в том числе лексикографов. Так, Н. Н. Кошкарлова, рассматривая дискурс *новой чувствительности*, отмечает: «Если раньше о феномене эмоциональной культуры говорили исключительно с позиций профессиональной деятельности специалиста и в большей степени в отношении педагогов и учителей ..., то в настоящее время анализируемое явление трактуется как часть социальной практики человека» [Кошкарлова, 2021, с. 54].

Далее рассмотрим семантический объем выражения *новая искренность* (1,23 млн результатов по запросу в сети Интернет — одно из свидетельств устойчивости языковой единицы) как маркера определенного типа коммуникации.

Понятие «новая искренность» имеет культурно-философские корни: оно появилось в 80-х годах и актуализировалось в 90-е годы как обратная реакция на иронично-циничную интерпретацию действительности, характерную для постмодернизма: «В XXI веке ирония перестала быть главным настроением эпохи. Ей на смену пришли постирония и “новая искренность”, в которых границы между юмором и серьезностью оказываются размытыми» [Иссерс, 2020, с. 217]. О феномене *новой искренности* в кинематографе, литературе и других видах искусства написано множество работ [Десятерик, 2014; Липский, 2012; Савчук, 2000; Fitzgerald, 2013; Timmer, 2010 и др.]. В то же время понятие о культуре *новой искренности* связывается с медиапространством и социальными сетями [Иссерс, 2020; Каминская, 2020 и др.; Фортунатов и др., 2021]. Так, согласно наблюдениям «за современной политической коммуникацией, в обществе сформировался запрос на “новую искренность”, который не в последнюю очередь стимулируется технологиями новой медийной реальности. С одной стороны, массовая медиакультура способна низвести до шоу любые аспекты личной жизни индивида, выставить напоказ его самые интимные переживания. С другой стороны, эти переживания становятся своего рода товаром, который востребован в обществе потребления и производится по его законам» [Иссерс, 2020, с. 224]. А. Н. Фортунатов и Н. Г. Воскресенская, рассматривая современную интернет-коммуникацию в этическом аспекте, отмечают, что новая искренность — это «состояние виртуального индивида, опирающегося на порожденную технологиями психоэмоциональную сферу и доводящего маниакаль-

ные доминантные состояния до абсурда, до крика», при этом обесцениваются реальные отношения между людьми: «Искренность превращается в коммуникативный алгоритм, который, с одной стороны, подменяет собой прежнюю чувственность, с другой, является способом атаки виртуального субъекта как на реальный, так и на цифровой мир» [Фортунатов и др., 2021, с. 284].

Разнообразие интерпретаций феномена *новой искренности* обусловлено его широким использованием в качестве критерия оценки в различных сферах: «Политический диагноз Давыдова, литературные наблюдения Радиш и Хугендика, взгляд Торна на хипстерскую и медийную культуры — вот лишь четыре примера из длинного списка публичных заявлений, в которых блогеры, эксперты, писатели, философы, маркетологи и кинематографисты среди прочих, используют атрибут “новая искренность” для характеристики стихов, фильмов, картин, политических событий, песен, игр, мультфильмов и многих других культурных и социальных практик» [Роггевеен и др., 2020].

Таким образом, наблюдения исследователей за различными видами дискурса, в которых представлена *новая искренность*, свидетельствуют об актуальности данного феномена, требующего всестороннего анализа, в том числе и лингвистического.

2.3.2. Полисемант *новый* и лексема *искренность* в лексикографических источниках

В четырехтомном издании «Словарь русского языка» прилагательное *новый* имеет 5 значений [СлРЯ, т. 2, с. 505—506]. Первый лексико-семантический вариант

‘вновь сделанный или вновь приобретенный; не бывший или мало бывший в употреблении’ отражает характеристику вещного мира (*новый дом, новая машина*) или в оттенке ‘такой, который не существовал раньше, только что, недавно возник, появился или возникнет, появится’ оценивает предметы, явления, людей (*новые слова, новые фасыны, новые знакомые*). Иначе говоря, на переднем плане здесь находится сема приобретения или появления объекта, ранее отсутствовавшего, возникшего, так сказать, «на месте пустоты»; речь идет преимущественно о вещах, предметах. Во втором значении ‘вновь открытый, изобретенный’ или в оттенке ‘вновь выведенный (о сорте растений, породе животных и т. п.)’ качеством нового наделяются абстрактные понятия (*новый метод, новое изобретение*) или биологические феномены (*новый сорт, новая порода*), при этом маркируется производство нового знания прежде всего. В третьем значении *новый* — это ‘незнакомый, малоизвестный кому-либо’ (*новое дело*) или ‘такой, который недавно начал заниматься чем-либо, недавно появился где-либо’ (*новый учитель* в школе); это значение характеризует позицию воспринимающего, то есть реляцию между новым объектом и оценивающим субъектом: аудитория определяет объект новым относительно себя, то есть описывается узнавание объекта кем-либо (хотя некто другой, может быть, уже знал о нем ранее). Четвертое значение ‘появившийся вместо прежнего, ранее бывшего, заменивший собой прежний или такой, который появится, заменит собой прежний’ (*новая редакция, новый бой*) или оттенки ‘не испытанный, не изведанный кем-либо раньше’ (*новая жизнь, новое чувство*) и ‘относящийся

к нынешнему году' (*новый картофель*) делают акцент на динамике, точнее, на трансформациях реалий: они существуют давно (не новы), но видоизменяются, перетекая из формы в форму, из сущности в сущность. Пятое значение 'относящийся к ближайшему времени, эпохе' характеризует факты действительности хронологически (*новая история*). В 6 и 7 значениях полисеманта прилагательное *новый* выступает в роли субстантиватов.

Таким образом, можно выявить несколько ядерных сем, которые репрезентируют особенность характеристики нового: 'пришел на замену старому', 'не существовал ранее', 'незнакомый', 'малоизвестный', 'недавно появился где-либо', 'начал заниматься', 'появившийся вместо прежнего, ранее бывшего', 'не испытанный кем-либо раньше', 'этого года', 'ближайшее время, эпоха'. Если укрупнить семантические характеристики полисеманта *новый*, то можно выделить следующие значения: замена старого на новое, отсутствие ранее, неизвестность ранее, появление недавно, близость по времени к некоторому «настоящему».

Между тем лексема *искренность* представлена в словаре как свойство по значению прилагательного *искренний* 'выражающий подлинные мысли и чувства, лишенный притворства; правдивый, откровенный, чистосердечный' [СлРЯ, т. 1, с. 679], то есть можно сказать, что явление новой искренности провозглашает появление нового свойства. С учетом значений полисеманта *новый* возникают вопросы: «Его раньше не было?», «Оно пришло на смену чему-то?», «Оно не испытано никем ранее?» и др. Ответить на эти вопросы представляется возможным, проанализировав особенности функциони-

рования этого устойчивого сочетания в речевой практике и определив таким образом, какие смыслы вкладывают в слова *новая искренность* носители русского языка. Кроме того, представить лексикографический портрет языковой единицы возможно, описав более детально его значения на основе контекстного анализа.

2.3.3. «Старая» и «новая» искренность: речевая практика

Анализ употребления лексемы *искренность* (по данным Национального корпуса русского языка) в текстах, написанных в XXI веке и в предыдущие несколько столетий, показал, что данное свойство является актуальной оценочной характеристикой, о чем свидетельствует количество примеров в корпусах: 2119 в основном корпусе, 1407 в газетном [НКРЯ]. Кроме того, поисковый запрос в сети Интернет добавляет еще 5,4 млн текстовых примеров с этим словом. Ср.: *новая искренность* — 18 вхождений в основном корпусе НКРЯ, 39 — в газетном [НКРЯ], 1,23 млн результатов на запрос в сети Интернет. Фактически треть словоупотреблений существительного *искренность* на данный момент составляют его сочетания с прилагательным *новый*. Очевидно, что в современном мире востребована и потому обсуждается некая *новая искренность*, в связи с чем актуализируется вопрос о том, в чем различие между, назовем условно, «старой» искренностью и ее «новой» вариацией.

Обращает на себя внимание контекстное окружение номинаций *искренность* и *новая искренность*. Их лексическая сочетаемость свидетельствует о качествах, характеристиках обозначаемых понятий. Так, вне зависимо-

сти от тематики, будь то текст об искусстве, о персоне, об отношениях между людьми, социальными группами или государствами, искренность характеризуется посредством прилагательных, выражающих позитивную оценку (*наивная, святая, надрывная, чудесная, застенчивая, бесхитростная, глубинная, дружеская, беззащитная, страстная, щемлящая, настоящая, высокая, исключительная, простая, потрясающая, настоящая, благородная, удивительная, безоглядная русская* и др.). Слово также связывается с существительными, которые часто называют этические категории: *искренность таланта; вера в искренность; искренность ее исповедальности и непорочности; порука искренности; смелость искренности; искренность раскаяния; очарование искренности; обаяние искренности; беспощадная искренность исповеди*). Кроме того, часто подчеркивается предельный характер выражения искренних чувств (*предельная искренность, абсолютная искренность, полная искренность, полнейшая* и др.), при этом, по нашим наблюдениям, в XXI веке эта характеристика становится более прагматичной, оцениваются *степень искренности, уровень искренности, доля искренности, мера искренности*, обсуждается *единица измерения искренности*. В еще более утилитарном ключе употребляется выражение *новая искренность*: она может быть отраслевой, например, *кулинарная новая искренность, политическая новая искренность*, уже выработаны или вырабатываются ее правила, принципы — *каноны новой искренности* — и формы существования — *форматы новой искренности*, — существуют *подходы к новой искренности* и *времена новой искренности*, а также *запрос / спрос на новую искренность* — как на товар.

Номинация *искренность* включается в однородные ряды, объединяющие обозначения морально-нравственных категорий, таких как честность, бескорыстие, самоотверженность и др.: *про верность правде, искренность и страстность, про самоотверженность и самостоятельность мысли; подтверждали искренность, честность нашей позиции; почувствуем эту искренность и любовь; искренность и правдивость, честность и бескорыстие; искренность, честность, открытость к восприятию; искренность и смелость; простота и искренность; искренность, честность, работоспособность, умение быть верным в дружбе; искренность, талант, высокая мера; искренность, мужественная простота интонации; безбоязненность, и искренность, и чистота устремлений; впечатлительность ко всему окружающему, самодеятельность, отзывчивость, искренность, правдивость, интерес к познанию; предельная искренность и душевная честность; честность, искренность и прямота; человеколюбия, морали, искренности, справедливости и мудрости и др.*

Выражение *новая искренность* редко включается в состав однородных конструкций. Мы обнаружили несколько контекстов, в которых актуализируется семантика простоты: минимализм, *новая простота и новая искренность; приобретает некую новую искренность и наивность; повседневности: кулинарную новую искренность, игру, фантазию и пренебрежение к серебряным вилкам; неодобрения: и “новая искренность”, и арт-хаусная мода на порнографию.* Встречается идиома и вместе с другими «новыми» выражениями: *новая искренность, новая подлинность; новая откровен-*

ность и новая искренность; новая искренность, новая нормальность.

Еще одно наблюдение связано с использованием лексемы *искренность* в контекстах, содержание которых связано с темой религии, обращения к богу: *Мне нравится его искренность. Он верует в бога и, хотя это теперь не принято и может принести неприятности, не отрицает этого* (Д. Самойлов. Общий дневник, 1977—1989); ... я могу Богу показать серьезность, **искренность** моей верности Ему (митрополит Антоний (Блум). Ответы на вопросы о молитве, 1975—1985) [АА] и др. Выражение *новая искренность* в подобных контекстах мы не встретили.

В результате интерпретационных процедур, примененных в отношении контекстов, в которых используется идиома *новая искренность*, нами был разработан ее лексикографический портрет.

Во-первых, *новая искренность* рассматривается как раскрытие информации о личной жизни: ... *когда люди не боятся показать истинные эмоции и рассказать о сложностях, с которыми сталкиваются*. Данный феномен рассматривается как тренд, который появился в ответ на усталость от активной демонстрации своих достоинств в социальных сетях большим количеством пользователей: *Мы устали от ярмарки тщеславия, которая заполонила социальные сети. Мы больше не верим мега успешным мамочкам, которые воспитывают не по годам развитых детей и ведут прибыльный бизнес. Нас уже не цепляют люди, воспевающие свою идеальную жизнь. Каждый из нас прекрасно знает, что многое дается сквозь пот и слезы. Поэтому в интернете набирает*

популярность **тренд на новую искренность** (Тренд на **новую искренность**: как мы стали откровеннее в интернете, устав от лжи и сарказма // intersvyaz.media, 2022) [АА]. При этом новая искренность называется авторами текстов «модным явлением»: *Короче говоря, в лице Zaz три года назад мы наблюдали очередное проявление столь модной в последнее время «новой искренности»* (А. Липатов. Француженка Zaz избежала «синдрома второго альбома» // Известия, 2013) [Там же]; *Единственная причина, почему мы назвали так паблик, это тот факт, что **новая искренность** — это модно. Звучное название, чтобы привлекать внимание. Возможно, название — самое интересное, что есть в этом паблике. Но, в конце концов, ты можешь просто лайкать картинки* (Новая искренность // vk.com) [Там же].

Тренд на демонстрацию реальной жизни видится свойственным более молодежи, нежели старшему поколению: *Я понимаю возмущение взрослой аудитории по поводу “Дома-2”, да и сам я недостаточно молод, чтобы получать от этого удовольствие, но мне понятно, почему тинейджеры смотрят этот проект. Там, на мой взгляд, существует **новая искренность** для этого возраста, какое-то отражение их реальной жизни. И пока на других каналах не предложили, как ее подавать современной молодежи* (А. Бородина. Люди ждут новых слов // Коммерсантъ, 2008) [Там же]. Новая искренность как концепция оказала влияние и на сюжеты популярных фильмов: *Во времена **новой искренности** супергероям мало спасать мир от многочисленных угроз, нам важно знать, что они делают и в свободное время, не являются ли их подвиги сублимацией чего-нибудь, точно*

ли они люди, как принято сейчас говорить, осознанные? Насколько приспособлены они вообще к реальности, умеют ли наравне с громкими поступками наладить свой быт, что вообще-то не менее важно. Раньше мы ничего не знали про быт спецagenta, лишь только рецепт его фирменного коктейля да предпочтения по части цвета волос новой спутницы, но, положив руку на сердце, долго ли можно просуществовать с таким партнером, который сегодня там, а завтра здесь? (Е. Милова. Есть время, чтобы жить // Коммерсант, 2020) [НКРЯ].

Во-вторых, выражение *новая искренность* актуализируется в контекстах в значении технологии или формата публичной коммуникации, что коррелирует с первым значением, поскольку тренды появляются в пространстве массовых коммуникаций, которые используют как рядовые участники сетевого общения, так и селебрити или государственные деятели: На семинаре отчитывались о только что прошедших кампаниях, советовали, какие из примененных сейчас **технологий** можно применять в дальнейшем — к примеру, **«новую искренность»** (Администрация президента провела поствыборный разбор полетов // Ведомости, 2019) [Там же]; За время поездки Артюхов опубликовал в соцсетях 16 постов, 5 видеотрансляций со встреч с жителями и несколько десятков историй. «Дмитрий Артюхов — один из губернаторов новой волны, умеет выстраивать прямой диалог с гражданами в эффективных сегодня форматах **“новой искренности”**», — прокомментировал новость президент Российской ассоциации политических консультантов Алексей Куртов [Там же]. При этом такой вид взаимодействия приветствуется рядовыми поль-

зователями: Ямальцы формат приветствуют — в аккаунтах Дмитрия Артюхова в социальных сетях в течение всего года наблюдается прирост подписчиков. Сейчас на Instagram губернатора подписаны 41 964 человека. Во «ВКонтакте» у него 8, 9 тысячи подписчиков (Соцсети губернатора Ямала вошли в TOP-10 самых цитируемых в августе // lenta.ru, 2019) [Там же]. Более того, данную технологию стал использовать маркетинг: Как маркетологи присвоили **новую искренность** и «пробили» циничную молодежь. Следует смириться с тем, что рекламная индустрия перемалывает, переваривает и употребляет в дело любые тенденции общественной мысли (В. Лакодин. Новая искренность, «темный маркетинг» и SMM с душевной обнаженностью // texterra.ru, 2022) [AA].

В-третьих, новая искренность репрезентируется как метод пиара, который предполагает нахождение оригинальной черты, которую можно публично продемонстрировать: Нет больше непродажных художников и чистых отношений. Бедность окончательно стала пороком, а **новая искренность** превратилась в еще одну маску, в метод пиара. Тогда, чтобы выглядеть не таким, как все, достаточно было придумать себе странное имя и вставить серьгу в ухо — как мальчик Бананан. Сегодня это уже не канает: любое нарушение нормы тут же становится нормой (10 дорог назад // Русский репортер, 2008) [Там же]; **Новая искренность** — это фишка. Это в чем твоя уникальность. Я даже это так назову: стигматы. Зачастую «стигматы», недостатки, личные особенности становится тем самым секретным ингредиентом (Новости: Мы живем в «Средневековье 2.0» // Эксперт, 2020) [AA].

Интересно, что тексты содержат противоположные трактовки новой искренности, как ни странно, относительно категории новизны. С одной стороны, она оценивается как пришедшая на смену старому, традиционному порядку вещей: *Они протестовали против гастрономического генералитета, против догм и косности «старого режима», взамен предлагая кулинарную **новую искренность**, игру, фантазию и пренебрежение к серебряным вилкам* (А. Зимин: Фудди на заметку // Ведомости, 2012) [НКРЯ]. С другой стороны, новая искренность определяется, наоборот, как возвращающая к старым, забытым ценностям: ***Новая искренность** обращается к идеям гуманизма, уже почти убитой лиричности, а также осуществляет возврат к простым, иногда излишне приземленным ценностям. Все это в совокупности порождает транссентиментализм, или, иначе говоря, **новую искренность*** (Dr. Kleine. Новая искренность // Дзен, 2020) [АА].

О неоднозначном отношении современников к феномену новой искренности свидетельствуют и контексты, в которых она оценивается, несмотря на трендовость и медийность, как пугающая (*Что такое «**новая искренность**» в интернете и как она изменила нашу жизнь. <...> В последние годы в интернете принято рассказывать о депрессии, перенесенном насилии и «токсичных» родителях. Разбираемся, почему в Сети нам проще поделиться сокровенным и как относиться к такой порой **пугающей искренности***. РБК Стиль, 2018 [Там же]) и имеющая негативные последствия (***Новая искренность** и ее последствия для человека. Что такое новая искренность? Новая искренность — это движение в искусстве,*

культуре и философии, направленное на уход от принципов постмодернистской иронии и цинизма, и выдвижение искренности в качестве основного мотива. Нужно ли рассказывать о своих проблемах, диагнозах или лучше промолчать? ПРЛ (пограничное расстройство личности) и синдром Туретта — сталкивались? Сказать нельзя молчать — где правильно поставить запятую? Новая искренность: рассказать о диагнозах или молчать? // Пикабу, 2021 [Там же]).

2.3.4. Лексикографическое описание идиомы **новая искренность**

Таким образом, помимо терминологической культурологической дефиниции, для выражения *новая искренность* можно сформулировать еще два определения.

Новая искренность. Язык СМИ. Интернет-жаргон.

Тенденция в современной коммуникации, одна из коммуникативных практик, характеризующая цифровое общество, в основе которой лежит признание значимости и культивирование феномена откровенного рассказа о себе в публичном пространстве, открытое выражение испытываемых эмоций в СМИ, социальных сетях и др.

♦ Феномен **новой искренности** интересует немногих, но при этом прочно входит в нашу жизнь. Что такое **новая искренность**? Согласно определениям, под этим термином обозначается такое поведение и восприятие человека, при котором он выражает свои эмоции искренне, делится своим мнением в совершенно чистом виде и не использует никакой иронии. Активно в соц.сетях такое явление начало проявляться еще в 2018 году, когда невероятная токсичность сообщества стала невыносимой и, одновременно, начала постепенно сбавлять обороты (Dr. Kleine. **Новая искренность** // Яндекс Дзен, 2020).

♦ Социальные сети привнесли в наш мир невиданную социальную открытость. Социальная открытость породила **новую искренность**. Люди стали друг друга беречь. Раскрывать друг перед другом страшные тайны прошлого, тем самым давая другим возможность избавиться от своих скелетов в шкафу. Ну, по крайней мере так выглядит со стороны. Или должно было бы выглядеть. Потому что на самом деле эта самая **новая искренность** и социальная открытость породили страх людей друг перед другом. Страх, что ты будешь не таким, как они. И тогда они исторгнут тебя из своего социума. И тогда приходится лицемерить (М. Кононенко. Новая искренность // Росбалт, 2019).

Новая искренность. Маркетинг. Интернет-жаргон.

Технология коммуникации в маркетинговой, политической и других сферах, предполагающая откровенный рассказ о себе, открытое выражение испытываемых эмоций в публичном пространстве (СМИ, социальные сети и др.) с целью оказать влияние на аудиторию и получить от этого запланированные выгоды.

♦ — Понятно, что старые проверенные образы вроде «крепкого хозяйственника» безнадежно устарели — им не верят, сейчас нужна свежесть и непосредственность коммуникаций с народом, **«новая искренность»**, — пояснил один из спикеров Конгресса РАПК Евгений Минченко, президент коммуникационного холдинга «Минченко консалтинг» (О. Филина. Непроверяемое доверие // Огонек, 2019).

♦ — Попробуем рассмотреть, каким же образом применяется лирико-исповедальный дискурс в современном интернет-маркетинге на примере южнокорейского бойз-бэнда BTS. Почему выбран такой неожиданный объект для изучения? Потому что глубоко нишевый проект, рожденный на периферии мировой поп-музыки за 6 лет умудрился пройти путь к феноменальному глобальному успеху благодаря как раз **«новой искренности»** и SMM (В. Лакодин. Новая искренность, «темный маркетинг» и SMM с душевной обнаженностью // textterra.ru, 2022).

2.3.5. Выводы

Новые коммуникативные практики, связанные с развитием социальных сетей, обусловили появление форматов взаимодействия, которые, казалось бы, не являются абсолютно новыми, если учитывать тот факт, что человек всегда стремился к общению с другими, в процессе которого вырабатывались правила речевого поведения, выбиралась манера самопрезентации и др. В то же время в зависимости от социокультурных изменений, появляющихся технологических возможностей коммуникация людей претерпевает трансформации, что отражается в появлении языковых единиц, называющих новые феномены общения. Значения новых слов и выражений могут, на первый взгляд, отличаться незначительно, однако лексико-семантический и контекстный анализ позволяет увидеть расхождения, иногда существенные, у новых слов и их уже существующих в языке эквивалентов. Иллюстрацией этому являются лексема *искренность* и идиома *новая искренность*.

Языковое окружение лексемы *искренность* и идиомы *новая искренность* в проанализированных текстах существенно различается. Лексическая сочетаемость слова *искренность*, включение его в ряды однородных членов показывают, что искренность выступает преимущественно в качестве оценочной этической категории в ряду других морально-нравственных свойств, таких как благородство, чистота, мужественность, справедливость и др. Семантика идиомы *новая искренность* имеет более прагматичный характер: она выступает инструментом, применяемым в определенных сферах (*полити-*

ческая/кулинарная новая искренность»), на нее существует спрос, выделяются подходы к ней и др.

Анализ содержания контекстов показал, что *новая искренность* так же, как и *искренность*, основана на раскрытии личной информации, однако между ними есть различия. Лексема *искренность* обозначает склонность человека открыто рассказывать о своих чувствах, эмоциях, фактах биографии, предрасположенность к открытости. Идиома *новая искренность* — это модный тренд / технология / метод, которые используются в качестве инструмента привлечения внимания аудитории в сфере как частной, так и деловой жизни, например, в маркетинге, политике, шоу-бизнесе и др.

Словарное описание идиомы *новая искренность*, кроме известного терминологического значения, должно включать в себя еще два лексико-семантических варианта, в состав которых входят общие семы ‘откровенный рассказ о себе’, ‘открытое выражение испытываемых эмоций’, ‘в публичном пространстве’, ‘оказать влияние на аудиторию’ и дифференциальные семы ‘технология коммуникации’, ‘в маркетинговой, политической и других сферах’, которые репрезентируют профессиональный характер феномена новой искренности.

РАЗДЕЛ 3

НАЦИОНАЛЬНОЕ ЕДИНЕНИЕ В ЗЕРКАЛЕ ЯЗЫКА

Авторы:

Кислицина Анна Николаевна

Леонтьева Татьяна Валерьевна

Семёхина Анастасия Сергеевна

Щетинина Анна Викторовна

От авторов:

В период существования Советского Союза широкую известность имели произведения, посвященные родине, например, песня на стихи Роберта Рождественского, рефреном в которой звучали слова: «Я, ты, он, она! Вместе — целая страна, Вместе – дружная семья! В слове “мы” — сто тысяч “я”...». И таких воодушевляющих произведений о единстве людей, живущих в одной стране, было немало. Уже пережитые и еще переживаемые социальные катаклизмы меняют во многом отношение людей к стране, обществу, друг к другу, и по мере этих изменений все явственнее ощущается потребность социума и государства найти скрепы, способствующие единению пусть уже территориально меньшего, нежели был СССР, но все еще самого большого в мире государства.

Стремление России на современном этапе ее развития найти объединяющую идею для многонационального народа актуализируется в разных сферах жизни страны, в том числе в медийном пространстве, поскольку «медиасредства обладают богатейшими воспитательными возможностями» [Авдеева, 2015, с. 90], в связи с чем, например, «вопросы формирования личности подрастающего поколения в условиях медиапространства становятся все более актуальными, а исследование инструмента для их решения — медиавоспитания – является социальным заказом общества» [Там же, с. 88].

Поиск скреп, объединяющих многонациональную, многоконфессиональную, имеющую огромную террито-

рию страну, обуславливает необходимость изучения разных сфер жизни, в том числе медиапространства, в котором имплицитно или эксплицитно осуществляется передача информации, в том числе идеологического характера, оказывающей влияние на целевую аудиторию: семью, социальный слой, граждан страны. К национально-культурным ценностям апеллируют тексты разных стилей, сфер, в том числе рекламные тексты.

В то же время единение может быть амбивалентно: люди объединяются для достижения как позитивных, так и негативных целей. Социальные явления находят выражение в языке. Так, в последние десятилетия появилось значительное количество фразеологизмов, называющих мероприятия, объединяющие людей для протестов не только в России, но и в других странах (*белоленточное движение, блестящий марш, оранжевая революция* и др.). Фразеологизмы используются как эффективные речевые средства политтехнологий для реализации коммуникативных задач, в том числе воздействия на молодежь.

Лексическим репрезентантам этих социальных механизмов, обуславливающих появление общественных и политических союзов, обеспечение национальной идентичности, посвящается данная глава книги.

3. 1. Языковая репрезентация идеи национального единения в медийном дискурсе¹

Авторы: Семёхина, А. С., Щетинина, А. В.

Аннотация

На основе изучения языковой репрезентации идеи национального единения в словарях и речевом употреблении установлено значение неидиоматического составного выражения **национальное единение** (вариант: **общенациональное единение**), выявлены контекстные маркеры идеи национального единения в публицистических и рекламных текстах. Выражение рассмотрено в ряду синонимичных единиц **национальное единство** и **национальное согласие**. Выражение **национальное единение** имеет процессуальное значение и предполагает длительность действия, а выражения **национальное единство** и **национальное согласие** — предметное значение результативности, а также приобретают контекстуальный синоним **национальный союз**. На основе анализа дефиниций прилагательного **национальный** и существительного **единение** и их речевого употребления как составного неидиоматического выражения сформулировано определение **национального единения** как государственного процесса сплочения граждан страны, имеющих общее историческое прошлое, на основании взаимодействия власти и народа по вопросу решения задач развития государства и национальной безопасности. В коммерческой поликодовой рекламе выражение **национальное единение** не употребляется, однако идея национального объединения реализуется имплицитно. Выявлены языковые маркеры продвижения идеи национального единения в современной коммерческой рекламе, номинирующие общие традиции, территорию и некоторые особенности социокультурной жизни страны.

¹ Данный раздел монографии подготовлен на основе научной статьи, опубликованной в рамках гранта: Щетинина, А. В. Языковая репрезентация идеи национального единения в медийном дискурсе / А. В. Щетинина, А. С. Семехина // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2021. — № 1 (213). — С. 18—27. — DOI 10.23951/1609-624X-2021-1-18-27.

3.1.1. Вводные замечания

Обращение к анализу выражения *национальное единение* обусловлено непреходящей актуальностью идеи, заложенной в его содержании, что отмечается в текстах СМИ. Сравним хронологически разные контексты: *Послушайте, о чем говорят почти все, кто возвращается вокруг политики, даже самые закоренелые правые. Патриотизм, государственность, державность. Территориальная целостность. Национальное единение. Срочно найти национальную идею. Вернуть России ее место в мире* (Огонек, 2000) [АА] и *«Стерлитамакский нефтехимический завод за национальное единение и мирное небо»* (Коммерсантъ, 2020) [Там же] — название статьи, посвященной совместному проекту завода и пилотажной группы «Первый полет», которые обратились к россиянам с призывом к единению в борьбе с коронавирусом. Сочетание *национальное единение* в заголовке поддерживается в тексте при помощи сопроводительных лексических маркеров: местоимения *мы*, повторяющегося неидиоматического составного выражения *общими усилиями*, наречием *вместе* и др.

В лингвистических исследованиях по данной проблематике уделяется внимание словам и текстам, через которые описываются национальные ценности в языке и речи, анализируется национальный характер, объясняется язык межнациональных отношений, дискурс этничности в правовой сфере [Едалина, 2014; Жукова и др., 2019; Замотина и др., 2016; Лескинен, 2012; Маклашова, 2014; Реттих, 2015; Руженцева и др., 2013; Сапиева, 2015 и др.] и т. п.

В настоящем исследовании мы обратимся к анализу лексических средств, которые воплощают идею на-

ционального единения в медийном дискурсе. Анализ лексического материала осуществлялся методами семантико-мотивационной реконструкции, приемами компонентного анализа, интерпретации контекстной семантики, анализа дефиниций, обобщения сведений об особенностях лексической репрезентации семантики национального единения. Материалом для исследования послужили словарные данные, контексты, извлеченные из Национального корпуса русского языка, примеры, выбранные из публикаций СМИ, и поликодовые тексты рекламного дискурса. Для уточнения семантики слов использовались словари русского языка.

3.1.2. Семантический объем выражения *национальное единение* в толковых словарях

Прежде всего обратимся к анализу семантики слов *единение* и *национальный* в «Словаре русского языка». Для лексемы *единение* фиксируется следующее значение: ‘тесная связь, союз; сплоченность’ [СлРЯ, т. 1, с. 461], при этом в иллюстрациях к значению видно, что единение может обнаруживаться на государственном уровне (*Единение партии и народа* [Там же]), на уровне социальных взаимодействий (*И в зрительном зале как будто некоторое охлаждение ко мне, не чувствовалось единения со зрителем...* [Там же]), на уровне личных отношений (*Мы прожили со всеми этими людьми две недели. Но хорошее, дружеское единение установилось между нами* [Там же]).

Синонимом лексемы *единение* выступает слово *единство*, в разных значениях которого есть семы абсолютного, предельного состояния, результирующего процесс объединения (‘цельность’, ‘нераздельность’, ‘неразрыв-

ность', 'полное сходство' [Там же, с. 463]), отсутствующие в определении слова *единение*. Обратим внимание на то, что в первом лексико-семантическом варианте (ЛСВ) слова *единство* оттенок значения 'сосредоточение чего-л. в одном месте, в одних пределах, в одних руках и т. п.' включает в себя семантику единовластия ('сосредоточение в одних руках') [Там же], также не свойственную лексеме *единение*. В словаре русского языка под редакцией В. В. Морковкина фиксируется три ЛСВ, включающих в себя семы 'полная', 'единая', 'одно целое', также репрезентирующих семантику абсолютного, предельного состояния (для существительного *единение* дефиниция не представлена) [Морковкин и др., 2017, с. 288].

М. В. Гаврилова, рассматривая трансформацию содержания концепта ЕДИНСТВО в российском политическом дискурсе XX—XXI веков, приходит к выводу, что в начале XX века слова *единство* и *единение* используются как синонимы, а их семантическое разграничение проводится на уровне сочетаемости *единство страны* — *единение людей*: «Единство, вобрав в свою семантическую структуру сему 'сплоченность', вытеснило слово *единение* из русского политического дискурса», став «идеологемой советского политического дискурса в значении 'общность, цельность, нераздельность'» [Гаврилова, 2010, с. 14]. В XXI веке происходит расширение семантического объема слова *единство* за счет развития возможностей сочетаемости с языковыми единицами, обозначающими ветви власти, части социальной системы, отношения между людьми, элементы интеллектуальной сферы и др. [Там же, с. 15].

Задачей настоящего исследования не является комплексное описание семантического объема обоих слов,

однако отметим, что, согласно нашим наблюдениям, в сочетании с прилагательным *национальное* лексема *единство* в значении ‘полная солидарность, общность на основе единых интересов, целей, идеалов и т. п.’ [Морковкин и др., 2017, с. 288] в контекстах актуализирует значение солидарности как факта в отличие от значения лексемы *единение* как процесса. Так, и анализ формантов показывает, что суффикс *-ени́-* присоединяется к глагольной основе (*единить* → *единение* [Тихонов, 1990, с. 328]) и наделяет ее значением «явления, характеризующегося действием, названным производящим глаголом», то есть преимущественно процессуальным значением, например: *Да, при Путине Россия стала существенно более последовательной в своей политике. Появились зачатки идеи нового **национального единения** народов, восстановления целостности в себе. Потребность в объединительной идее и политической воле к ее воплощению наиболее заметна на окраинах России* (Новый регион 2, 2007) [НКРЯ] (семантика процессуальности, а не результата заложена и в отглагольном существительном *восстановление*, посредством которого определяется идея единения — *восстановления целостности в себе*). В свою очередь суффикс *-ств-* имеет значение ‘словообразовательная единица, образующая имена существительные, которые обозначают отвлеченный признак, характеризующийся тем, что названо мотивирующим именем прилагательным’. С его помощью образуется производное существительное *единство* (*единый* → *единство* [Тихонов, 1990, с. 327]), которое, сочетаясь с прилагательным *национальный*, приобретает предметное значение (союз, объединение лиц). Сравним, например, предложения:

И в некоторых публикациях активно пропагандируется якобы имеющееся **национальное единство** всех тюркских народов Российской Федерации (Известия. 2005.08.24) [НКРЯ]; Таким образом, **национальное единство**, судьба российской нации и даже судьба всей евразийской цивилизации зависит сегодня от того ценностного выбора, который должна сделать Россия... (Коммерсантъ Наука, 2019) [АА] и другие контексты, в большинстве из которых единство может быть заменено лексемой союз.

В сочетании с прилагательным *национальный* у слов *единство* и *единение* появляется контекстный синоним *согласие* (ср. *национальное единение*, *национальное единство*, *национальное согласие*). Выражение *национальное согласие*, как и *национальное единство*, в отличие от *национального единения*, содержит во всех значениях смысл результативности, о чем свидетельствуют семы 'договоренность', 'соглашение', 'единое мнение' [СлРЯ, т. 2, с. 178], 'единство мыслей, убеждений, взглядов' [Морковкин и др., 2017, с. 1129].

У полисеманта *национальный* в словаре зафиксировано четыре значения: 1. Относящийся к нации, национальности. *Национальный вопрос. Национальное движение. Национальное равноправие*. 2. Выражающий характерные особенности какой-либо нации, национальности; свойственный какой-либо нации, национальности. *Национальная культура*. 3. Относящийся к данной стране, государству; государственный. 4. Относящийся к отдельной, малочисленной национальности. *Национальный район* [СлРЯ, т. 2, с. 413–414]. Как видим, данная характеристика может относиться к отдельной нации и национальности как исторически сложившейся общности людей, объ-

единенной способами производства, территорией и др., как многочисленной, так и малочисленной, о чем свидетельствуют первый, второй и четвертый ЛСВ. Кроме того, прилагательное *национальный* характеризует и страну, и государство в целом (третий ЛСВ). Отметим, что в сочетании прилагательное *национальный* и существительное *единение* не вполне точно предопределяют друг друга в части реализуемой ЛСВ (хотя обычно сочетание слов позволяет уточнить значение каждого из них). В данном случае сохраняется некоторая семантическая свобода: в выражении *национальное единение* реализуются разные значения прилагательного в зависимости от контекста. Исключение составляет второе значение, поскольку оно отражает внутренние черты ('выражающий особенно-сти'), свойства ('свойственный') нации, национальности.

3.1.3. Лексическое портретирование выражения *национальное единение* на основе анализа контекстов

Исходя из положения о том, что значение слова или выражения может быть описано более детально на основе контекстного анализа, мы проанализировали употребление словосочетания *национальное единение* в журнальных и газетных публикациях, представленных в НКРЯ и других источниках. Было выявлено более 300 фрагментов текстов, в которых встречается словосочетание *национальное единение*. Интерпретационный анализ позволил уточнить и дифференцировать ряд семантических признаков, которые не фиксируются словарями, но дают возможность получить более полное представление о смысле данного выражения. В частности, изучение контекстного окружения словосочетания поз-

волило выявить дополнительные семантические признаки, маркирующие основания / условия национального единения россиян.

‘Соборность как характерная черта русского народа’: *Русская соборность – это не только наше **национальное единение** и совместная защита интересов, но и любовь русских людей к иным, другим народам* (Жизнь национальностей, 2004) [НКРЯ] (в контексте актуализируется первое ЛСВ прилагательного *национальный* ‘относящийся к нации, национальности’; интересно, что в данном случае национальное единение представлено составной частью русской соборности).

‘Общие задачи народа и власти по решению проблем, выходу из кризиса’: *И именно та группа единомышленников, которую суждено было сформировать и возглавить автору этих строк, опираясь на поддержку абсолютного большинства граждан, на **национальное единение** вокруг общих задач — вывела Россию из тупика гражданской войны, переломила хребет терроризму, восстановила территориальную целостность страны и конституционный порядок, возродила экономику и обеспечила на протяжении 10 лет один из самых высоких в мире темпов экономического роста и повышения реальных доходов наших людей* (Комсомольская правда, 2012) [Там же] (актуализируется семантика отношения к национальному как к государственному (третий ЛСВ), условием национального единения видится решение общих проблем по выходу страны из кризисного состояния).

‘Общепарадная цель развития, движение к которой осуществляется народом совместно

с властью': *День же народного единства так и останется неудавшимся праздником, потому что с ним не связана никакая идея будущего. И так будет, пока не начнется настоящее **национальное единение** вокруг общего вектора движения вперед, принятого народом и реализуемого честной национальной властью* (Московский комсомолец, 2016) [Там же] (здесь также воплощается идея отношения к национальному как к государственному (третий ЛСВ), условием национального единения видится общее развитие (*движение вперед*), реализуемое самим народом и честной властью).

‘Национальная безопасность’: *И далее именно **национальное единение** неоднократно спасало Россию. К примеру, не так давно по историческим меркам мы жили в эпоху 90-х, «нового Смутного времени». И снова были враги внешние и внутренние, и снова разваливалась страна и все шло к исчезновению России из мировой истории* (Взгляд, 2017) [АА] (в данном контексте актуализируется семантика национального как государственного (третий ЛСВ), основанием национального единения видится идея национальной безопасности, которая противопоставляется интересам западных государств).

‘Терроризм как угроза стране’: *Пришло время отставить в сторону вопросы, которые вносят раскол в ряды защитников гуманизма и самой человеческой цивилизации, показать пример **общенационального единения** и сплоченности в противодействии общему вызову* (АиФ, 2015) [Там же] (согласно этому и подобным текстам, одна из целей объединения нации как граждан государства — противодействие терроризму, что является частным основанием для единения (в отличие от бо-

лее широкого понятия «национальная безопасность»), но актуальным, поэтому часто упоминаемым).

‘Историческое прошлое’: *Ополчение Минина и Пожарского изгнало поляков из Москвы. В честь этого события учрежден День **национального единения** России* (Сочтемся праздниками // Огонек. 06.11.2005, с. 43) [Там же] (выражение входит в структуру официального названия праздника, который учрежден как объединяющий граждан государства (третий ЛСВ) в честь победы в историческом военном событии; кроме того, на связь с третьим значением указывает слово *Россия*).

‘Помощь людям в трудной ситуации’: ... *Мы доказали всему миру, что «своих не бросаем», в каком бы уголке земного шара ни оказался наш соотечественник. И это принципиальная позиция России в XXI веке... Возвращение Крыма в Россию стало ярким примером **общенационального единения**...* (АиФ, 2016) [Там же] (в данном случае проводится сближение между единением людей (россиян) и объединением территорий). Таким образом, в текстах СМИ идея национального единения наиболее часто связывается с совместным решением народом и властью общих задач по выходу из кризиса, устранению проблем, при этом в большей части публицистических текстов реализуется семантика национального как государственного в соответствии с третьим ЛСВ, что объясняется спецификой дискурса, поскольку СМИ являются площадкой для проведения соответствующей идеологии. Можно утверждать, что в публицистическом дискурсе идея национального единения реализуется в контексте общегосударственного строительства, объединяющего всех граждан страны безотносительно к национальной

принадлежности. Лексема *единение*, значение которой включает в себя сему процессуальности, употребляется с прилагательным *национальный* преимущественно в третьем ЛСВ ('относящийся к данной стране, государству; государственный'). Отметим, что употребление прилагательного *национальный* в четвертом значении ('относящийся к отдельной, малочисленной национальности') в сочетании с существительным *единение* в проанализированных текстах нам не встретилось. Таким образом, в публицистических текстах выражение *национальное единение* в большинстве случаев имеет значение, которое можно сформулировать как 'общегосударственный процесс сплочения граждан страны'.

3.1.4. Выражения *национальное единение* в рекламном тексте

Воздействие на сознание граждан страны может осуществляться в любых дискурсивных практиках, в частности, посредством рекламных текстов, так как реклама, «создающая мифологию современных массовых вожделений, стала регулятором массового поведения, поскольку ее главное назначение — воздействовать на наше сознание и детерминировать поведение тех, кому она предназначена» [Мокиенко, 2015, с. 159]. Как известно, с целью воздействия реклама не только отражает интересы, желания, предпочтения целевой аудитории, но и формирует определенные представления об окружающей действительности: «...с одной стороны, язык рекламы опирается на уже существующие особенности вербального отражения реальности, но с другой стороны, он участвует в формировании языковых клише и стере-

отипов, подталкивает адресата к заданному способу реакции» [Ягодкина, 2017, с. 199]. Важно подчеркнуть, что, по мнению специалистов, «при анализе языка рекламы особого внимания требуют особенности вербального отражения национальных стереотипов поведения и мировосприятия» [Там же], которые, добавим, реализуются как в социальной и политической рекламе, так и в коммерческой.

В коммерческих рекламных текстах словосочетание *национальное единение* не встречается, что вполне объяснимо, поскольку данный тип рекламы ориентирован на привлечение внимания целевой аудитории к продукту и услуге, а не на формирование национального самосознания граждан. Поэтому и прилагательное *национальный* встречается крайне редко. Однако в вербальной части презентации продукта или услуги в рекламном тексте в ряде случаев можно обнаружить воплощение идеи национального единения, которая без использования слов *национальное* и (или) *единение* продуцирует семантику единства.

Материалом для анализа послужили тексты коммерческой поликодовой рекламы, которая более широко представлена в медийном пространстве, нежели социальная и политическая, и априори менее ориентирована на идеологические установки. Мы выделили ряд репрезентируемых в рекламных текстах оснований, которые являются, на наш взгляд, маркерами представлений о национальном единении людей:

(1) Общие традиции. Здесь можно говорить о репрезентации двух значений прилагательного *национальный*: 'относящийся к нации, национальности' и 'от-

носящийся к стране, государству» [СлРЯ, т. 2, с. 413–414]. Семантика национального актуализируется, например, в рекламе блюд, напитков, продуктов, которым приписывается этническая специфика, для чего привлекается слово *русский*: «Целесообразность и эффективность использования этнонима “русский” и соответствующих этнонимических дериватов как ключевых слов рекламного сообщения объясняется возможностями данных языковых средств в сфере концептуализации и оценочной интерпретации действительности: многоассоциативность, эмоциональность, актуализация этнических стереотипов, оценочность, адресованность, экспликация категории “свой — чужой” или “свой круг”» [Сухарева, 2017, с. 110]. Так, в рекламе кваса как старинного русского продукта (слово *квас* зафиксировано в словаре XI–XVII веков в текстах начиная с 996 года: *Повель пристроити кола, и възкладше хлѣбы и мяса, рыбы и овоць различный, медь въ бочкахъ, а въ другихъ квасъ възити по граду* [СлРЯ XI–XVII, т. 7, с. 103]) используется слоган «Русский дар. Вековые традиции русского кваса», что соответствует культурологической информации об этом напитке. Обращение к традициям русской культуры чаще всего реализуется именно в рекламе продуктов питания: «ЯРПИВО. ХЛЕБНОЕ. Традициям верное» (пиво ‘хмельной напиток’ 1465: *К нашему проезду сварил пиво да квас* [Там же, т. 15, с. 44]); «Хмелевой хлеб. Верность традициям»; «Воронцовские сухарики. Пекутся о традициях» и др. При этом подчеркивается «русскость» посредством прилагательного *русский* (*Настоящий пломбир. Русский холод; Русский стандарт. Лучшие русские традиции*), соотнесенность с деревенскими традициями

(СТАРОДВОРСКИЕ КОЛБАСЫ. В лучших деревенских традициях!; Домик в деревне. Вкусно и натурально как у бабушки в деревне), с русским праздничным календарем (МАСЛЕНИЦА. Широкая Масленица в кафе Калибри). Часто апелляция к фактам русской культуры, русским традициям, именам, историческим событиям и др. вписывается в современный контекст, компилируется «русское» и «иноязычное» (ВОНЕМИА. Без блинов — не Масленица!; ERNMANN. Глашенька. Йогурт питьевой. Время вернуться к традициям!).

Традиции могут соотноситься в рекламных текстах с определенным периодом жизни страны (то есть не только с русским этносом), в частности, с временем существования Советского Союза. При этом то, что связывается с данным периодом, в рекламе оценивается преимущественно положительно, как чистое, натуральное, сделанное по ГОСТу и т. п. (*«ХОРОШИЙ ВКУС. Сосиски “Советские”. Советская серия. Старый рецепт. Никакой химии!»; «МИКОЯН. ЛЕГЕНДАРНАЯ КОЛБАСА. БЛАГОРОДНЫЙ ВКУС. Поставщик Кремля с 1933 года»*).

(2) Общая территория. В рекламе используются лексемы *страна, Россия, мы, наша* (*МИРАТОРГ. Это наша страна; МИРАТОРГ. Мы – одна страна; LADA. На всех дорогах страны*). Подчеркивается большой размер территории страны. Ср.: в видеоролике, посвященном рекламе спутникового телевидения: «Триколор ТВ» приходит в *«самые отдаленные уголки нашей страны»*; в рекламе лапши «Ролтон» сделан акцент на разных часовых поясах: *Большая у нас страна. Когда на Камчатке ужинают после смены, в Калининграде завтракают перед первой парой...* Активно используемым приемом в рекламе

является указание на определенный регион, что можно рассматривать как позиционирование «своего», «особенно хорошего», маркер единения людей, живущих на определенной территории — малой родине, маркер региональной идентичности (*ТОТЕМСКИЙ МАСЛОЗАВОД. Молочные традиции земли вологодской; БОРИСОГЛЕБСКИЙ МЯСОКОМБИНАТ. Вековые традиции качества*). Кроме того, возможно обращение к жителям региона (*СИБИРСКИЙ ГУРМАН. По многочисленным просьбам сибиряков теперь и колбасы; БАНК КОЛЬЦО УРАЛА. Только уральский рабочий знает: чем дешевле кредит, тем меньше работать*), при этом дополнительными маркерами единения служат прилагательные *родной*, притяжательные местоимения *свой*, *наш* и др. (*ДМИТРОГОРСКИЙ ПРОДУКТ. Покупай свое, родное!*).

(3) Общие особенности социокультурного пространства, устройства жизни в стране. В рекламе отечественного автопрома часто акцентируется необустроенность автодорог: *УАЗ-ПАТРИОТ. Будь уверен на дорогах. УАЗПАТРИОТ. Создан для бездорожья, обновлен для города; ОАО КАМАЗ. Танки грязи не боятся*. Текст может сопровождаться визуальным рядом — фото или видео трассы, уходящей за горизонт, бездорожья, неасфальтированной дороги. Последняя, например, представлена в рекламе автомобиля УАЗ-ПАТРИОТ с Константином Дзю и слоганом *«Мой путь начинается в России»*. Качество российских дорог воспринимается как нечто специфическое для страны, что эксплуатируется в рекламе как фактор, требующий «особого подхода» от разработчиков и изготовителей продукции: *LADA. Ключ к дорогам России*.

Как отмечает М. В. Ягодкина, при анализе рекламных текстов «внимания требуют особенности вербального отражения национальных стереотипов поведения и мировосприятия. Так, реклама шин “Ярославский шинный завод — русские шины для русских дорог” дает возможность русскому человеку как носителю языка вычленить информацию: шины отличаются качеством и надежностью, поскольку “для русских дорог” это совсем не то же самое, что для дорог, например, европейских. Языковое сознание жителя Европы не дает возможности для извлечения аналогичной информации из текста “английские шины для английских дорог” или “шведские шины для шведских дорог”, ведь “традиционно” дороги в России гораздо хуже, чем в Европе» [Ягодкина, 2017, с. 199].

Заметим, что в последние годы в рекламе акцент с плохого качества российских дорог сместился на репрезентацию возможности путешествовать в самых отдаленных уголках России по труднодоступным местам, где «не ступала нога человека», но благодаря хорошим техническим характеристикам может проехать машина. Выскажем предположение, что, во-первых, качество дорог в последние годы существенно улучшилось, поэтому тема отчасти утрачивает актуальность для российских СМИ и рекламных текстов, а во-вторых, стремление власти развивать внутренний туризм и другие объективные причины, которые мотивируют людей путешествовать по России, обуславливают и появление рекламы, в которой демонстрируется привлекательность разных туристических маршрутов. Например, серия рекламы банка УРАЛСИБ содержит общий слоган «Путешествуй по России. Смотри! Гордись! Запоминай!», который со-

проводятся иллюстрациями достопримечательностей разных городов России. Можно сказать, что призывный характер этой рекламы, выполняя свою основную функцию — рекламирование банковского продукта (*Карты для комфортных и выгодных путешествий*), продвигает идею национального единения, поскольку в призывах «Смотри! Гордись! Запоминай!» заложена позитивная оценка тех мест России, которые увидит путешественник.

К концепту, реализующему идею национального единения в рекламных текстах отечественных продуктов и услуг, мы бы отнесли понятие «душа», которое, как известно, рассматривается учеными (Н. Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, Ю. С. Степанов, Е. В. Урысон, А. Д. Шмелёв и др.) в качестве базовых концептов русской культуры. Так, слово *душа* используется в рекламе продуктов (*Россия — щедрая душа. Сделано с душой*), напитков (*Русский дар. От всей души*) и др. При этом в слоганах обыгрываются разные значения слова, например *душа* как 'внутренний психический мир человека' (*Душа радуется*), 'совокупность характерных свойств, черт, присущих личности; характер человека' (*Россия — щедрая душа. Душа нарастает*). Функция национального единения реализуется и в ряде рекламных продуктов, содержащих обращение к разным поколениям: *МОРОЗ продукт. Поколения страны, объединяйтесь! Игруем вместе, выигрываем вместе* (используется прием языковой игры, основанный на трансформации лозунга советских времен «Пролетарии всех стран, объединяйтесь!»); указание на общенациональную принадлежность: *Газпром. Национальное достояние!*; на своего рода престижность при-

надлежности к русской нации: *Никола. Быть русским по приколу!* и др.

В рекламном ролике пива «Балтика» объединяющим условием представляются факты культуры, известные разным поколениям: в тексте в качестве ответа на вопрос (*Так что объединяет нас в России?*) обыгрываются цитаты из произведений классики, советских времен и современности: строки из поэмы М. Ю. Лермонтова «Бородино» (*К примеру, схватки боевые, да, говорят, еще какие! ...И где-то парус одинокий*), песен В. Цоя (*Или звезда по имени Солнце*), группы 7Б (*Молодые ветра*), Серги (*Свет в оконце*), ВИА Самоцветы (*Как прекрасен этот мир, посмотри*), слова из песни про зайцев в кинофильме «Бриллиантовая рука» (*Дубы-колдуны*), из мультипликационного фильма «Бременские музыканты» (*Нам любые дороги дороги*).

На наш взгляд, идея национального единения эксплуатируется в коммерческом рекламном тексте, поскольку рекламодаделец, позиционируя себя в качестве специалиста, работающего на территории всей страны или какого-то из ее регионов, заявляет о себе как об актере, знающем свою страну, уважающем его жителей, стремящемся улучшить жизнь, соответственно, вызывающем доверие у покупателя. Не случайно одним из популярных приемов для позиционирования своей продукции как качественной и настоящей (это касается преимущественно мясной продукции) является обращение к стереотипу (имеющему под собой основания) о советском прошлом, где продукты делались в строгом соответствии с ГОСТ из натуральных продуктов (*ФАМИЛЬНЫЕ КОЛБАСЫ. Линейка ГОСТ. Сделано, как вы любите; ДОК-*

ТОРСКАЯ. ГОСТ. Ностальгия по стандартам прошлых лет. Вспомните тот самый вкус!; ДМИТРОГОРСКИЙ ПРОДУКТ. Колбаса вареная «Дмитрогорская». Вкусная как раньше. «Ретро-колбаса». Ностальгия по советскому прошлому. Настоящая ручная вязка). Мы выявили лишь несколько вариаций эксплуатации идеи национального единения в современной коммерческой рекламе: общие традиции, территория и некоторые особенности социокультурной жизни страны. При этом, на наш взгляд, можно смоделировать и другие основания, которые могут лечь в основу рекламного текста.

3.1.5. Заключение

Идея национального единения имеет языковое воплощение в разных типах дискурса, в частности в газетных и журнальных публикациях, что ожидаемо, поскольку тексты СМИ призваны освещать социально-политические проблемы в стране. Кроме того, мы предположили, что идея национального единения может явно или скрыто присутствовать в рекламных текстах, в том числе в коммерческой рекламе. Исследование языковой репрезентации идеи национального единения в текстах СМИ и коммерческой рекламы позволило сделать ряд выводов.

1. Анализ семантического объема языковой единицы *национальное единение*, осуществленный на материале определений, зафиксированных в словарях, показывает, что это 'общегосударственный процесс сплочения граждан страны'. При этом в отличие от синонимических номинаций *национальное единство* и *национальное согласие*, которые имеют предметное значение, поэтому

могут заменяться в контекстах выражением *национальный союз*, процессуальное значение выражения *национальное единение* предполагает длительность действия, а не его результативность.

2. Интерпретационный анализ речевого употребления словосочетания *национальное единение* показал, что в текстах СМИ маркируются основания для национального единения, среди которых ‘соборность как характерная черта русского народа’, ‘общие задачи народа и власти по решению проблем, выходу из кризиса’, ‘общенародная цель развития, движение к которой осуществляется совместно с властью’, ‘национальная безопасность’, ‘терроризм как угроза стране’, ‘историческое прошлое’, ‘помощь своим людям в трудной ситуации’.

3. Анализ словарных толкований прилагательного *национальный* и существительного *единение* и употребления словосочетания *национальное единение* позволил рассматривать эту языковую единицу как неидиоматическое составное выражение со значением ‘государственный процесс сплочения граждан страны, имеющих общее историческое прошлое, на основании взаимодействия власти и народа по вопросу решения задач развития государства и национальной безопасности’. При этом важно заметить, что семантика национального не ограничивается референцией к отдельной нации, а соотносится со всеми гражданами государства.

4. Реализация идеи национального единения в коммерческой рекламе выявляется преимущественно в текстах, рекламирующих отечественные продукты питания и напитки, при этом акцент делается на объединяющих людей русских традициях, как «вековых» (например,

в рекламе кваса), так и недавнего советского прошлого (например, в рекламе колбасы, сделанной по советским традициям), что соотносится с семантикой общего исторического прошлого, которая актуализируется и в публицистических текстах. Кроме того, в рекламном тексте в качестве объединяющего людей основания представляется общая территория, при этом авторы рекламы апеллируют как ко всем жителям России, так и к живущим в разных, в том числе отдаленных уголках страны, на малой родине — в регионе, где есть свои традиции, которые при этом мыслятся в контексте общенациональных традиций. Идея национального единения актуализируется и путем обращения к социокультурным особенностям русской жизни, что проявляется в использовании национальных концептов ДОРОГА, ДУША; в языковой игре, основанной на приеме аппликации (*Поколения страны, объединяйтесь!*), на синтезе цитат из общеизвестных произведений (песен, стихотворений, кинофильмов и др.).

5. В целом языковая репрезентация идеи национального единения осуществляется в рекламном дискурсе фрагментарно, при этом можно отметить, что в ряде случаев рекламодатели могут создавать линейку текстов (гипертекст), объединенных на тех или иных основаниях национального единения (например, реклама банка УРАЛСИБ призывающая путешествовать по России, знакомиться с ее достопримечательностями и гордиться страной). Коммерческая реклама, на наш взгляд, имеет большой потенциал для продвижения общенациональных идей.

3. 2. Фразеология на службе политтехнологий: вовлечение в общественные акции¹

Авторы: Леонтьева, Т. В., Щетинина, А. В.

Аннотация

*Рассматривается обновление фразеологического фонда языка СМИ, обусловленное трансформацией социума и изменениями общественно-политических реалий, свободой публичного выражения мнений и повышением градуса конфликтности в коммуникации. Предметом изучения являются устойчивые выражения, номинирующие властные и общественно-политические реалии. Проанализированы фразеологические единицы, называющие общественные акции (**марш жизни, революция норковых шуб, поющая революция, революция роз** и др.). Фразеологизмы являются эффективными речевыми средствами для выполнения коммуникативных задач, в том числе рекрутирования (по этому принципу разрабатываются названия общественных акций для вовлечения большего количества участников) и хеджирования (непрямое обозначение позволяет снизить конфликтность коммуникации).*

¹ Данный раздел монографии подготовлен на основе фрагмента научной статьи, опубликованной в рамках гранта: Леонтьева Т. В. Новая общественно-политическая фразеология в русском языке : тенденции развития / Т. В. Леонтьева, А. В. Щетинина // Русистика. — 2022. — Т. 20. — № 2. — С. 186—202. — DOI 10.22363/2618-8163-2022-20-2-186-202.

3.2.1. Вводные замечания

Язык средств массовой информации ясно демонстрирует тенденцию метафоризации языка за счет введения в речь устойчивых сочетаний, характеризующих общественно политические феномены. Такие языковые единицы всегда имели место и обеспечивали стандартизованность языка журналистской сферы, о чем свидетельствует и множество научных трудов, посвященных осмыслению единиц этого языка, ср. анализ сочетаний *свобода слова, свобода выбора, политика открытых дверей* [Юсупова, 2017, с. 90—91] и др.

Фразеологический фонд русского языка аккумулирует оценочные смыслы, в том числе репрезентирующие отношения человека и государства. В начале XXI века активно создаются устойчивые выражения с институциональной семантикой, называющие явления, процессы, события, связанные с конфликтом. Фразеологизмы фиксируют закрепившиеся, обладающие устойчивостью в лингвокультуре ментальные единицы.

Новая фразеология постоянно находится в центре внимания лингвистов. В «Словаре русского языка короновирусной эпохи» [Словарь ..., 2021], подготовленном санкт-петербургскими исследователями, собрана новая лексика, появившаяся лишь за один год пандемии, в том числе выражения, многие из которых приобрели статус фразеологизмов. К ним относятся в первую очередь выражения с институциональной семантикой (*вакцинная гонка, вакцинная дипломатия* и др.), поскольку они называют явления устойчивого характера и активно тиражируются в текстах СМИ.

Лингвисты, выявляя и описывая новые фразеологизмы, отмечают: «Процесс перехода свободного сочетания слов во фразему сокращается, что дает исследователю возможность наблюдения за фразеологизацией в режиме реального времени» [Чурилина, 2020, с. 132]. А. В. Жуков в докладе, посвященном потенциальности фразеологических единиц, говорит о недостаточной изученности данного вопроса [Жуков, 2018, с. 372], что свидетельствует об актуальности явления, к анализу которого активно обращаются специалисты [Вальтер, 2011; Генералова, 2021; Гусельникова, 2011; Григоренко, 2018; Елисеева, 2000; Зыкова, 2015; Мельник, 2019; Мокиенко, 2002; Свиридова, 2013; Современная фразеология ..., 2016; Федосов, 2000; Шипицина, 2010 и др.]. Лингвисты фиксируют группы неофразем, сложившиеся в разных сферах: интернет-коммуникации, где сформировался компьютерный подъязык [Бузарова, 2006; Еремина, 2012; Чернова и др., 2020 и др.]; здравоохранения в период пандемии коронавируса [Новые слова и значения, 2020], образования [Заварзина, 2016] и др. При этом сходные процессы отмечаются исследователями в разных языках [Благоева, 2017; Гасек, 2019; Дружиловска, 2015; Шулежкова, 2019 и др.].

Появление и функционирование новых фразеологизмов в речи обусловлены тем, что говорящий или пишущий решает какую-либо прагматическую задачу. В общественно-политической среде его намерение особенно часто происходит из необходимости подобрать эффективные речевые средства для выполнения коммуникативных задач рекрутирования (по этому принципу разрабатываются названия общественных акций для вовлечения большего количества участников), ранжи-

рования (для этого годятся фразеогруппы с градуированием понятий одного ряда) и хеджирования (непрямое обозначение позволяет снизить конфликтность коммуникации).

3.2.2. Единение в протесте: номинации протестных событий

Ярче всего среди фразеогрупп нового периода представлена конфликтная идиоматика, которая в то же время коррелирует с семантикой единения, поскольку устойчивые выражения называют явления, события, которые объединяют людей на основе общности социально-политических идей, позиционирования себя в социуме, их отношения к стране, ее месту в мире, к политике, проводимой властью, и др.

Сравним устойчивые языковые обороты разных лет, называющие выступления общественности против власти или выдвинутых ей реформ, инициатив. *Соляной, медный, чумной, холерный, картофельный ...* — эти прилагательные характеризуют известные в истории России XVII—XIX веков бунты в зависимости от того, что являлось причиной протеста населения против власти. Так, номинации протестов, созданные на основе метонимического переноса значения, указывали на то, в связи с чем произошли эти события.

Затем, что интересно, существительное *бунт* преимущественно заменилось словом *революция*. *Поющая, оранжевая, шафрановая ...* – революции конца XX — начала XXI веков, названия которых созданы по иной модели номинации. Не владея информацией об атрибутике этих событий (пение народных песен во

время шествий, оранжевые флаги, такого же цвета повязки на одежде протестующих, одежда желто-оранжевого (шафранового) цвета буддистских монахов как лидеров протеста), трудно определить, с чем они связаны. Если в бытовавших до начала XX века названиях исторических бунтов преобладала прагматичность характеристики, выраженная идеей соотносительности с предметом несогласия, то в названии современных протестов явственна романтизация события, носящего отнюдь не романтический характер. В основе новых идиоматических выражений лежит оксюморон, так как в составе конструкции, обозначающей общественное столкновение и актуализирующей семантику вражды, присутствует прилагательное, значение которого вне «конфликтного» контекста вызывает обычно положительные ассоциации, сравним: ... *люди с цветущим сердцем и поющей душой* (В. Алейников. Тадзимас. 2002) [НКРЯ]; *Когда-то Арканов с Гориным и Певзнером делали для «Рэро» программу и вместе написали прекрасную «Оранжевую песню», которую пела молодая Ирма Сохадзе: оранжевая мама, оранжевый папа ... оранжево поют* (И. Э. Кио. Иллюзии без иллюзий. 1995–1999) [НКРЯ]; *Шафрановый оттенок излучает свет и теплоту, с какими оттенками его можно сочетать на работах, как считаете?* (Теория цвета – оттенок Шафран // Елена Якимова декупаж и декор. 2018) [АА]. В то же время в значении лексемы *революция* ‘коренное изменение социально-политического строя, которое в отличие от реформирования и социальной эволюции характеризуется резким разрывом с предшествующей традицией, обычно насильственным преобразованием обществен-

ных и государственных институтов, а также совокупность событий, результатом которых являются такие изменения' [Морковкин и др., 2017, с. 1007] выделяют семы, репрезентирующие действия, направленные на конфликт: 'резкий разрыв', 'насильственное преобразование', семы противопоставления 'в отличие от реформирования и социальной эволюции'. Семантика вражды «нивелируется» сочетанием существительного *революция* с прилагательными, у которых ни в значении, ни в сочетаемости с другими словами чаще всего связи с конфликтом, враждебностью не наблюдается.

3.2.3. Модели номинаций политических событий

В ряду новых фразеологизмов можно выделить несколько моделей номинации протестных политических событий на основе переноса значения с ключевым компонентом *революция* / *бунт* / *марш*. Рассмотрим далее примеры, часть из которых уже описана в «Идеографическом словаре социальной лексики» [Щетинина, 2018], а для новых номинации составим дефиниции.

Метонимическая модель предполагает перенос значения на основе смежности понятий, фигурирующих в понятийном комплексе фразеологизма и выраженных лексемами, составляющими устойчивый оборот. При этом существительное (*бунт*, *революция*, *марш*) выступает постоянным компонентом, а второй компонент (прилагательное или зависимое существительное в форме косвенного падежа с предлогом) выполняет функцию конкретизатора, и этот переменный элемент в составе фразеологизма маркирует самые различные реалии и соотносимые с ними понятия.

(1) Переменную позицию в составе фразеологизма часто замещают обозначения предметов атрибутики и символических аксессуаров: повязок, ленточек на одежде или цвета одежды: *белоленточная революция* (‘многократные массовые политические выступления граждан России, организованные оппозицией в 2011—2013 годах, против результатов выборов в Государственную Думу и выборов президента; одним из символов выступлений была белая лента’) [Щетинина, 2018, с. 701]; *революция розовых шапок* (‘массовые акции протеста в США против 45-го президента Дональда Трампа, избранного 20 января 2017 года; одним из символов выступлений был розовый головной убор’) [Щетинина, 2018, с. 701]; уже упомянутый выше фразеологизм *оранжевая революция* (символ — оранжевые ленточки) [Щетинина, 2018, с. 701]. В дефиниции к названию революции может присутствовать указание на одежду как маркер статуса протестующих, групповой идентичности: *революция норковых шуб* (*норковая революция*) (‘массовые политические выступления в Москве, организованные оппозицией в 2011—2013 годах, из-за участия в них представителей класса богатых людей’) [Щетинина, 2018, с. 705], *шафрановая революция* (символ – цвет одежды протестующих буддийских монахов), *джинсовая революция* (*васильковая революция*) (‘массовые акции протеста в Белоруссии против результатов выборов президента страны в 2006 году’). В отношении последнего примера отметим, что из контекстов сложно определить, названа протестная акция *джинсовой* по сходству цвета джинсов с васильковым (ср. второе (или первое?) название) либо из-за участия мужчин, которые были одеты преимущественно

но в джинсы. В 2020 году появилось новое выражение, называющее акции протестов в Минске, которое в СМИ употребляется в нескольких вариантах: «блестящий марш» / блестящий марш / «блестящий» женский марш / блестящий марш женской солидарности. Наиболее часто используется вариант из 2-х компонентов блестящий марш ‘акции протеста оппозиции в Минске против результатов президентских выборов, на который участниц-женщин просили прийти в блестящей, яркой одежде’: У Комаровского рынка в Минске начался так называемый «блестящий марш» оппозиции, сообщают очевидцы. Ранее мероприятие было анонсировано оппозицией, к моменту начала шествия в колоннах насчитывалось, по разным оценкам, несколько десятков человек. «Блестящим» марш назван по ярким одеждам — организаторы призвали желающих принять участие в шествии приходить в яркой блестящей одежде с красочно оформленными плакатами («Блестящий марш» начался у минского рынка) [НКРЯ]. Яндекс выдает на запрос блестящий марш более 2 млн запросов, в связи с чем, мы полагаем, есть основание фиксировать новый фразеологизм.

(2) Идентификация с социальной группой может быть репрезентирована в новых фразеологизмах номинациями, характеризующими:

– состав участников, например, гендерный: *женский марш* (‘массовые акции протеста в США против 45-го президента Дональда Трампа, избранного 20 января 2017 года’) [Щетинина, 2018, с. 701]; национальный: *русский марш* ‘протестные шествия и митинги представителей русских националистических организаций и движений в различных городах России и стран СНГ, при-

уроченные ко Дню народного единства 4 ноября' [Щетинина, 2018, с. 708]; и д е й н ы й: *марш несогласных* (то же, что *марш миллионов*, см. дальше);

– количество участников (гиперболизированное): *марш миллионов*: 'акция протеста, организованная оппозицией 6 мая 2012 года в Москве, против инаугурации Владимира Путина' [Щетинина, 2018, с. 705].

(3) Перенос значения по смежности может осуществляться на основании включения в устойчивое выражение фитонимов, поскольку цветочные образы, помимо отсылки к атрибутике проведенной акции протеста, привносят семантику красоты и хрупкости, корреспондирующую с целенаправленно продвигаемыми идеями «прекрасного», которое составляет оппозицию «дурному, безобразному», и «живого», якобы противостоящего «бездушную власть»: *революция роз / розовая революция* 'мирные массовые акции протеста в Грузии в ноябре 2003 года, основным мотивом которых стала предполагаемая фальсификация на парламентских выборах 2 ноября 2003 года; на одной из демонстраций участники шли с розами в руках' [Щетинина, 2018, с. 708]; *тюльпановая революция* 'массовые акции протеста в марте 2005 года в Киргизии, которые привели к революции и свержению президента республики' [Щетинина, 2018, с. 709], *жасминовая революция* 'массовые акции протеста в Тунисе в январе 2011 года, в результате которых произошла смена власти', *революция кедров* 'мирные массовые акции протеста в 2005 году в Ливане за вывод сирийских войск с его территории'.

(4) Замещающий компонент в метонимической модели идиомы может называть место протестных действий.

Так, идиомы *арабская весна* и *арабская зима* обозначают политические протесты в арабских странах – это ‘волна антиправительственных народных выступлений, начавшихся в арабском мире в 2010 году, следствием которых стали перевороты, гражданские войны, гражданские восстания, массовые протесты в странах Ближнего Востока’ [Щетинина, 2018, с. 701]. Другой фразеологизм *болотная революция* соотносится с российской политической действительностью, замещающий компонент обозначает одну из локаций, с которой связаны события — это ‘многократные массовые политические акции протеста в России, начавшиеся после выборов в Государственную думу VI созыва 4 декабря 2011 года, продолжавшиеся во время кампании по выборам президента России и после состоявшихся 4 марта 2012 года президентских выборов, на которых победил Владимир Путин; начались в Москве, одним из основных мест проведения была Болотная площадь’.

(5) Время проведения протестной акции в переносном значении представлено во фразеологизме *снежная революция*, где компонент *снежная* указывает на зимний период — ‘массовые политические выступления граждан России, организованные оппозицией зимой в 2011—2012 годах, против результатов выборов в Государственную Думу’.

Временные маркеры могут появляться и в качестве опорного слова в устойчивом обороте, указывая на длительность и этапность протестного события: *арабская весна* и *арабская зима*. Заметим, что эта группа идиом имеет потенциал к расширению на основании вариативности субстантивного компонента (*зима, весна, осень* и т. д.) при

общем повторяющемся дескрипторе (*арабская*). Приведем несколько примеров из СМИ и научной литературы: *Завершилась горячая «арабская весна», прошли ещё более кровавые «арабское лето и осень», наступила «арабская зима»* (К чему приведёт «арабская зима»? // Военное обозрение. 2011); *«Арабская весна» перешла в «арабское лето» и продолжится жаркой осенью. Муаммар Каддафи, видимо, какое-то время еще продержится против авиации НАТО* (Арабское лето // Новая газета. 2011); *Серия смен политических режимов в странах Ближнего Востока, получившая название «арабская весна», вступила в новую фазу, которую можно условно именовать «арабским летом»* (А. Сидорчик. «Арабское лето»: армия Египта свергла президента-исламиста // Аргументы и факты. 2013) [АА]; *Арабская зима. Однако за десятилетие эйфорию сменило разочарование. Вместо веры в собственные силы и надежды на перемены к лучшему жители затронутых «весной» стран получили рост нестабильности, экстремизма и терроризма ...* (Буря в пустынях ... // Lenta.ru. 2020) [АА] и др. Данные выражения используются и в научной литературе: *Глава 4. Ненастная «Арабская осень»: Йемен в 2014–2015 гг. 1. Арабская весна в Йемене: от революции к революции (2011–2014 гг.)* (Л. Гринин и др. Революции и нестабильность на Ближнем Востоке. 2016) [АА]. Обратим внимание, что в примере из научного текста выражения оформляются по-разному: «арабская осень» – кавычками, а Арабская весна уже без них, хотя, по нашим наблюдениям, в научных текстах чаще используется первый вариант оформления.

(6) В составе устойчивого выражения, созданного на основе метонимического переноса, может присутство-

вать указание на инструмент организации протеста, в частности технологическую платформу, использованную для осуществления коммуникации — для того, чтобы руководить действиями участников акции: *твиттерная революция* (варианты: *Твиттер-революция* / *Twitter-революция*) – это ‘акция протеста, организуемая и регулируемая с использованием социальной сети Twitter как инструмента информирования участников’ [Леонтьева и др., 2021, с. 343]. Ср. также отсылку к привлечению техники; например, во время протестов в Белграде в 2000 году один из участников протаранил на бульдозере ограду телецентра, в результате чего переворот, который привел к смене власти, получил название *бульдозерная революция: Патовая ситуация спровоцировала массовые беспорядки в Белграде. Они вошли в историю как «бульдозерная революция» и привели к свержению Милошевича, который сильно потерял в популярности на фоне неудачных для Белграда войн и падения уровня жизни* (Д. Окунев. 20 лет назад в Югославии пал режим Милошевича // Газета.Ru. 2020) [AA].

(7) Указание на форму выражения протеста, избранная организаторами акции, лежит в основе устойчивого выражения *поющая революция* ‘массовые акции протеста в республиках Прибалтики СССР в 1987—1991 годах, направленные на выход Эстонии, Латвии и Литвы из состава СССР и установление их государственной независимости’. Серия протестов началась на певческом фестивале, и впоследствии одной из форм мирной части протестов стало пение народных песен: *В июне 1988 года в Таллине прошла так называемая поющая революция — на певческом фестивале распространялись значки с изображени-*

ем бело-сине-черного флага Эстонии. В августе 1989 года Народные фронты трех прибалтийских республик провели совместную акцию под названием «Балтийский путь», а уже в ноябре 1989 года Верховный Совет Эстонской ССР принял декларацию о суверенитете, аннулировав свою декларацию от 22 июля 1940 года о «добровольном вхождении» в СССР (Даты // Огонек. 2010) [АА].

(8) Показательно, что номинации протестного движения создаются с привлечением идеологических инструментов: оппозиция делает ставку на ценностные категории, на идею, которая должна служить центром притяжения для людей, маркером групповой мировоззренческой идентичности. Так, *революция достоинства* (*Евромайдан*) ‘массовая акция протеста на Украине против действующей власти, начавшаяся в 2013 году в ответ на приостановку украинским правительством подготовки к подписанию соглашения об ассоциации между Украиной и Евросоюзом, переросшая из мирного протеста в борьбу за смену режима силовыми методами’ [Щетинина, 2018, с. 703] — устойчивое выражение, репрезентирующее призыв к евроинтеграции через конструируемую референцию с одной из этических ценностей — достоинством. Апелляцию к высшей ценности — жизни (*марш за жизнь* / *марш за нашу жизнь* / *марш жизни*) — встречаем в вариациях названий социально-политических акций, состоявшихся в разных странах и организованных против различных видов угрозы жизни человека: абортов (*марш за жизнь*), продажи оружия (*марш за нашу жизнь*), нацизма (*марш жизни*): Десятки тысяч американцев приехали со всей страны в Вашингтон на ежегодный **«Марш за жизнь»** – главное мероприятие противников абортов

(«За жизнь, за Трампа»: тысячи американцев вышли на марш против аборт // РИА Новости. 2020) [АА]; *Американский марш за жизнь* (pravoslavie.fm. 2017) [АА]; *Закончился митинг исполнением в записи Гимна счастливой семьи. Марш за жизнь продолжается ...* (М. Козлов. Марш за жизнь // Знамя. Ельня. 2015) [АА]; *Помимо десятков тысяч французов к Маршу за жизнь присоединились несколько про-лайф групп из Нидерландов, Испании, Германии, Италии и Португалии (Несмотря на сильный ливень, 40 тысяч в Париже приняли участие ... // Седмица. ru. 2018) [АА]; Сотни тысяч жителей США прибыли в Вашингтон для участия в масштабной акции «Марш за нашу жизнь». Школьники, их родители, учителя, активисты общественных организаций и обычные американцы потребуют от Конгресса США скорейшего принятия законов, ужесточающих контроль оборота огнестрельного оружия в стране, а в идеале и вовсе запрещающих его продажу («Марш за нашу жизнь» собрал сотни тысяч американцев // Вести. 2018) [АА] и др.*

Метафорическая модель основана на переносе значения, в основе которого находится сходство понятий, обозначенных лексемами, составляющими устойчивый оборот. Данная модель номинации менее продуктивна. Она воплотилась в нескольких выражениях, среди которых фразеологизм *цветная революция* (мн. *цветные революции*). В речевой практике идиома является гиперонимом по отношению ко всем типам новых фразеологизмов, в составе которых есть слово *революция* (см. выше: *жасминовая революция, поющая революция* и др.), не случайно активно используется множественное число: *«Бульдозерная революция» в Югославии, в результате ко-*

торой был свергнут Слободан Милошевич, произошла более 16 лет назад. Она дала старт целой цепи аналогичных событий на территории бывшего СССР, получивших название **«цветные революции»**: «революция роз» в Грузии, «оранжевая революция» на Украине, «тюльпановая» в Киргизии... (М. Перевозкина. Откровения участника сербского «Майдана» // Московский комсомолец. 2017) [НКРЯ].

Выражение **бархатный терроризм** ‘ненасильственное запугивание или устрашение для достижения каких-либо (чаще — политических) целей’ создано, вероятно, по аналогии с давно существующим фразеологизмом **бархатная революция** ‘гражданское мирное восстание в Чехословакии в ноябре-декабре 1989 года, которое привело к отстранению от власти коммунистической партии и демонтажу социалистического режима’ [Щетинина, 2018, с. 701]. В номинации актуализировано сравнение мирных методов борьбы и мягкой ткани, которое в результате закрепления в речевой практике легло позднее в основу второго и третьего значений фразеологизма **бархатная революция**, не зафиксированных пока словарями:

— ‘любой протест против официальной государственной власти с использованием мирных методов борьбы’: *Тогда в Белграде случилась **бархатная революция**, Милошевич потерял власть и скоро оказался в Гааге, где началось его умирание под присмотром гаагских врачей и судей* (А. Проханов. 15 лет после казни // Известия, 2014.03.23) [НКРЯ]; **«Бархатная революция»** началась в Армении весной 2018 года с акции Пашиняна *«Мой шаг»* (Пашинян рассказал ... // lenta.ru. 2019) [НКРЯ];

— ‘любой протест без использования насильственных методов’: *И **«бархатная» революция** в МХАТе не*

состоялась. Но при активном участии М. П. Прудкина и М. М. Янишина произошел переворот ... «Старики» собрались на квартире у Янишина и сговорились позвать О. Н. Ефремова править МХАТом (В. Давыдов. Театр моей мечты. 2004) [НКРЯ], **Бархатная революция** 15 лет назад Алан Темплтон прославился в палеоантропологических кругах своей серьезной атакой на предложенную незадолго до того теорию «митохондриальной Евы» (А. Бухбиндер. Бархатная революция // «Знание — сила», 2003) [НКРЯ] и др.

Наиболее распространенной моделью фразеологической номинации современных форм протестной деятельности можно назвать метонимический перенос, где главное слово (*революция / бунт / мари*) выражает значение ‘форма социально-политического протеста’, а зависимое слово романтизирует конфликтное событие (*поющая, жасминовая, тюльпановая, оранжевая, достоинства, за жизнь и др.*). Чаще всего, даже в случае так называемых мирных акций, событие сопряжено с насилием (*В Минске начались задержания участниц «блестящего марша»*. ВЗГЛЯД. 2020), которое заинтересованными акторами представляется как незначительное, сравним: *Цель революции (речь идет о поющей революции — Т. Л., А. Щ.) была достигнута ценой **сравнительно малых жертв**: погибли четырнадцать защитников вильнюсской телебашни и один сотрудник КГБ в ходе событий 13 января 1991 года в Вильнюсе, семь человек во время баррикад 1991 года в Риге, были расстреляны восемь литовских таможенников и полицейских на границе Литвы с Белорусской ССР 31 июля 1991 года и **несколько единичных жертв*** (Поющая революция // Википедия) [АА].

3.2.4. Выводы

Таким образом, новая фразеология, изменяющаяся под влиянием экстралингвистических факторов, между тем сохраняет и развивает тенденции, обусловленные внутренней логикой развития языка:

- язык средств массовой информации пополняется фразеологизмами особого качества, а именно такими устойчивыми выражениями, которые обладают эвфемистическим потенциалом;

- идиомы образуют множества, внутри которых можно наблюдать своего рода интегративные механизмы, позволяющие взглянуть на эти группы как системно организованные;

- обозревая пространство современной общественно-политической идиоматики, можно констатировать пополнение отдельных тематических групп, в частности фонда обозначений общественно-политических акций;

- фразеологические выражения обладают манипулятивным потенциалом, который успешно используется как инструмент политтехнологий; с целью романтизации протестных событий, которые могут привести к трагедии как непосредственно в процессе мероприятия (смерть, увечье и др. участников), так и в дальнейшей перспективе (военные действия, экономический спад и др. в стране), используются названия на основе переноса значения по смежности и сходству с понятиями, которые вызывают позитивные ассоциации.

3. 3. Национально-культурные ценности в пространстве повседневности¹

Авторы: Кислицина, А. Н., Щетинина, А. В.

Аннотация

Рассматриваются рекламные тексты американского ресторана фаст-фуда как части пространства повседневной жизни современного россиянина. Культура потребления фаст-фуда является для России заимствованной, однако в рекламных текстах можно наблюдать апелляцию к ценностным установкам нации, ориентированным на единение людей. Материалом для исследования были выбраны рекламные тексты ресторана быстрого питания «Макдоналдс».

¹ Данный раздел монографии подготовлен на основе научной статьи, опубликованной в рамках гранта: Кислицина А. Н. Отражение национально-культурных ценностей в рекламе фаст-фуда / А. Н. Кислицина // Актуальные проблемы языка и культуры : традиции и инновации : сборник статей участников III Международной научно-практической конференции для студентов, магистрантов, педагогов и молодых учёных, Арзамас, 23 ноября 2020 года / науч. редактор Л. Н. Набилкина, отв. редактор Д. Л. Морозов. — Арзамас : Арзамасский филиал федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», 2020. — С. 179—184.

3.3.1. Вводные замечания

Одной из целей рекламы является закрепление образа товара и услуги в сознании потенциального потребителя, при этом реклама может использоваться не только как инструмент информирования, привлечения потребителей, но и как особый механизм формирования образа мыслей, потребностей, обуславливающих поведение целевой аудитории. Так, ценностные установки отдельных личностей и значительной части социума, национально-культурные особенности, паттерны поведения могут изменяться под влиянием рекламных текстов.

Как известно, традиционная культура потребления пищи является одной из специфических черт народа, не случайно знакомство с той или иной национальной культурой включает в себя также изучение пищевых традиций. В эпоху глобализации, в связи с проникновением в российскую ресторанную сферу кухонь других стран, гастрономические интересы россиян существенно изменились, при этом у значительной части населения сформировалось пристрастие к фаст-фуду, что нашло отражение в рекламном дискурсе.

В данной части книги представлен фрагмент исследования языкового воплощения российских национально-культурных ценностей, основанных на идее единения людей, в рекламном креолизованном тексте фаст-фуда. Материалом для исследования послужили рекламные тексты ресторана «Макдоналдс» в России, который, несмотря на высокую конкуренцию на рынке предприятий быстрого питания, стал не только одним из самых посещаемых ресторанов этого сегмента, но и ак-

тивно изучаемым брендом, поскольку он является крупнейшим рекламодателем фаст-фуда во всем мире, в том числе в России [Горшков и др., 2010, с. 307].

Качественные рекламные тексты нацелены на точное попадание в круг предпочтений аудитории, поэтому должны быть связаны с эстетическими и этическими установками адресата. В рекламных текстах существует «внутренняя форма», в которой «содержится основная информация, связанная с культурой. Именно во внутренней форме текста наличествуют “следы” культуры — мифы, архетипы, обычаи и традиции, отражающие исторические события и элементы материальной культуры» [Маслова, 2004, с. 84].

3.3.2. Ценностные ориентиры в рекламе ресторана «Макдоналдс»

Для рекламных кампаний международной корпорации «Макдоналдс» характерны встраивание массовой культуры питания в национальные особенности региона, апелляция к ценностным ориентирам нации и социокультурным российским традициям.

К отечественным социокультурным ценностям можно отнести идею единения, которая может находить воплощение в разных типах отношений между людьми: семейных, дружеских, профессиональных, в помощи как близким, так и посторонним людям и др. Эти отношения ярко представлены в русских пословицах: *Богатство — не богатство, единство — богатство; Держи с народом связь, не ударишь лицом в грязь; Один за всех и все за одного; Человек без друзей, что дерево без корней* и др.

3.3.2.1. Семья

В рекламных текстах «Макдоналдса» можно выделить образы, характерные для русской культуры, служащие репрезентации идеи единения производителя фаст-фуда и российского потребителя. Например:

(1) Уже 20 лет мама Галя варит, жарит, запекает, пассерует все виды курятины. Но, попробовав новый Чикен Премьер Кантри с рубленным куриным филе и ярким пикантным соусом, она сказала: «Ммм ... Вот такую курицу я кукареку!». Успей попробовать новый Чикен Премьер Кантри в McDonalds. Вот что я кукареку.

В данном тексте собственные наименования, маркирующие факты иностранной культуры (*Чикен Премьер Кантри* и *McDonalds*), встраиваются в типичную русскую картинку «мама на кухне», при этом сама лексема *мама* в толковом словаре маркируется как ‘ласковое’ ‘ласк. (преимущественно в обращении к матери или в разговоре детей о матери)’: — *У мамы во время сна мигрень проходит, — заметила она* (И. Тургенев, *Вешние воды*). — *Мама, куда мы идем? Домой?* — *Нет, маленький, мы идем в гости* (В. Катаев, *Отче наш*) [ССРЛЯ, т. 6, с. 579]. В Национальном корпусе русского языка представлено около 300 вхождений в контексты, в которых образ мамы так или иначе связан с кухней (причем не всегда она готовит еду, но тем не менее она находится на кухне, любит быть на кухне, ходит плакать на кухню, то есть это место прочно связано с образом мамы): *Традиционная мама на кухне хлопочет, папа на диване телевизор смотрит* (Т. Огнева, Д. Завгородняя. Мальчики не плачут // Комсомольская правда, 2007); *Мои познания в кулинарии восходят к моей маме, кухню которой я люблю больше всего* (Л. Брагина.

Вячеслав Манучаров: «Я поправился на 3 килограмма после съемок программы о сладостях» // Труд-7, 2011); *Запах мамы — запах кухни; дорога в школу — родная дорога, родная страна, Родина* (С. Роганов. Молодежная политика не-политической эпохи // Известия, 2012) [НКРЯ].

Кроме того, кухня в российской культуре имеет особое значение: там ведутся семейные разговоры (*А мама с новым папой гремели на кухне тарелками и и чем-то весело разговаривали* (Н. Прибутковская. Детка не подарок // Труд-7, 2009); *Каждый вечер, когда я прихожу домой, мама, бабушка и брат усаживают меня за стол на кухне и говорят: рассказывай!* (А. Петина Анна. Мирослава Карпович ... // Труд-7, 2008); переживаются трагедии (*Тогда мама запиралась на кухне и, потихоньку плача, молила Бога о чуде* (Рома парализован, но пытается заработать на всю семью // Комсомольская правда, 2004); собираются семья и гости (*Пока была мама, на маленькой кухне мы как-то помещались и всей семьей, и с гостями, теперь нам двоим едва хватило места* (А. Ю. Колобродов. Отец // Волга, 2012) и т. д. [Там же]).

Звукоподражание кукареку в данной рекламе — тоже типично русское обозначение (*Она также знала, что в России собаки лают «гав-гав», а петухи кричат «кукареку», а не «cockle-doodle-doo», как в Америке* (С. Фрумкин. Телефонная корреспонденция, 2003) [Там же]).

Образ семьи в рекламе «Макдоналдса» может репрезентироваться и в переносном значении полисеманта ‘группа людей, объединенных общей деятельностью, общими интересами’ [СЛРЯ, т. 3, с. 76]:

(2) *Это не Биг Мак, не картошка фри, не кофе. Это то, что помогало двигаться дальше. Это привычная*

жизнь с её простыми радостями, которую наши сотрудники давали почувствовать людям в это непростое время. Спасибо за неизмеримое терпение. Спасибо, что не опускали руки. По-дружески поддерживали тех, кто рядом, и дарили улыбку даже тогда, когда это было так нелегко. Мы гордимся и ценим каждого, кто работает в Макдоналдсе.

В данном рекламном тексте представлена апелляция к ценности коллектива как семьи посредством лексических маркеров идеи единения: *поддерживать, гордиться, рядом, по-дружески, ценим, каждый, сотрудники*. При этом коллектив репрезентируется как семья, поскольку выполняет эмоциональную функцию семьи, подразумевающую под собой поддержку в трудной ситуации (*дарили улыбку даже тогда, когда это было так нелегко; поддерживали тех, кто рядом*), уважение, признание по отношению друг к другу (*мы гордимся и ценим каждого, кто работает в Макдоналдсе*).

Коммуникативное сообщение (посыл) данного рекламного текста: «Макдоналдс» — это семья, членами которой являются как его сотрудники, так и посетители (*... это привычная жизнь с её простыми радостями, которую наши сотрудники давали почувствовать людям в это непростое время*). Таким образом, в ряде рекламных текстов позиционирование «Макдоналдса» выстраивается через апелляцию к коллективным, в том числе семейным, ценностям россиян.

3.3.2.2. Дружба

Идея коллективизма, в частности дружеских отношений, реализуется в следующих примерах:

(3) *К друзьям можно прийти в любое время дня и ночи. Они примчатся по первому звонку, никогда не осудят, и им всегда есть что вспомнить. К 30-летию нашей дружбы бургеры а-ля рус снова в Макдоналдс.*

(4) — Ммм... Пита Грик, говоришь, потратился, наверное.

— Для друзей ничего не жалко!

— Вкуснятина, да?

Сочная котлета гриль, помидор и салат в горячей пите. Пита Грик по вашим просьбам снова в Макдоналдс!

Коллективистские ценности, в том числе дружба, являются близкими русскому народу, не случайно дружеские отношения — тема многих русских пословиц, например: *Друзья прямые что братья родные; Не мил и свет, когда друга нет; Друг за друга держаться — ничего не бояться* и др. Друг в русской культуре — родственная душа. На него всегда можно положиться, ему всегда можно довериться, что находит отражение и в современной речи. Сравним: *И когда друг откликается — тогда, значит, я жива, мы живы* (А. Мильчин. В лаборатории редактора Лидии Чуковской // «Октябрь», 2001); *Друг — человек, который верен другому при всех обстоятельствах жизни, который готов всё делать для того, чтобы его не разочаровать, его не обмануть, остаться при нём, если даже все другие от него отвернутся* (Митрополит Антоний (Блум). О христианстве, 1995) [НКРЯ]. При этом есть мнение, что «американский “друг” соответствует русскому “знакомый”» (А. Ю. Колобродов. Большой Довлатов в малой серии // Волга, 2010) [Там же], то есть можно предположить, что в рекламе репрезентируется именно русское представление о друге, для которого «ни-

чего не жалко». Прием апелляции к дружеским отношениям в российском рекламном тексте «Макдоналдса» позволяет компании добиваться доверия аудитория, становиться ближе, тем самым повышая эффективность рекламного проекта.

3.3.2.3. Историческая память

Корпорация «Макдоналдс» в России обращается в своих рекламных текстах и к исторической памяти русского народа, которая так же, как и семья, является ключевой национально-культурной ценностью, поскольку «в памяти людей аккумулируются представления о героических событиях отечественной истории, о выдающихся деятелях и ярких достижениях страны. Эти представления играют роль ценностных ориентиров ...» [Рачипа, 2013, с. 222]. Рассмотрим следующий пример:

(5) *«Эй, боярин, свободно здесь? Ну, будь здрав, боярин! Эх, лепота-то какая!» Отведайте Биф а-ля рус с беконом: говядина рубленая, хлеб ржаной, бекон, помидоры, салат, соусы заморские! «А где царь?» Добро пожаловать на русские недели в Макдоналдс!*

Рекламный текст сопровождается песней «Разговор со счастьем» из советского кинофильма режиссера Л. Гайдая «Иван Васильевич меняет профессию». Аллюзивный эффект достигается не только путем использования знакомого кинообраза царя Ивана Васильевича, но и посредством включения в текст слов из кинофильма, которые использовались для юмористической стилизации речи людей в период правления Ивана Грозного. В рекламном тексте, как и в кинофильме, есть историзм *боярин*, употребленный в качестве почтительного обращения к одно-

му из посетителей «Макдоналдса», лексема *здравие* вместо привычного *здоровье*, архаизмы *лепота* и *заморский* (последнее маркируется как ‘устаревшее’ и ‘народно-поэтическое’ [СлРЯ, т. 1, с. 546]), глагол *отведать*, который, хотя и не имеет помет в словаре, воспринимается в контексте «американизированной эпохи» как анахронизм. Единение с потребителем в данном тексте достигается за счет апелляции к историческому наследию страны. М. К. Горшков и Ф. Э. Шереги отмечают, что историческая память россиян хранит прежде всего духовные и научные достижения страны, то есть те явления, которые носят созидательный характер [Горшков и др., 2010, с. 36]. Художественный фильм «Иван Васильевич меняет профессию» является культовым фильмом, культурным достоянием и гордостью народа. Используя аудиальные, визуальные образы и языковые средства, создатели креолизованного текста пробуждают эмоциональную память потребителя, апеллируют к ценностям русского народа.

3.3.2.3. Доверие

В рекламе «Макдоналдса» можно встретить и отсылку к отечественному производителю, которому россияне доверяют: *Помидор, салат Айсберг и лук от российских поставщиков стали новыми героями; Что неизменно? 100 % говядина от российских поставщиков в каждом бургере; Наши ответственные за молоко — всегда стоят на своем... На своем родном поле. Ведь молоко, из которого мы делаем мороженое, поставляется только с российских ферм и др.*

Именно доверие как ‘убежденность в чьей-либо искренности, честности, добросовестности и основанное

на них отношение к кому-, чему-либо' [СлРЯ, т. 1, с. 412] можно рассматривать как ценность для россиян, поскольку его трудно заслужить: *Доверие в России нужно заслужить. Именно поэтому русские доверяют лишь ограниченному кругу людей — это родственники и близкие друзья. Если человек не проверен временем и опытом, то ни о каком доверии не может быть и речь. Причём потерять доверие русского человека очень легко, достаточно одного, даже незначительного проступка* (Наши в США: почему у русских иммигрантов кризис доверия // Золотая Орда, 2020) [AA].

3.3.3. Выводы

Таким образом, можно заключить, что апелляция к национально-культурным ценностям россиян способна повысить эффективность рекламной коммуникации. Возможно, благодаря интегрированию своей продукции и традиционных российских ценностей, основанных на идее единения людей (семья, дружба, общая история, родина и др.), «Макдоналдс» на протяжении 30 лет сохранял первенство на российском рынке фаст-фуда¹. В рекламных текстах «Макдоналдс» делал ставку на знакомые российскому народу образы, использовал лексику с семантикой единения, стремясь превратиться из чего-то далекого, западного в родное и близкое каждому.

1 В настоящее время не работает в России.

РАЗДЕЛ 4

МАРКЕРЫ ЕДИНЕНИЯ В ПРАВОВОМ И ПОЛИТИКО-ПРАВОВОМ ДИСКУРСЕ¹

Авторы:

Дубровская Татьяна Викторовна

¹ При подготовке данной главы были использованы фрагменты исследования, опубликованные в ряде научных статей: Дубровская Т. В. Дискурсивное конструирование единения в концепции внешней политики РФ: лексика с морфемами меж- / между-, взаим- и обще- (опыт интегративного подхода) / Т. В. Дубровская // Культура и текст. 2020. №4 (43). С. 196-213; Дубровская Т. В. Лексика с семантикой единения в тексте Конституции Российской Федерации / Т. В. Дубровская // Язык, культура, коммуникация: изучение и обучение. Материалы IV Международной научно-практической конференции. Орёл: ОГУ, 2020. С.75-80; Дубровская Т. В. Лексические маркеры единения в российских государственных программных документах: слова с морфемой –един– / Т. В. Дубровская // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература (в печати).

От автора:

Проблема дискурсивного конструирования социальных феноменов в институциональных типах дискурса не теряет своей актуальности: анализируются способы актуализации языковыми средствами общественных ценностей, социальных акторов, социально значимых событий и явлений, а также абстрактных категорий, выражающих общественные отношения между индивидуальными и коллективными акторами, такие как отношения единения.

Частотность и востребованность единиц с семантикой единения в русскоязычном правовом и политико-правовом дискурсе свидетельствуют о том, что единство конструируется как национальный приоритет. При этом в документах единение репрезентируется в нескольких измерениях: материальном (единство инфраструктуры страны), пространственном (единство территории), ценностном (единство общественных ценностей и установок) и темпоральном (историческая и межпоколенческая преемственность).

В рассматриваемых текстах документов функционируют несколько групп лексических единиц, выделенных на основе общности морфем и имеющих семантику единения: *–един–*, *–цел–*, *обще–*, *взаимо–*, *меж–* / *между–*.

Единицы словообразовательного гнезда с корнем *–един–* образуют большую группу как по количеству единиц, так и по числу словоупотреблений, дифференцированно реализуя свою смысловую нагрузку: разные

словарные значения актуализируются разными лексемами (например, *единство* vs *единение*). Лексема *единство* используется в объектных словосочетаниях, стержневыми словами которых выступают глаголы и отглагольные существительные с процессуальным значением и значением воздействия. Таким образом, *единство* представлено в текстах документов как социально конструируемая категория и объект регулирования, который в рамках национальной политики подвержен укреплению, влиянию, развитию, формированию и пропаганде. При этом объектные словосочетания имеют положительно-оценочную семантику, поскольку указывают на социально одобряемые созидающие действия.

За некоторыми смысловыми аспектами единства (территориальное) закреплена иная форма выражения — посредством лексемы *целостность*. Полагаем, что можно говорить об узуальном закреплении аспектов семантики единения за определенными средствами выражения.

Семантика лексем с префиксальной морфемой *меж-* / *между-*, а также компонентами *взаимо-* и *обще-*, предшествующими опорному в сложных словах, обусловлена, с одной стороны, непосредственно морфемной структурой слов, предполагающей неединичность субъектов действия, реципрокальность. И в этом смысле семантика единения исходит из языковой системы. С другой стороны, она формируется контекстуально, за счет сочетаемости выделенных лексических единиц с другими носителями семантики единения или близкой к ней семантики взаимности, неединичности, равенства, сближения. Коллокаты этих единиц определяют их кон-

текстуальный смысл — конкретный или абстрактный, характерный для юридического дискурса.

В целом семантическое поле единения, как оно представлено в правовом и политико-правовом дискурсе, образовано значительным количеством лексики, причем в текстах единицы активно комбинируются друг с другом, дополняя, уточняя и подчеркивая значения друг друга и контекстуальные смыслы. Распространенность такого комбинирования единиц в текстах позволяет думать, что механизм взаимного «притяжения» лексических единиц с семантикой единения является универсальным для рассматриваемого типа дискурса.

Правовой и политико-правовой дискурс выступает как нормативный, репрезентирующий желательное положение вещей и конструирует общественные ориентиры. Будучи одним из таких ориентиров, единение конструируется как внутригосударственный атрибут и как атрибут внешнеполитической деятельности РФ, для которой характерно стремление интеграции с другими политическими акторами при одновременном сохранении собственной общероссийской идентичности. В основном единение имеет положительный аксиологический статус, который в значительной мере определяется окружающим лингвистическим контекстом.

4.1. Дискурс-анализ как метод исследования социума

Автор: Дубровская, Т. В.

Аннотация

*Современный социально-политический контекст характеризуется противоречием между стремлением разных социальных и политических сил достичь согласия и тенденцией к их противостоянию. В этих условиях актуально поддержание государственного и гражданского единения. Ключевой тезис о единстве как необходимом условии существования российской нации выдвигается в разных форматах государственного дискурса. Единение, как оно представлено в дискурсе правовом и политико-правовом, оставалось за рамками исследовательского интереса. В данной главе мы обращаемся к этой проблеме, выделяем актуальные для правовых и политико-правовых текстов лексические единицы с семантикой единения, определяем их частеречную принадлежность и частотность, прослеживаем их «поведение» в связном тексте, а также выявляем их смыслы и аксиологическую нагрузку. Список лексем включает слова с морфемами **-един-, -цел-, -обще-, меж- / между-, взаим-**, поскольку эти морфемы выражают значение связи между объектами и их объединения. Методологический подход предполагает последовательное движение от морфемы к слову и далее к дискурсу. Материал анализа включает Конституцию РФ и тексты трёх государственных программных документов: Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (2012), Концепции внешней политики Российской Федерации (2016) и Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (2015).*

4.1.1. Единение как условие российской государственности

Современный социально-политический контекст, как глобальный, так и российский, характеризуется ярко выраженным противоречием между стремлением множественных социальных и политических сил прийти к стабильному согласию на основе объединяющих факторов и не менее очевидной тенденцией к противостоянию и жесткому отстаиванию своих интересов. Уже 10 лет назад, анализируя проблемы согласия в России и мире, историк Ю. С. Оганисян начал свой текст с вопроса: «Не становится ли сегодня весь мир конфликтогенным пространством?» [Оганисян, 2013, с. 26].

Надо признать, что в современном мире по-прежнему есть немало оснований для постановки такой проблемы. На исторические причины разногласий и конфликтов накладываются процессы постсоветского времени и реалии сегодняшнего дня. Интеграция России в общемировое экономическое, политическое, образовательное пространство расширила возможности для страны и её граждан, но одновременно повлекла за собой зависимость от действий и решений других акторов. Общий рост материального благополучия в стране усилил и обнажил социальное расслоение и вытекающие из него противоречия и беспокойство. Отказ от гонки вооружений остро поставил вопрос защиты границ государства и его территориальной целостности, а меньшая степень централизованности привела к ряду внутренних межэтнических конфликтов и активизации экстремистских объединений. В последние годы все эти аспекты неопределенности и нестабильности были усилены ситуацией пандемии.

Вопросы **российского государственного и гражданского единения / единства**¹ формулируются на самом высоком уровне руководством страны и актуализируются в разных форматах политического дискурса. Смена общественного строя в 1991 году и утрата чётких идеологических ориентиров обуславливали необходимость создания новых объединяющих ценностей, в том числе ритуального характера. Полагаем, что именно с такой целью Федеральный закон от 13 марта 1995 года № 32-ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России» установил новый государственный праздник — День народного единства, в основе которого лежит удалённое историческое прошлое, не вызывающее разногласий в оценке его роли для российской государственности [ФЗ 1995]. Социальная нестабильность 1990-х годов, в том числе активизация террористических группировок на Кавказе, предопределили важность публичного и эксплицитного определения вектора на сохранение государственного и гражданского единства. Так, в 2001 году была принята федеральная целевая программа «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе (2001—2005 годы)» [ФЦП 2001]. Согласно тексту документа, «целью Программы является формирование и внедрение в социальную практику норм толерантного поведения, определяющих устойчивость поведения отдельных личностей и социальных групп в различных ситуациях социальной напряженности как основы гражданского согласия

1 В рамках заявленного грантового проекта мы исследуем общее семантическое поле единства / единения в разных типах дискурса и поэтому используем в своих рассуждениях слова *единство* и *единение* как синонимы, независимо от их смысловой специфики.

в демократическом государстве» [ФЦП 2001]. Категория гражданского согласия в её связи с сохранением государственности выступает смысловым центром данного программного документа.

Курс на единение и согласие эксплицитно декларируется и в последующих концептуальных документах РФ: Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666) [СНГП 2012], Концепции внешней политики Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 30 ноября 2016 г.) [КВП 2016], Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400) [СНБ 2015]¹, которые станут объектами нашего исследования далее.

Наша работа не носит исторический или собственно политологический характер, однако обращение к некоторым фактам и политологической аналитике необходимо, прежде чем мы приступим к рассмотрению текстов российского государственного дискурса. Вопросы российского государственного и гражданского единения / единства широко обсуждаются научным сообществом в историческом и современном контексте в рамках специализированных конференций [Проблемы гражданского единства..., 2016; Проблемы укрепления..., 2014], тематических сборников [Согласие в обществе...,

¹ В период подготовки данной книги в 2021 году была принята новая Стратегия национальной безопасности Российской Федерации [СНБ 2021], в которой был выдвинут ряд новых приоритетов, связанных, в частности, с обороноспособностью страны на фоне изменения ситуации на международной арене. В то же время тема укрепления единения не только осталась актуальной, но и приобрела еще более острое звучание. Поэтому изложенные в главе тезисы, подготовленные на материале СНБ 2015, можно рассматривать как действительные.

2013], диссертаций [Левакин, 2003] и отдельных статей [Глаголев, 2017; Инкижекова, 2018; Лешкова, 2017; Национальный вопрос., 2011]. Несмотря на разные методологические подходы исследований, ключевой тезис о государственном и гражданском единстве как необходимом условии существования и развития нации, кажется, выступает в качестве объединяющей аксиологической доминанты. И. В. Левакин предлагает определять государственное единство «как понятие, характеризующее значительный объем и высокий уровень согласованных позиций, связей и отношений между институтами государственности, взаимосвязанных с политической и правовой системами, а также с гражданским обществом на основе взаимодействия в разрешении конкретных проблем общественного развития, что обеспечивает устойчивую структуру власти и властных отношений в государстве, его территориальную целостность» [Левакин, 2003, с. 16].

С *единством* оказываются сопряженными некоторые другие синонимичные категории, такие как *солидарность*, *согласие*, *интеграция*. Так, о возникновении в периоды турбулентности особого запроса на солидарность пишут социологи и политологи: «Во время переходных состояний, в условиях неопределенности и рисков в обществе усиливается потребность найти нечто общее, что побуждает разных людей держаться вместе», при этом феномен солидарности «становится предметом самых различных дискурсов — идеологических и политических» [Сауткина, 2019, с. 70].

Интеграционные процессы в российском обществе обсуждает З. А. Жаде, определяя интеграцию как

«меру сцепления разнородных действующих элементов в обществе (институтов, групп, индивидов) в единую целостность, системность, которая возникает на основе совпадения целей и интересов и способствует развитию общества» [Жаде, 2020, с. 187]. Ученые отмечают, что сложные для общества ситуации обладают высоким интеграционным потенциалом, и обозначают такие явления, как «феномен общей беды» [Жаде, 2020] или риск-солидарность [Сауткина, 2019]. При этом надо понимать, что различные формы единения нередко выступают в тесной связи с феноменами противоположной направленности, такими как дезинтеграция, противостояние и вражда, поскольку «любой аспект идентичности различных субъектов может послужить основой солидаризации с представителями одной из них против другой» [Сауткина, 2019, с. 73]. В нашей главе дискурсивное конструирование вражды и противостояния не рассматривается как самостоятельный объект исследования, и некоторые замечания относительно данного феномена будут сделаны только в контексте изучения семантики единения.

Общественные процессы нередко описываются в терминах дискурсивных практик: даже не-лингвисты признают принципиальную роль дискурса в формировании общественных идеологических ориентиров, в том числе дискурса взаимодействия власти и общества [Жаде, 2020; Ручкин, 2015]. Концептуальную основу критического дискурс-анализа, в русле которого проведено исследование, образует понимание дискурса как социально-конструирующего явления, продуцирующего репрезентации.

Репрезентация «предполагает практики означивания и символические системы, через которые мы производим смыслы. Дискурс-анализ часто изучает, как конкретные феномены (люди, понятия, события и т. д.) репрезентируются посредством использования языка» [Baker et al., 2011, p. 117] (здесь и далее перевод с английского языка наш. — Т. Д.). Иными словами, семантика текста, создаваемая средствами языка, наделена социальным смыслом: в текстах социальные явления и категории стратегически репрезентируются и интерпретируются. Р. Ходж и Г. Кресс очень ёмко охарактеризовали зависимость восприятия действительности от языковых средств репрезентации, отметив, что язык закрепляет и упорядочивает понимание мира, которое в результате укореняется в нашем сознании [Hodge et al., 1993, p. 5].

Дискурсивное конструирование (англ. *discursive construction*) широко изучается как феномен политического и массмедийного дискурса. Отметим некоторые основные направления таких исследований, нацеленных на выявление способов концептуализации общественных явлений в речи. Поскольку любое общество строится на ряде общепринятых в нем ценностей, не теряет актуальности проблема концептуализации общественных ценностей средствами языка в речи политиков, журналистов, чиновников [Dubrovskaya et al., 2012; Höög, 2020; Pantti, 2010; Sowińska, 2015]. Дискурсивное конструирование социальных акторов, индивидуальных (например, президента страны, отдельных участников внешнеполитической деятельности) и коллективных (лагеря оппонентов, геополитического союза стран), также становится предметом рассмотрения в лингвистических ра-

ботах [Гаврилова, 2020; Иванова; 2016; Дубровская, 2017а; Dubrovskaya et al., 2017]. В отдельное направление можно выделить изучение текстового конструирования социально значимых событий. Такие работы имеют ярко выраженную национальную специфику, касающуюся селекции событий: для анализа отбираются события, вызывающие разногласия в их интерпретации или несущие травмирующий опыт для нации в целом (например, Великая Октябрьская социалистическая революция — в современной России [Русакова и др., 2017], российский День Победы — в британских медиа [Солопова и др., 2018], вооружённый конфликт в Сирии [Осколова, 2020], Вторая мировая война в памяти солдат Вермахта [Benke et al., 2003]). Из перечисленных в последнем ряду работ отметим статью О. Ф. Русаковой и Е. Д. Кочневой, в которой в фокусе внимания находятся практики коммеморации и их трансформации, имеющие символический характер [Русакова и др., 2017]. Авторы исследуют юридические основы таких трансформаций и показывают, как законодательные тексты и поправки в них в совокупности с публичными высказываниями политиков приводят к семиотической «перегруппировке смысловых структур» и символическому понижению статуса исторического события.

Дискурсивные практики единения, согласия и солидарности достаточно широко исследовались методом дискурс-анализа применительно к таким сферам бытования языка, как повседневное общение, медиапространство, социальные сети, политическая и бизнес-коммуникация, рок-поэзия [Гаврилова, 2010; Джигоева и др., 2017; Дубровская и др., 2021а; Дубровская и др., 2021б;

Михайленок, 2013; Язык вражды ..., 2006; Baxter et al., 2009; Lipovsky, 2008; Mango, 2010; Parepa, 2017; Sowińska et al., 2012 и др.]. Однако ситуация представляется нам несколько парадоксальной, поскольку за рамками исследовательского интереса до сих пор остается единение в том виде, как оно представлено в дискурсе правовом и политико-правовом¹. Между тем именно эти типы дискурса непосредственно регламентируют характер властных, экономических, межэтнических, семейных и даже межличностных отношений в любом обществе и являются базисом для выстраивания всех остальных дискурсивных практик. Такая функция правовых и политико-правовых текстов определяет актуальность изучения концептуализаций социальных отношений, которые закреплены в таких текстах.

Настоящее исследование касается дискурсивного конструирования единения как абстрактной категории, выражающей отношения между индивидуальными и коллективными акторами. Оно соотносится и с концептуализацией общественной ценности единения средствами языка, и с дискурсивным конструированием социальных акторов как вступающих в отношения единения. Анализ языковых механизмов конструирования единения в правовых и политико-правовых документах даёт ключ к пониманию того, как такой дискурс формулирует обобщенные принципы общественного существования, которые затем реализуются в конкретных общественных практиках. Исследование также дает возможность более точно определить семантику «едине-

¹ Исключение составляют наши собственные работы, в которых тема дискурсивного конструирования народного единства в Конституциях РФ и США исследовалась через категорию топоса [Замотина и др., 2016; Дубровская, 20176].

ния», выявляя типичные значения, сопряженные с ними смыслы и языковые средства ее реализации. В этом отношении можно говорить о том, что мы обращаемся к общетеоретической проблеме различения системно-языковых и контекстуальных значений.

4.1.2. Кодификация социальных категорий в текстах законов, стратегий и концепций Российской Федерации

В последующих параграфах мы стремимся выделить наиболее актуальные для правовых и политико-правовых текстов лексические единицы с семантикой единения, определить их частеречную принадлежность и частотность, проследить их «поведение» в связном тексте, включая образование типичных сочетаний с другими единицами, передачу смыслов и аксиологической нагрузки в контексте, а также выявить их роль в кодификации социальных категорий.

Список интересующих нас номинаций включает слова с морфемами *–един–*, *–цел–*, *–обще–*, *меж–* / *между–* и *взаимо–*. Данный список, безусловно, не является исчерпывающим с точки зрения актуализации семантики единения в текстах. Однако далее мы покажем, что слова с названными морфемами имеют свойство «притягивать» к себе другие единицы с семантикой единения, в совокупности с которыми они актуализируют свой функционально-прагматический потенциал, а именно — продвижение идей единства и единения. Если выбор лексики с корневыми морфемами *–един–* и *–цел–* легко объясним прозрачной семантикой морфем, то сложные лексемы с морфемами *взаимо–*, *меж–* / *между–*

и обще– выбраны, поскольку в качестве изолированных словообразовательных элементов указанные морфемы выражают значение связи между объектами и их объединения.

Представляя разные подходы к описанию лексики, Е. В. Генералова выделяет следующие: словоцентрический (лексицентрический), выдвигающий в центр описание слова как единицы лексико-семантической системы; текстоцентрический, описывающий слово с опорой на текст и как составляющую текста; словарноцентрический, интерпретирующий языковой материал на основе словарей; а также антропоцентрический, обращенный к слову как к прагматической единице, реализующей определенные функции [Генералова, 2018, с. 9—10]. Сформулированные выше задачи обуславливают последовательное движение анализа от морфемы к слову и далее к дискурсу: с одной стороны, лексические группы изучаются как совокупности однокоренных слов, связанных парадигматически и вступающих в синтагматические отношения с другими единицами (то есть как часть языковой системы); с другой стороны, выделенная лексика в контексте рассматривается как форма реализации стратегических установок создателей документа (то есть как элемент дискурса). Полагаем, что в такой комбинации нет принципиального противоречия: взаимодействие и диалектическую связь между семантической и функциональной сторонами лексической единицы отмечает Н. Д. Голев [Голев, 2019]. Традиционному подходу к описанию семантики слова, в котором «контексты выступают как средство иллюстрирования семантики», Н. Д. Голев противопоставляет концепцию, в которой се-

мантика слова «напрямую вытекает из коммуникативной функции языка» [Там же, с. 114].

Дискурс-анализ как некий общий подход к языковому материалу, который мы применяем далее, связан именно с коммуникативной функцией языка. По верному утверждению Е. А. Кожемякина и А. В. Полонского, «дискурс-анализ фактически представляет собой не метод, не инструмент и не алгоритм конкретных исследовательских действий, а скорее подход, направление, «дизайн исследования», в рамках которого могут быть применены самые различные методы и выбраны разные предметы для описания» [Кожемякин и др., 2016, с. 5—6]. В поисках точности и стремлении избежать субъективных авторских интерпретаций, которые нередко характерны для дискурс-анализа, мы строим процедуру анализа на применении строгих лингвистических категорий, таких как морфемная структура слова, частеречная принадлежность слова и тип словосочетания. В то же время мы исходим из предпосылки, что «право представляет собой дискурсивную практику, и смысл юридических текстов не вытекает напрямую из языковых форм, а генерируется в процессе правовой коммуникации и интерпретации» [Дубровская, 2016, с. 119], распространяя данный тезис на политико-правовой дискурс.

Таким образом, мы комбинируем изучение морфемной структуры лексических единиц, их лексических значений и комбинаторики, а также элементы дискурс-анализа, позволяющие «привязать» лингвистический анализ к фрагментам социальной действительности и определить способы концептуализации социальных отношений в тексте. Для выявления частотности интересу-

ющих нас единиц, получения синтагматической информации (данных о типичных коллокациях лексических единиц) и контекстов было использовано программное обеспечение для автоматической обработки текста MonoComp Pro 2.2. Заметим, что в юридической лингвистике методы корпусной лингвистики успешно используются зарубежными учеными для анализа устной судебной коммуникации [Al Saeed, 2018; Johnson, 2018], для установления семантики юридических понятий и семантических различий между юридическими категориями путем обращения к корпусам судебных решений [Schneider et al., 2017; Vogel, 2017]. Полагаем, что применение элементов корпусной лингвистики в совокупности с традиционными методами чистой лингвистики позволяет получить более точные данные. В то же время собственно корпусный анализ текстов не был задачей исследования, а программное обеспечение применялось для облегчения работы с текстами.

Пошаговая процедура анализа может быть представлена в виде следующего списка исследовательских вопросов:

1) Какие лексические единицы с морфемами *–един–*, *–цел–*, *меж–* / *между–*, *взаимо–* и *обще–* используются в рассматриваемых правовых и политико-правовых документах? Какую частеречную принадлежность они имеют? (На этом этапе производится автоматическая выборка соответствующих лексических единиц, составляется их список, определяется их частеречная принадлежность).

2) Каковы значения выделенных единиц, закрепленные в системе языка? (Проводится дефиниционный ана-

лиз, на основе словообразовательных моделей выявляется общая семантика единиц).

3) Какова сочетаемость выделенных лексических единиц и как контексты употребления влияют на словарные значения единиц? (Определяются типичные коллокации и типы словосочетаний, в которых используются выделенные единицы, а также семантические отношения между их компонентами).

4) Какие социальные акторы вступают в отношения единения? Каков аксиологический статус единения в разных контекстах и каковы дискурсивные механизмы его формирования? (Выявляются контекстуально обусловленные положительные и отрицательные оценочные коннотации единения).

5) Каковы результирующие репрезентации и аспекты единения акторов, представленные в текстах как нормативные?

Такая процедура предлагает алгоритм авторского оригинального интегративного подхода, объединяющего анализ морфемной структуры слова, лексических значений слов, элементы семантического синтаксиса, интерпретативного дискурс-анализа и автоматической обработки текста.

Для рассмотрения социальных процессов объединения, в том виде как они представлены в языке права, мы отобрали ряд наиболее релевантных, на наш взгляд, документов. Прежде всего, это Конституция РФ, являющаяся основным законом РФ, который, как указано на сайте Кремля, «имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории страны» [Конституция РФ 2020]. Иными словами, Конституция опре-

деляет наиболее значимые принципы общественного существования, в числе которых должен быть установлен и принцип единства нации. Конституция Российской Федерации рассматривается в последней её версии с принятыми в 2020 году поправками [Конституция РФ 2020].

Кроме того, мы обращаемся к текстам трёх государственных программных документов: Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (далее СГНП) [СГНП 2012], Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации 30 ноября 2016 года (далее КВП) [КВП 2016] и Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (далее СНБ) [СНБ 2015]. Выбор обозначенных документов не случаен и объясняется тем, что они представляют собой важные политико-правовые тексты, которые определяют цели и принципы внутренней и внешней национальной политики РФ, а также фиксируют стратегические национальные приоритеты России. Таким образом, указанные программные документы охватывают ключевые принципы, лежащие в основе существования страны, наиболее важных акторов социальных отношений и их конфигурацию.

Как одну из характеристик юридического дискурса Е. А. Кожемякин отмечает то, что «коммуниканты создают образ желательного или необходимого в будущем, проектируют будущее положение вещей и формируют нормы его построения» [Кожемякин, 2008, с. 129]. Данное положение в полной мере характеризует политико-правовые документы, к категории которых теоретики права относят государственные стратегии и концепции. Такие

тексты «имеют не “чисто” юридическое, но политико-правовое содержание и являются средством выражения (формулирования) правовой политики» и «самым существенным образом влияют на формирование практически всех остальных элементов правовой системы России» [Мушинский, 2015, с. 488]. Подобно собственным законодательным текстам, стратегии и концепции ориентированы на будущее и дискурсивно конструируют и кодифицируют нормативный социальный порядок. Кроме того, политико-правовые документы определяют аксиологию взаимодействия акторов социальных отношений, присваивая положительный аксиологический статус одним акторам и их действиям и отрицательный — другим.

Важно отметить, что используемые в качестве материала тексты объединены общей идеей — нацеленностью на укрепление государства и его единства:

— *в целях ... укрепления государственного единства и целостности Российской Федерации* (СГНП п. 2);

— *укрепление национальной безопасности Российской Федерации и обеспечение устойчивого развития страны на долгосрочную перспективу* (СНБ п. 1);

— *обеспечение безопасности страны, ее суверенитета и территориальной целостности, укрепление правового государства и демократических институтов* (КВП п. 3).

Таким образом, названные документы дают богатый материал с точки зрения актуализации в политико-правовом дискурсе семантики единения. Общий объём корпуса составил 36 736 словоупотреблений.

4.2. Лексемы с корневой морфемой –**един**–: лексическое гнездо и функционирование в текстах документов

Автор: Дубровская, Т. В.

Аннотация

Лексические единицы с корневой морфемой –**един**– востребованы в государственном дискурсе Российской Федерации в качестве маркеров единения. Этот ряд составлен следующими номинациями: **единство, единый, единение, объединение, объединять, объединяющий, объединённый, присоединиться, соединённый, объединительный, единственный, единообразный, единолично**. Тексты политико-правовой сферы ориентированы на создание репрезентации будущего, подчеркивающей результат, и лексема **единство** с семантикой финального результата отвечает таким задачам. Лексемы с морфемой –**един**– дифференцированно применяются в сочетаниях, связанных с нематериальными сущностями, и в сочетаниях с существительными, обозначающими элементы предметного мира. Они также дифференцированно реализуют свои словарные значения. Слова с морфемой –**един**– окружены другими номинациями со значением единения, что определяет семантику текстов в целом. Слова с морфемой –**един**– имеют в языковой системе нейтральный или положительный аксиологический статус, однако отрицательно-оценочная семантика может конструироваться контекстуально. Структурно разные типы словосочетаний концептуализируют единство как свойство субъекта и как объект конструирующего воздействия государства. Содержательно единство концептуализируется в нескольких измерениях: материальном, пространственном, ценностном и темпоральном.

Лексическое гнездо считают «одним из способов группировки лексики с учетом семантики и словообразовательных связей» [Пятаева, 2003, с. 42]. Мы опираемся на следующее определение: «...лексическое гнездо (ЛГ) — общность однокоренных слов, в составе которой слова связаны по значению, грамматическим свойствам, морфемной и словообразовательной структуре» [Пятаева, 2003, с. 42]. Словообразовательное гнездо с корневой морфемой *-един-*, как оно представлено в словообразовательном словаре А. Н. Тихонова [Тихонов, 1990], весьма обширно.

Обработка текста Конституции РФ и трёх указанных политико-правовых текстов выявила 11 лексем с корневой морфемой *-един-* с общим количеством употреблений, равным 113 (33 употребления в Конституции РФ и 80 употреблений в текстах государственных программных документов). При этом глагол *объединять* представлен также его морфологическими формами — причастиями *объединяющий* и *объединённый*. Представим список выявленных лексических единиц: *единство, единый, единение, объединение, объединять, объединяющий, объединённый, присоединиться, соединённый, объединительный, единственный, единообразный, единолично*.

Слова *единый, единство, объединение, объединённый* востребованы во всех текстах, тогда как другие лексемы равномерно распределены по разным текстам. Очевидно, что для объяснения этого явления необходимо привлечение контекстов и прагматической информации. Так, единица *соединённый* встречается только в названии страны *Соединённые Штаты Америки*, не имеет отношения к дискурсивному конструированию семантики

единения, связанной с Россией, и может быть исключена из рассмотрения. В то же время единица *объединённый*, которая встречается только в названии Организации Объединённых Наций, представляет интерес для исследования, поскольку название организации встречается в контекстах, конструирующих единение России с другими международными акторами. К этим контекстам мы обратимся далее.

Рассмотрим, в каких словосочетаниях и более широких контекстах встречаются изучаемые единицы и как эти контексты определяют объем значений изучаемых единиц.

ЕДИНСТВО

М. В. Гаврилова пишет, что слово *единство* является «ключевым концептом русского политического дискурса начала XXI века», который был всегда положительно маркирован в общественном сознании [Гаврилова, 2010, с. 18]. Востребованность лексемы *единство* обнаруживается и в текстах правовой сферы. В Конституции она употребляется 4 раза, а в государственных программных документах — 22 раза.

Лексема *единство* используется в составе следующих словосочетаний:

- *исторически сложившееся государственное единство*;
- *единство системы государственной власти*;
- *единство многонационального народа Российской Федерации (российской нации)*;
- *гражданское единство*;
- *гражданское единство многонационального народа Российской Федерации*;

- *единство Российской Федерации;*
- *духовное и гражданское единство многонационального народа Российской Федерации;*
- *единство правового пространства;*
- *единство правового и гуманитарного пространств континента;*
- *единство экономического пространства;*
- *государственное единство Российской Федерации;*
- *единство российской нации;*
- *общероссийское единство;*
- *единство народов;*
- *единство российского общества;*
- *историческое единство народов России;*
- *единство Сирийской Арабской Республики;*
- *единство культур многонационального народа Российской Федерации.*

В перечисленных субстантивных словосочетаниях существительное *единство* выступает в качестве главного слова, а зависимые единицы (прилагательные, существительные) служат для конкретизации его семантики.

В толковом словаре значение лексической единицы *единство* фактически объясняется через синонимы: '1. Общность, полное сходство. 2. Цельность, сплоченность. 3. Неразрывность, взаимная связь' [Ожегов и др., 1997, с. 186]. Полагаем, что в контексте рассматриваемых документов лексическая единица *единство* реализует второе и третье значения, маркирующие сплоченность некоторых элементов действительности или неразрывную связь между ними. Как видно из приведенных словосочетаний, в разных контекстах *единство* выступает свойством не только некоторого количества отдельных

акторов (граждан — *гражданское единство*; народов — *единство народов*), но и коллективных акторов как собирательного целого (*государство, российская нация, народ Российской Федерации, общество, Российская Федерация*), а также абстрактных сущностей (*правовое пространство, гуманитарное пространство, экономическое пространство, дух, культура*). Таким образом, единство является для ряда категорий социальных акторов семантическим предикатом, характеризующим отношения между разными акторами или отношения между составными элементами одного коллективного актора.

В Конституции дважды (в преамбуле и в статье 67.1) эксплицитно упоминается *государственное единство*: одинаковая формулировка *исторически сложившееся государственное единство* конструирует названный феномен как исторический факт, не подверженный изменениям. Таким образом, создается репрезентация единого пространства, общего для всех граждан, организаций, органов власти, субъектов РФ. При этом единство конструируется не только как категория, характеризующая нынешнее состояние государства, но и как категория историческая. Иными словами, единство дискурсивно конструируется как на уровне социальных сфер и субъектов, так и с точки зрения *темпоральности* (единства и преемственности во времени). Законодательный документ, будучи направленным на конструирование некой желательной ситуации в будущем, касается и потомков. Такое межпоколенческое единство актуализируется в преамбуле: *исходя из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями* (Конституция РФ, преамбула). Для сравнения интересно отметить, что

Конституция США также выстраивает межпоколенческую связь с потомками: «Американский закон конструирует единение не только между современниками, но и проводит нить преемственности между поколениями американцев (*secure the Blessings of Liberty to ourselves and our Posterity*). Актором принимаемой Конституции становится страна в целом, включая будущих граждан» [Замотина и др., 2016, с. 138]. Очевидно, дискурсивное конструирование межпоколенческой связи является более или менее универсальной характеристикой текстов правовой сферы, направленных на создание картины преемственности, а значит, устойчивости и стабильности государства.

Проводя некоторые параллели с результатами исследования М. В. Гавриловой, отметим актуальность положения о расширении предметного значения слова *единство*, которое «используется со словами, обозначающими различные элементы социальной системы <...> описывает отношения между людьми <...> сочетается со словами, обозначающими элементы нематериальной мыслительной сферы» [Гаврилова, 2010, с. 15]. Исследовательница также утверждает, что «единство было связано с сохранением территорий» и «согласуется со словами, имеющими сему «практическая деятельность» [Там же, с. 15—16]. Однако наш материал показывает, что лексема *единство* не сочетается с обозначениями конкретных материальных явлений, а для выражения идеи территориального единства существуют устойчивые коллокации: *территориальная целостность* (12 употреблений) (рис. 16) и синонимичное выражение *целостность и неприкосновенность территории*, употребленное единож-

ды. В то же время поисковые запросы *территориальное единство* и *единство территорий* не дают ни одного результата в исследуемом материале.

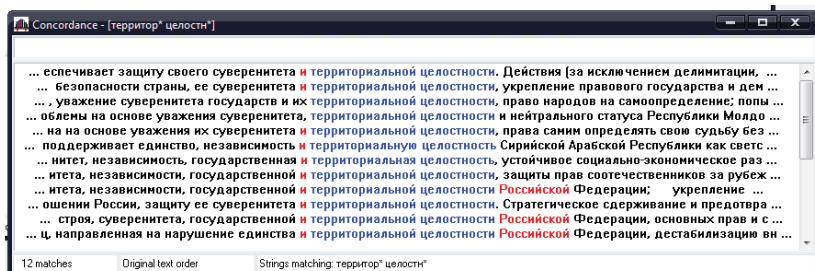

Рис. 16. Коллокация *территориальная целостность*

Рассмотрим некоторые более объемные контексты с выявленными словосочетаниями с лексемой *единство*. В составе общих положений СГНП представлены её цели:

(1) *Настоящая Стратегия разработана в целях обеспечения интересов государства, общества, человека и гражданина, укрепления государственного **единства** и **целостности** Российской Федерации, сохранения этнокультурной самобытности ее народов, обеспечения конституционных прав и свобод граждан, **гармонизации** общественных и государственных интересов, а также в целях **координации** деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, иных государственных органов, органов местного самоуправления (далее также — государственные органы и органы местного самоуправления) и их **взаимодействия** с институтами гражданского общества при реализации государственной национальной политики Российской Федерации <...> (СГНП п. 2).*

В данном фрагменте единство и целостность заявлены как цель, а интересующее нас словосочетание — *в целях укрепления государственного единства и целостности Российской Федерации* — стоит в таком лингвистическом окружении, которое включает целый ряд других лексических единиц со значением единства: *целостности, гармонизации, координации, взаимодействия*. Не будучи абсолютными синонимами, они тем не менее являются носителями очень близких лексических значений и в совокупности усиливают семантику единения. Иными словами, семантика единения присуща уже не отдельным единицам, а содержанию текста в целом. Дискурсивный механизм сочетания целого ряда лексических маркеров с семантикой единения обнаруживают А. В. Щетинина и А. С. Семёхина, анализируя репрезентации идеи национального единения в медийном дискурсе [Щетинина и др., 2021, с. 19]. Вероятно, можно считать такой дискурсивный механизм универсальным и характерным для разных типов дискурса, задействованных в конструировании и продвижении идеи единства.

Приведем другие примеры, иллюстрирующие данное положение:

(2) <...> **гражданское единство** — основа российской нации, признание гражданами Российской Федерации суверенитета государства, его **целостности, единства правового пространства, этнокультурного и языкового многообразия Российской Федерации**, исторического и культурного наследия народов Российской Федерации, равных прав на социальное и культурное развитие, на доступ к социальным и культурным ценностям, со-

лидарность граждан в достижении целей и решении задач развития общества (СГНП п. 4.2).

(3) Происходит **консолидация** гражданского общества вокруг **общих ценностей**, формирующих фундамент государственности, таких как свобода и независимость России, гуманизм, **межнациональный мир и согласие, единство** культур многонационального народа Российской Федерации, уважение семейных и конфессиональных традиций, патриотизм (СНБ п. 11).

Как и в примере (1), обнаруживаем контекстуальные синонимы единства (*целостность, солидарность, консолидация, мир, согласие*). Гражданское единство заявляется как основа существования нации и как ценность, вокруг которой происходит консолидация общества.

Кроме этого, отметим еще одну контекстуальную особенность актуализации семантики единства. Оно концептуализируется также через указания на различия: этнокультурное и языковое многообразие, единство культур многонационального народа Российской Федерации представлены как аспекты единства страны. Таким образом, единство не обязательно построено на общности и полном сходстве, как это вытекает из первого словарного значения единицы, а состоит в факте объединения различающихся характеристик (культур, языков) или разных социальных акторов (народов, национальностей):

(4) Основными направлениями государственной национальной политики Российской Федерации являются: <...> сохранение и приумножение духовного, исторического и культурного наследия и потенциала **многонационального** народа Российской Федерации (российской

нации) посредством пропаганды идей патриотизма, **единства** и дружбы народов, **межнационального (межэтнического) согласия** (СГНП п. 21.1).

С точки зрения комбинаторики, важно отметить еще одну характеристику лексической единицы *единство*. Приведенные ранее простые словосочетания всегда используются в составе сложных, выражающих объектные отношения. При этом объектом действия (или воздействия) является *единство*:

- *укрепление гражданского единства*;
- *влияние на гражданское единство*;
- *развитие духовного и гражданского единства многонационального народа Российской Федерации*;
- *формирование общероссийского единства*;
- *пропаганда идей единства и дружбы народов*;
- *признание единства правового пространства*;
- *поддерживать единство Сирийской Арабской Республики*;
- *обеспечивать единство правового и гуманитарного пространств*.

Стержневыми словами в данных объектных словосочетаниях выступают глаголы и отглагольные существительные с процессуальным значением и значением воздействия, а лексическая единица *единство* или простое словосочетание с ней несут объектное значение. Единство представлено в текстах документов как социально конструируемая категория и объект регулирования, который в рамках национальной политики подвержен укреплению, влиянию, развитию, формированию, пропаганде и т. д. При этом объектные словосочетания имеют положительно-оценочную семантику, поскольку указывают

на социально одобряемые созидрующие действия (формирование, укрепление, поддержка и др.). Наиболее частотная единица, с которой *единство* вступает в объектные отношения, — это *существительное укрепление* (10 употреблений), из чего следует, что *единство* представляет собой одну из приоритетных государственных целей.

Нежелательные виды воздействия на *единство* представлены в других объектных словосочетаниях: *нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации*; *ослабление единства многонационального народа Российской Федерации*, — которые содержатся в описании возможных угроз национальной безопасности России в СНБ:

(5) *Угрозами национальной безопасности в области культуры являются размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей и **ослабление единства многонационального народа Российской Федерации** путем внешней культурной и информационной экспансии* (СНБ п. 79).

(6) *Основными угрозами государственной и общественной безопасности являются: <...> деятельность <...> направленная на **нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации** ...* (СНБ п. 43).

Таким образом, конструируемое в текстах *единство* как государственная и общественная ценность находится под воздействием противоположно направленных сил: с одной стороны, сил созидательных и поддерживающих; с другой — сил разрушительных. Однако богатство и количественное преобладание словосочетаний с положительно-оценочной семантикой создает репре-

зентацию единства страны, находящегося под защитой государства: из 26 употреблений словосочетаний с лексемой *единство* только два имеют негативный контекст с семантикой угрозы.

ЕДИНЫЙ

Лексическая единица *единый* имеет следующие словарные толкования: '1. Один, общий, объединённый. 2. обычно с отрицанием. Один, только один' [Ожегов и др., 1997, с. 186]. Прилагательное *единый* используется в текстах документов в составе нескольких сложных субстантивных словосочетаний как характеристика разных **общественных сущностей и явлений**, которые можно разделить на две группы:

(1) материальные: *единое транспортное пространство; единая государственная система предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций; единая государственная система профилактики преступности; единые критерии оценки работы лечебно-профилактических учреждений;*

(2) нематериальные, в числе которых выделяются сущности **духовно-нравственные** (*единый культурный (цивилизационный) код; единая российская культура; единое культурное пространство страны; единые принципы и ценности, такие как патриотизм, служение Отечеству <...>; единые духовно-нравственные и культурно-исторические ценности*) и **политико-правовые** (*единые подходы к решению вопросов государственной национальной политики; единая внешнеполитическая линия Российской Федерации; единые международно-правовые принципы*).

Только в Конституции РФ словоформы прилагательного *единый* встречаются в тексте 9 раз, а их сочетания

с существительными использованы для обозначения разных социальных сфер: *единый рынок; единая социально ориентированная государственная политика; единая финансовая, кредитная и денежная политика; единая система публичной власти и др.*

Обратим внимание, что в отличие от лексемы *единство*, которая используется в контекстах, связанных с нематериальными сущностями, слово *единый* также актуализирует своё значение и в сочетаниях с существительными, обозначающими элементы предметного мира: *транспортное пространство, система профилактики преступности, критерии оценки* и т. д. Кроме того, лексема *единый* берет на себя актуализацию значения 'общность, полное сходство', не реализуемого словом *единство*. Таким образом, однокоренные слова дифференцированно реализуют свою смысловую нагрузку: через прилагательное *единый* создаются репрезентации общих, одинаковых аспектов социальной жизни, а существительное *единство* актуализирует смысл 'сплочённость, связь, общность разного'.

Во всех словосочетаниях прилагательное *единый* вступает в адъективные отношения с главным словом, существительным, обозначающим некоторый аспект социальной жизни. К примеру, речь идет о культуре:

(7) *Общероссийская гражданская идентичность основана на **сохранении русской культурной доминанты, присущей всем народам, населяющим Российскую Федерацию. Современное российское общество объединяет единый культурный (цивилизационный) код, который основан на сохранении и развитии русской культуры и языка, исторического и культурного на-***

сле́дия всех народов Российской Федерации и в котором заключены такие основополагающие **общечеловеческие принципы**, как уважение **самобытных** традиций народов, населяющих Российскую Федерацию, и **интегрирование** их лучших достижений в **единую российскую культуру** (СГНП п. 11.1).

Посредством утвердительных высказываний единство культуры концептуализируется как объединение разного (*самобытных традиций народов*) на основе общего (*общечеловеческие принципы*). Контекстуально семантика единения актуализируется широким спектром лексических средств: не только номинациями с корневой морфемой –*един*– (*объединяет, единый, единую*), но и другими единицами (*общечеловеческие, интегрирование*), а также конструкцией с причастным оборотом (*культурная доминанта, присущая всем народам*).

Как мы отмечали выше, единство конструируется как категория историческая, которая имеет форму исторической преемственности, что видно в следующих формулировках: *сохранении русской культурной доминанты; сохранении и развитии русской культуры и языка, исторического и культурного наследия.*

Таким образом, можно говорить о **нескольких измерениях единства: материальном** (единство инфраструктуры страны), **пространственном** (единство территории), **ценностном** (единство общественных ценностей и установок) и **темпоральном** (историческая и межпоколенческая преемственность).

Включение в контексты о национальном единстве лексики с положительно-оценочной коннотацией (*общечеловеческие принципы, лучшие достижения*) форми-

рует аксиологический фокус текста: признание единства важным и необходимым условием развития российского общества.

ЕДИНЕНИЕ. ОБЪЕДИНЕНИЕ

Абстрактное существительное *единение*, имеющее семантику процессуальности, определяемое словарём как ‘тесная связь, приводящая к единству, сплоченности’ [Ожегов и др., 1997, с. 186] и имеющее помету (высок.), встречается только единожды в качестве стержневого слова в субстантивном словосочетании *единение народов*:

(8) *Российское государство создавалось как **единение народов**, системообразующим звеном которого исторически являлся русский народ. Благодаря **объединяющей** роли русского народа, многовековому межкультурному и межэтническому **взаимодействию** на исторической территории Российского государства сформировались уникальное культурное многообразие и духовная **общность** различных народов, приверженных **единым** принципам и ценностям, таким как патриотизм, служение Отечеству, семья, созидательный труд, гуманизм, социальная справедливость, **взаимопомощь и коллективизм** (СГНП п. 11).*

Абстрактная категория *единение народов* получает в тексте толкование через ряд других абстрактных категорий, обозначенных лексемами с семантикой единения (*взаимодействие, общность, взаимопомощь, коллективизм*), в том числе и однокоренными единицами *объединяющей* и *единым*. Процессуальный характер семантики выражения *единение народов* обусловлен, во-первых, словообразовательной структурой слова *единение*, по-

скольку отглагольные существительные среднего рода с суффиксом *-ени* $|j|$ - «совмещают в своем значении при-
сущее мотивирующему глаголу значение процессуаль-
ного признака (действия, состояния) со значением суще-
ствительного как части речи» [Русская грамматика, 1980,
с. 155]. Во-вторых, он также актуализируется в контексте.
Основной смысл предложения состоит в описании про-
цесса создания государства — отсюда несовершенный
вид глагола *создавалось*, который также имеет семанти-
ку процессуальности, незавершенного действия.

При том, что в рассматриваемом материале лексема *единение* встречается только один раз, А. В. Щетинина и А. С. Семёхина обнаруживают значительное количество контекстов (300 фрагментов) со словосочетанием наци-
ональное единение в журнальных и газетных публика-
циях [Щетинина и др., 2021, с. 20]. Полагаем, что именно
в силу своей семантики процессуальности лексема *еди-
нение* не используется в юридическом и политико-право-
вом дискурсе, поскольку основная задача текстов право-
вой сферы состоит в представлении идеальной картины
будущего, подчеркивающей результат, свершившийся
факт. По этой причине в правовой сфере мы видим коли-
чественное преобладание лексемы *единство*, имеющей
семантику финального результата, завершенности.

Существительное *объединение*, напротив, весьма
востребовано и в разных контекстах может иметь аб-
страктное или конкретное значение: ‘процесс создания
группы, целого из частей или результат этого процесса,
материально существующий субъект, группу’. Абстракт-
ное значение *объединения* актуализируется в том числе
через частотный левый коллокат *в результате*, требую-

щий после себя употребления лексической единицы со значением процесса (например: *в результате объединения Камчатской области и Корякского автономного округа; в результате объединения Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа*). Языковыми показателями конкретного значения, то есть материально существующего объединения как группы субъектов (социальных структур, организаций), выступают соответствующие коллокации-определения, из которых ясно основание для объединения:

- общественные объединения,
- молодежные и детские общественные объединения;
- этнокультурные объединения;
- межнациональные общественные объединения;
- этнокультурные и общественные объединения;
- объединения соотечественников, проживающих за рубежом;
- религиозные объединения (страны);
- национально-культурные общественные объединения;
- международные организации и объединения в различных частях мира;
- культурно-гуманитарные объединения;
- многосторонние объединения... Латинской Америки и Карибского бассейна;
- межгосударственные объединения;
- региональные объединения... государств.

Объединения фигурируют в текстах как обобщенные типы организаций, а используемые определения указывают на участие граждан в организациях, образованных на основе самых разных объединяющих признаков (воз-

раст, этнокультура, религия, место проживания). Таким образом, создается репрезентация общества, граждане которого активно взаимодействуют друг с другом и консолидированы. Кроме того, документы включают указания на международные объединения, объединения в других государствах и взаимодействие России с ними:

(9) *Российская Федерация, являясь постоянным членом Совета Безопасности ООН, участником целого ряда влиятельных международных организаций, региональных структур, механизмов **межгосударственного диалога и сотрудничества**, обладая значительными ресурсами во всех областях жизнедеятельности, интенсивно развивая в рамках своего внешнеполитического курса отношения с ведущими государствами, международными организациями и **объединениями в различных частях мира**, способствует формированию **позитивной, сбалансированной и объединительной** международной повестки дня (КВП п. 20).*

Как видно из примера (9), контекст содержит другие единицы с семантикой единства (*сотрудничество, диалог, объединительной*) и имеет положительный аксиологический статус, обусловленный использованием лексики с положительно-оценочными коннотациями (*позитивной, сбалансированной*).

Контексты, указывающие на объединения и имеющие отрицательный аксиологический статус, единичны и касаются радикальных объединений. Так, угрозой государственной безопасности признается:

(10) <...> *деятельность **радикальных общественных объединений и группировок**, использующих националистическую и религиозно-экстремистскую идеологию, ино-*

странных и международных неправительственных организаций, финансовых и экономических структур, а также частных лиц, направленная на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной ситуации в стране, включая инспирирование «цветных революций», разрушение традиционных российских духовно-нравственных ценностей (СНБ п. 43).

С точки зрения языковой системы, лексема *объединение* имеет нейтральный аксиологический статус. В примере (10) её отрицательно-оценочная семантика конструируется контекстуально, за счет использования в составе коллокации *радикальных объединений и группировок*. Атрибутивный характеризатор *радикальный* и существительное *группировка*, получившее в последние десятилетия отрицательную коннотацию, обуславливают контекстную отрицательную семантику. Кроме того, предложение в целом содержит большое количество лексики с семантикой разъединения, негативно характеризующей идеологию и действия таких объединений (*националистическую, религиозно-экстремистскую, разрушение, дестабилизацию, инспирирование, разрушение*). Таким образом, в данном фрагменте противопоставляются единство и целостность РФ, с одной стороны, и представляющие угрозу этому единству деструктивные объединения, с другой стороны.

ГЛАГОЛЬНЫЕ ФОРМЫ С КОРНЕВОЙ МОРФЕМОЙ –ЕДИН–

Такие глагольные формы включают глаголы *объединять* и *присоединиться*, а также причастия: действительное *объединяющий* и страдательное *объединённый*.

Полные контексты с глаголом *объединять* и действительным причастием приводились ранее (примеры (7), (8)). Из них видно, что функция объединения приписывается культурному коду, русскому народу, а в качестве объектов воздействия представлены другие народы.

Глагол *присоединиться* использован в контексте международных отношений России и служит для описания конструктивных намерений других международных акторов-государств. Контекст имеет положительный аксиологический статус:

(11) *Особое внимание уделяется работе со странами, проявляющими **желание присоединиться** к Организации (Шанхайской организации. — Т. Д.) в качестве ее полноправных членов (СНБ п. 92).*

Страдательное причастие *объединённый* используется только в двух типах лингвистических контекстов. В Конституции РФ это причастие актуализирует репрезентацию единства России, основанного на общности истории:

(12) *Российская Федерация, **объединенная тысячелетней историей**, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся **государственное единство** (Конституция ст. 67.1).*

Остальные 10 употреблений приходятся на название ООН при описании основных направлений государственной национальной политики РФ:

(13) *<...> налаживание партнерских отношений в рамках **Организации Объединённых Наций, Организации Объединённых Наций** по вопросам образования, науки и*

культуры, Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, Совета Европы, Шанхайской организации сотрудничества, Содружества Независимых Государств и других международных организаций, поддержка инициатив институтов гражданского общества, религиозных организаций в сфере государственной национальной политики Российской Федерации (СГНП п. 21.1).

Несложно заметить, что другие организации также включают в свои названия единицы с семантикой единения (*сотрудничество, содружество*), что, очевидно, вытекает из их общих целей (*налаживание партнерских отношений*). Представляя намерения России на международной арене под эгидой ООН, КВП констатирует содействие России *единообразному толкованию и применению* международных договоров ООН (КВП п. 26). Лексема *единообразный* актуализирует смысл международного единения акторов через механизмы правоприменения, общее правовое пространство.

Итак, подведем итоги.

1. Лексические единицы с корневой морфемой *–един–* востребованы как в Конституции РФ, так и в текстах программных документов Российской Федерации в качестве маркеров единения, что обусловлено прагматической направленностью текстов на представление единства как желаемого состояния общества, основополагающей ценности в российском обществе и государстве. Эти единицы задействованы в создании и кодификации социальных категорий и отношений между социальными акторами.

2. Наиболее востребованной единицей является существительное *единство*. Тексты политико-правовой сферы ориентированы на создание идеальной репрезен-

тации будущего, подчеркивающей результат, свершившийся факт, и лексема *единство*, имеющая семантику финального результата, отвечает таким задачам. Существительное *единение*, напротив, имеет семантику процессуальности и практически не используется в политико-правовом дискурсе.

3. Лексемы с морфемой *–един–* дифференцированно применяются в разных контекстах: тогда как существительное *единство* используется в сочетаниях, связанных с нематериальными сущностями, слово *единый* актуализирует своё значение также в сочетаниях с существительными, обозначающими элементы предметного мира. Ряд социальных реалий, связанных с государственным единством, требует для обозначения других устойчивых коллокаций (*территориальная целостность*).

4. Однокоренные слова лексического гнезда также дифференцированно реализуют свою смысловую нагрузку: актуализируя смысл ‘сплочённость, связь, общность разного’, существительное *единство* не реализует своё первое значение ‘общность, полное сходство’, и эту функцию принимает на себя прилагательное *единый*.

5. В текстах программных документов единицы с корневой морфемой *–един–* окружены однокоренными словами и другими номинациями с семантикой единения. Высокая частотность единиц со значением единения приводит к тому, что такая семантика характеризует содержание текстов в целом, и это реализует их функционально-прагматический потенциал: направленность на продвижение идей единства и единения.

6. С точки зрения языковой системы, слова с морфемой *–един–* имеют нейтральный или положительный ак-

сиологический статус. Отрицательно-оценочная семантика может конструироваться контекстуально, за счет использования этих единиц в сочетаниях с атрибутами, имеющими отрицательную коннотацию. Для таких контекстов также характерна лексика с семантикой разъединения, негативно характеризующая идеологию и действия деструктивных объединений.

7. Структурно разные типы словосочетаний, в которых используются лексические единицы с корневой морфемой *–един–*, позволяют по-разному концептуализировать единство как идеальное состояние общества. Во-первых, это свойство, характеризующее субъект действия, и, во-вторых, это объект конструирующего воздействия государства.

8. Единство концептуализируется как состояние разных общественных сущностей и конструируется в нескольких измерениях: материальном (единство инфраструктуры страны), пространственном (единство территории), ценностном (единство общественных ценностей и установок) и темпоральном (историческая и межпоколенческая преемственность).

4.3. Лексические единицы с корневой морфемой –цел–: о целостности государства

Автор: Дубровская, Т. В.

Аннотация

Проведен анализ 4-х текстов: Конституции РФ и трёх государственных программных документов — Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (2012), Концепции внешней политики Российской Федерации (2016) и Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (2015). Выявленные в них единицы с корневой морфемой –цел– включают словоформы существительного **целостность** и наречное выражение **в целом**. В составе сочетания **территориальная целостность государства** существительное «целостность» встречается 12 раз, что свидетельствует об актуальности обозначенной реалии. Находясь в объектной позиции, словосочетание **территориальная целостность** сочетается с такими управляющими существительными, как **защита**, **обеспечение** и **уважение**, определяя приоритетный характер и положительную аксиологическую нагрузку понятия. Категория территориальной целостности применяется не только по отношению к Российской Федерации, она выступает характеристикой и других политических актов. С позиций права территориальная целостность представляет важную категорию международных отношений, а с точки зрения языка это устоявшаяся коллокация для концептуализации единства территории. Более общий смысл лексема **целостность** имеет в сочетании **государственная целостность** и синонимичных ему речевых формулах **целостность государства** и **целостность Российской Федерации**, которые подкрепляют приоритет государственного единства во всех его проявлениях. При этом государственная целостность охватывает также **единство власти, гражданский мир, межнациональное согласие**. Наречное выражение **в целом** также в ряде контекстов способствует актуализации семантики единения.

Единицы с корневой морфемой *–цел–* включают словоформы существительного *целостность* (22 употребления) и наречное выражение *в целом* (5 употреблений). Наречие *всецело* мы не рассматриваем, поскольку оно не реализует семантику единения в имеющихся контекстах. Существительное *целостность* толкуется в словаре через первое значение прилагательного *целостный*: ‘обладающий внутренним единством’ [Ожегов и др., 1997, с. 873], а также имеет второе значение ‘нераздельность, единство’ [Там же]. Важно, что в качестве иллюстрации второго значения словарь приводит словосочетание *территориальная целостность государства*. Именно в таком сочетании существительное *целостность* встречается в нашем материале 12 раз.

Вопрос территориальной целостности особенно актуален в контексте международных отношений, и поэтому соответствующее сочетание особенно часто в Концепции внешней политики. Одной из задач внешнеполитической деятельности РФ заявлено *обеспечение безопасности страны, ее суверенитета и **территориальной целостности**, укрепление правового государства и демократических институтов* (КВП п. 3).

Находясь в объектной позиции, *территориальная целостность* сочетается с такими управляющими существительными, как *защита, обеспечение и уважение*, что свидетельствует о приоритетном характере и положительной аксиологической нагрузке этой категории.

Ряд других контекстов показывает, что категория территориальной целостности применяется не только по отношению к Российской Федерации, но и как характеристика других политических акторов:

(14) Россия активно выступает за политико-дипломатическое урегулирование конфликтов на постсоветском пространстве, в частности способствует в рамках существующего многостороннего переговорного механизма всеобъемлющему решению приднестровской проблемы на основе уважения суверенитета, **территориальной целостности** и нейтрального статуса Республики Молдова при определении особого статуса Приднестровья (КВП п. 58);

(15) Россия продолжит вносить весомый вклад в стабилизацию обстановки в регионе Ближнего Востока и Северной Африки <...> проводить последовательный курс на политико-дипломатическое урегулирование конфликтов в государствах этого региона на основе уважения их суверенитета и **территориальной целостности**, права самим определять свою судьбу без вмешательства извне (КВП п. 92).

Таким образом, с точки зрения права, территориальная целостность представляет важную категорию международных отношений, а с позиций языка — это устоявшаяся коллокация, используемая для концептуализации состояния единства территории. Синонимичное выражение *целостность территории* используется в Конституции РФ:

(16) Российская Федерация обеспечивает **целостность** и неприкосновенность своей **территории** (Конституция РФ ст. 4).

Более общий смысл лексема *целостность* имеет в сочетании *государственная целостность* (5 употреблений) и синонимичных ему *целостность государства* и *целостность Российской Федерации*, которые подкрепля-

ют приоритет государственного единства во всех его проявлениях. В следующих примерах лексические единицы *целостность* и *единство* употреблены в одном контексте, вместе реализуя семантику государственного единства:

(17) *Федеративное устройство Российской Федерации основано на ее **государственной целостности, единстве системы государственной власти**, разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, равноправии и самоопределении народов в Российской Федерации* (Конституция РФ ст. 5).

(18) *Настоящая Стратегия разработана в целях обеспечения интересов государства, общества, человека и гражданина, укрепления **государственного единства и целостности Российской Федерации*** (СГНП п. 2).

Государственная целостность сопряжена с целым рядом других понятий правового поля, выраженных соответствующими лексемами в сочетаниях с однородными членами, одним из которых выступает «целостность»: *суверенитет, независимость и государственная целостность; государственная целостность и межнациональное общение; государственное единство и целостность; суверенитет, целостность, единство правового пространства; государственное единство и целостность; суверенитет и независимость, безопасность и целостность государства; целостность и неприкосновенность своей территории; государственная и территориальная целостность; единство, независимость и территориальная целостность.*

В приведенных примерах видна повторяемость синонимичных и сопряженных понятий, одним из которых выступает единство. Лексемы *независимость* и *неприкосновенность* имплицитно подразумевают наличие внешних акторов, субъектов (*независимость от кого?* *неприкосновенность* предполагает, что *никто* не должен прикасаться), которые могут ставить под угрозу единство и целостность РФ. Соответственно, обеспечение единства — условие безопасности государства.

Что касается наречного выражения *в целом* со словарным значением 'во всей совокупности, целиком' [Ожегов и др., 1997, с. 873], то оно также в ряде контекстов способствует актуализации семантики единения. Рассмотрим пример:

(19) *Российская Федерация заинтересована в выстраивании взаимовыгодных отношений с Соединенными Штатами Америки, учитывая особую ответственность обоих государств за глобальную стратегическую стабильность и состояние международной безопасности в целом* <...> (КВП п. 72).

В данном случае Концепция внешней политики репрезентирует ситуацию взаимодействия двух акторов — РФ и США, наделяя их статусом, который отличает их от других акторов (*особую ответственность обоих государств*) и одновременно объясняет зависимость мирового сообщества от действий этих двух государств (*глобальную стратегическую стабильность, международной безопасности в целом*). Таким образом, исключительность акторов одновременно является условием единой безопасной международной системы. В примере (19) отметим также использование лексем *взаимовыгодный* и

международный, в семантике которых заложена импликация взаимодействия между какими-либо субъектами. Характер такого взаимодействия и его лингвистические маркеры мы обсудим далее в разделе 4.4.

Резюмируя написанное о лексемах с морфемой – *цел-*, отметим, что частотная лексема *целостность* актуализирует в текстах своё второе словарное значение ‘нераздельность, единство’, выступая во многих контекстах в окружении синонима *единство* и лексем, обозначающих идеальные представления о государственном единстве. Актуальны в документах устойчивая коллокация *территориальная целостность* и словосочетание *государственная целостность*. При этом *государственная целостность* имеет более общий смысл и охватывает не только целостность территориальную, но и единство власти, гражданский мир, межнациональное согласие.

4.4. Сложные лексемы с морфемами **меж-** / **между-**, **взаимо-** и **обще-**: дискурсивное конструирование взаимодействия

Автор: Дубровская, Т. В.

Аннотация

Группы лексических единиц с морфемами **меж-** / **между-**, **обще-** и **взаимо-** образуют востребованный ресурс для конструирования семантики единения в правовых и политико-правовых текстах. Семантика единения, выражаемая такими номинациями, обусловлена как морфемной структурой слов, так и контекстуально, за счет сочетаемости выделенных лексических единиц с другими носителями семантики единения или близких значений взаимности, неединичности, равенства, сближения. Лексические единицы рассматриваемых групп связаны между собой несколькими дискурсивными механизмами, включая появление рассматриваемых слов в сочетаниях с одними и теми же коллокатами; появление выделенных лексем вместе в одних и тех же контекстах; вступление ряда лексем в гипо-гиперонимические отношения. Таким образом, формируется семантическое поле единения, охватывающее сопряженные области смыслов взаимности, неединичности, равенства, сближения. Единение конструируется как внутrigосударственный атрибут и как атрибут внешнеполитической деятельности РФ и интеграции в общемировое пространство. Когда анализируемые номинации входят в состав словосочетаний с объектными отношениями, единение и отношения реципрокальности между акторами представлены как объект конструирующего воздействия со стороны государства.

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ С МОРФЕМОЙ *МЕЖ-* / *МЕЖДУ-*

Из трех выделенных групп в нашем материале наиболее употребительными единицами являются префиксальные прилагательные с морфемой *меж-* / *между-*: количество употреблений таких прилагательных равно 390. Согласно «Русской грамматике — 80», прилагательные с префиксами *меж-* и *между-* имеют значение «находящийся (в пространстве или во времени) или происходящий, совершаемый между одинаковыми предметами, явлениями, обозначенными: а) словом, которым в свою очередь мотивировано суффиксальное мотивирующее прилагательное; б) словосочетанием с мотивирующим прилагательным в качестве определения» [Русская грамматика, 1980, с. 304]. Отмечается также, что данный тип продуктивен в научно-технической, общественно-политической и книжной речи.

Список лексем с *меж-* / *между-* включает следующие прилагательные: *международный*, *международно-правовой*, *межгосударственный*, *межцивилизационный*, *межнациональный*, *межкультурный*, *межрелигиозный*, *межконфессиональный*, *межэтнический*, *межправительственный*, *межкорейский*, *межрегиональный*, *межбюджетный*, *межведомственный*, *межотраслевой*. Прозрачная морфемная структура перечисленных лексем позволяет легко установить такие коллективные субъекты взаимодействия, как государства, цивилизации, нации, культуры, религии, конфессии и т. д. Эти субъекты имеют разную (материальную и духовную) природу.

В ряде случаев документы предлагают толкования наиболее важных задействованных категорий. Так,

Стратегия государственной национальной политики даёт определение категории «межнациональные отношения»:

(20) **межнациональные (межэтнические) отношения** — взаимодействие людей (групп людей) **разных** национальностей (**разной** этнической принадлежности) в **различных** сферах трудовой, культурной и общественно-политической жизни Российской Федерации, оказывающих влияние на этнокультурное и языковое многообразие Российской Федерации и гражданское **единство** (СГНП п. 4.2).

Важно отметить противоречие между предложенным в «Русской грамматике — 80» толкованием морфемы *меж-*, содержащим указание на нечто происходящее между ОДИНАКОВЫМИ предметами, и фактическим смыслом слова в документе, неоднократно обращающем внимание на РАЗЛИЧИЯ между взаимодействующими субъектами (*разных национальностей, разной этнической принадлежности, в различных сферах*). Таким образом, мы вновь наблюдаем языковую актуализацию в российском правовом поле идеи «единство в разном / многообразии» и реализацию второго значения лексемы *единство*: 'цельность, сплоченность'.

Самой частотной лексемой с морфемой *между-* является лексема *международный*. Востребованность этого прилагательного (246 употреблений, из которых 34 употребления приходятся на Конституцию РФ) легко объяснима с точки зрения прагматической направленности текстов: очевидно, что и основной закон РФ и политико-правовые документы, дающие внешнеполитические установки, будут часто обращаться к тако-

му объекту регулирования, как международные отношения. Рассматривая синтагматику лексем, далее мы покажем, что *международные отношения* — не единственное сочетание, в которое включается лексема *международный*. Наиболее частотным правым коллокатом лексемы, то есть определяемым существительным, выступает существительное «право» (33 употребления). В свою очередь левым коллокатом словосочетания *международное право* в 21 случае является словоформа лексемы *норма* (рис. 17).

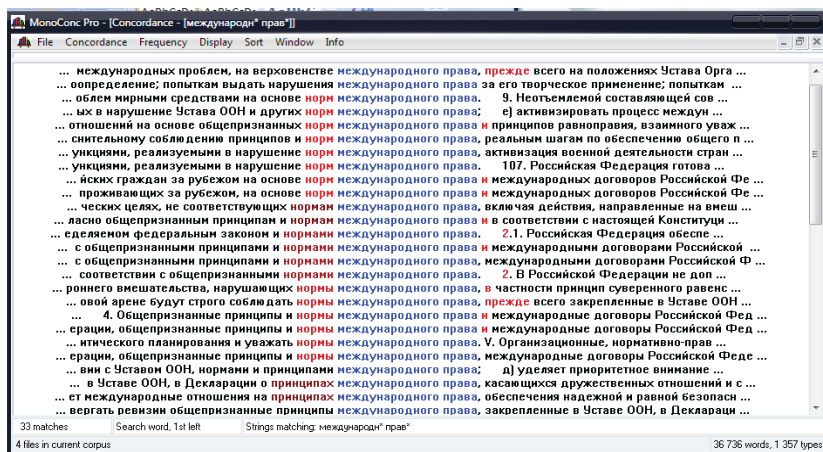

Рис. 17. Коллокация *международное право*

Такие результаты позволяют предположить, что международное право концептуализируется в документах как важный элемент международной жизни, объединяющий вокруг себя разных внешнеполитических акторов, включая Россию. В то же время результаты автоматической обработки и данные о сочетаемости целесообразно дополнить качественным анализом кон-

текстов. Рассмотрим примеры употребления сочетания *международное право*. Семантика единения разных акторов-государств на основе норм и принципов международного права эксплицитно выражена в следующем примере:

(21) *Россия рассматривает борьбу с международным терроризмом в качестве важнейшей государственной задачи и ключевого приоритета в сфере международной безопасности. В этой связи Российская Федерация:*

<...> 2) настойчиво стремится к объединению всех государств, всего международного сообщества в целях борьбы с терроризмом без политизации и предварительных условий в соответствии с Уставом ООН, нормами и принципами международного права (КВП п. 33).

Россия репрезентируется как агенс, субъект активных действий (*настойчиво стремится*), направленных на других акторов с целью их объединения на основе международного права для борьбы с терроризмом. Семантика единения актуализируется в сочетаниях *объединение всех государств* и *международное сообщество*. При этом у сложного словосочетания *к объединению всех государств* есть распространяющая часть: *в соответствии с ... нормами ... международного права*. Таким образом, фрагмент дискурсивно конструирует объединение акторов и международное право как основу такого объединения. Отметим еще одну деталь: в примере обозначен и противник международного сообщества — международный терроризм. Этому коллективному актору присваивается отрицательный аксиологический статус в субстантивном сочетании *борьбу с международным*

терроризмом, актуализирующем семантику конфликта и противостояния¹.

В числе других частотных правых коллокатов лексемы *международный* можно назвать номинации *безопасность, сотрудничество, организация, договор, мир, система, отношения, сообщество, усилия, организация, проблема, терроризм* и т. д. В приведенном списке выделяются как существительные, являющиеся носителями семантики единения с положительно-оценочной коннотацией, так и лексемы с негативной коннотацией (*проблема, терроризм*). В следующем фрагменте формулируется одна из задач внешней политики РФ:

(22) ...развитие двусторонних и многосторонних отношений взаимовыгодного и равноправного партнерства с иностранными государствами, **межгосударственными объединениями, международными организациями** и в рамках форумов на основе уважения принципов независимости и суверенитета, прагматизма, транспарентности, многовекторности, предсказуемости, неконфронтационного отстаивания национальных приоритетов; расширение **международного сотрудничества** на недискриминационной основе, содействие становлению сетевых альянсов, активное участие в них России (КВП п. 3).

1 Рассмотрение семантики конфликта в юридическом и политико-правовом дискурсе не является непосредственной целью главы. Однако мы считаем возможным сделать некоторые наблюдения, поскольку единение нередко конструируется именно на фоне репрезентаций вражды и конфликта. Более подробно лексические маркеры конфликта и специфика дискурсивного конструирования противостояния в политико-правовом дискурсе были рассмотрены в нашей работе: Дубровская Т. В. Лексические маркеры конфликта и противостояния в правовых и политико-правовых текстах / Т. В. Дубровская // Russian Linguistic Bulletin. — 2022. — № 2 (30). — С. 1—6.

Вовлеченность в отношения множественных акторов маркирована не только прилагательным *международный* в субстантивных словосочетаниях (*международными организациями, международного сотрудничества*), но и синонимичной лексемой *межгосударственными*, также с морфемой *меж-*, сложными прилагательными *двусторонних* и *многосторонних*. А характеристика этих отношений как результата единения конструируется посредством сочетания с положительно-оценочными прилагательными (*взаимовыгодного и равноправного партнерства*), существительными с эксплицитной семантикой единения (*объединения, сотрудничества, альянсов*), а также отрицательными прилагательными, значение которых выражено по принципу «от противоположного» (*неконфронтационного, недискриминационной*).

Таким образом, лексемы с морфемой *меж-* / *между-* входят главным образом в коллокации и лингвистические контексты, которые включают лексические единицы со значением единения. Такая совокупность языковых средств усиливает семантику единения, которая в контексте характеризует не отдельные единицы, а содержание текста в целом. Единение имеет положительный аксиологический статус, который в ряде случаев конструируется на фоне репрезентаций конфликтов и вражды.

СЛОЖНЫЕ ЕДИНИЦЫ С МОРФЕМОЙ *ВЗАИМО-*

Другая лексическая группа состоит из сложных единиц с морфемой *взаимо-* (100 употреблений в корпусе). Она менее однородна с точки зрения частеречной принадлежности слов и включает ряд существительных, прилагательные и глагольные формы: *взаимообогаще-*

ние, взаимозависимость, взаимодействие, взаимосвязь, взаимопонимание, взаимоуважение, взаимоотношения, взаимопомощь, взаимодополняемость, взаимовыгодный, взаимодействовать, взаимосвязанный. В перечисленных словах усеченная основа прилагательного взаимный носит уточнительный характер, конкретизируя содержание опорного компонента. Характеризуя семантику взаимности, Ю. П. Князев отмечает: «Взаимное (реципрокальное) значение связано прежде всего с собственнорефлексивным, поскольку в обоих случаях референт подлежащего совмещает роли субъекта и объекта (или субъекта и адресата) действия <...> При этом, однако, — поскольку субъект РцК является объектом (адресатом) не собственного действия <...>, а действия другого субъекта, который, в свою очередь является объектом идентичного действия со стороны первого субъекта, — взаимность предполагает неединичность множества участников ситуации» [Князев, 2007, с. 319]. Кроме неединичности множества участников ситуации, Ю. П. Князев отмечает также неединичность самого обозначаемого действия [Князев, 2007, с. 319].

Указание на неединичность, характеризующую как набор участников ситуации, так и производимое ими действие, важно для нашего исследования в свете того, что юридический и политико-правовой дискурс конструирует отношения между множественными акторами, а повторяемость и воспроизводимость репрезентируемых в документах действий определяет стабильный характер кодифицируемых отношений. Иначе говоря, правовой или политико-правовой документ, работающий не только на текущий момент, но и на перспективу,

по сути своей предполагает мультипликативность ряда желаемых действий, составляющих картину социальных отношений. В нашем материале обозначения этих действий содержатся в опорном компоненте сложных лексических единиц с морфемой *взаимо-*. Из отглагольных существительных легко реконструировать мотивирующие глаголы и глагольные сочетания: *обогащать, зависеть, действовать, понимать, уважать, дополнять*.

Что касается семантики опорных компонентов, то ряд из них (*понимание, уважение, помощь, дополняемость, выгодный*) имеют положительно-оценочную коннотацию, которая заложена в языковой системе, и она усиливается при использовании перечисленных лексем в реципрокальных формах. Кроме того, лексемы с морфемой *взаимо-* практически всегда встречаются в таких лингвистических контекстах, где они окружены другими лексемами с семантикой единения, в том числе с морфемой *взаимо-*, а также лексемами с положительной аксиологической нагрузкой. Это определяет семантику единения и положительно-оценочную коннотацию, характерные для целых фрагментов текста:

(23) *Российское государство создавалось как **единение народов**, системообразующим звеном которого исторически являлся русский народ. Благодаря **объединяющей роли** русского народа, многовековому межкультурному и межэтническому **взаимодействию** на исторической территории Российского государства сформировались уникальное культурное многообразие и духовная **общность** различных народов, приверженных **единым принципам и ценностям**, таким как патриотизм, служение Отечеству, семья, созидательный **труд**, гуманизм,*

социальная **справедливость, взаимопомощь и коллективизм** (СГНП п. 11);

(24) Россия настроена на формирование **общего, открытого и недискриминационного** экономического **партнерства** — пространства **совместного** развития государств — членов АСЕАН, ШОС и ЕАЭС в целях обеспечения **взаимодополняемости интеграционных** процессов в Азиатско-Тихоокеанском и Евразийском регионах (КВП п. 82).

В то же время было бы ошибочно утверждать, что семантика взаимности и семантика единения полностью совпадают. Взаимность может носить характер противостояния. Именно поэтому для определения аксиологического статуса взаимности далее мы обратимся к типичным коллокациям, в которых встречаются единицы с морфемой *взаимо-*.

Среди лексем с морфемой *взаимо-* самое большое количество употреблений (67) в нашем корпусе дают словоформы лексемы *взаимодействие*. Последовательное рассмотрение синтагматики этой лексической единицы позволит нам реконструировать нормативную модель взаимодействия России с другими акторами на международной арене, как оно представлено в рассматриваемых текстах. Для этого с помощью автоматической обработки текста ответим на следующие вопросы: Между кем происходит взаимодействие? Какой характер носит взаимодействие?

В числе выявленных сочетаний — множественные коллокации с предлогом *с*, после которого указывается какой-либо актор: конкретный (*Австралия и Новая Зеландия, Исламская Республика Афганистан, Китай,*

Республика Белоруссия), коллективный (африканские государства, государства Северной Европы, государства исламского мира, партнеры в Черноморском и Каспийском регионах) или обобщенный (все государства, все заинтересованные государства, региональные и международные организации, институты гражданского общества, органы государственной власти) (рис. 18.)

Рис. 18. Акторы взаимодействия

В окне с результатами поиска видно также, что нередко основной стороной взаимодействия выступает Россия. Именно этот актор вступает во взаимодействие с другими. Такая репрезентация характерна для Концепции внешней политики, что закономерно в силу прагма-

тики документа: авторство документа принадлежит России, и документ посвящен внешней политике страны. Приведем один из контекстов полностью:

(25) *Россия выступает за сохранение на севере Европы зоны доверия и стабильности на основе принципа равной и неделимой безопасности. В этих целях **Россия развивает практическое взаимодействие с государствами Северной Европы**, в том числе реализует в рамках многосторонних структур совместные проекты, учитывая при этом экологические аспекты и интересы коренных народов (КВП п. 71).*

Из примера видно, что лексема *взаимодействие* выступает эксплицитным носителем семантики взаимности, которая, как было указано выше, предполагает неединичность действий и направленность действий акторов друг на друга. Однако наряду с этой лексемой фрагмент содержит и другие единицы, актуализирующие семантику взаимности и единения: *доверие, равная безопасность, совместные проекты*. Положительный аксиологический статус этих единиц определяет соответствующий аксиологический статус всего пункта КВП.

Процессы взаимодействия и выполнения совместных задач характерны также и для внутренних дел РФ, где акторы объединяются в том числе и для противодействия внешнему негативному влиянию. Пример (26) служит еще одной иллюстрацией того, что единение одних акторов нередко конструируется на фоне конфликта и противостояния с другими акторами:

(26) *В целях противодействия угрозам экономической безопасности **органы государственной власти и органы местного самоуправления во взаимодей-***

ствии с институтами гражданского общества реализуют государственную социально-экономическую политику (СНБ п. 62).

Левые коллокаты-прилагательные лексемы *взаимодействие* дают ответ на вопрос, каким может быть взаимодействие в политико-правовой сфере. В числе коллокатов обнаруживаем следующие (по алфавиту): *внешнеполитическое, гуманитарное, международное, многоплановое, многостороннее, двустороннее, практическое, разноплановое, региональное, экономическое, эффективное и системное, стратегическое, межконфессиональное и межкультурное, межкультурное и межрелигиозное, межкультурное и межэтническое, равноправное.*

Все выявленные прилагательные имеют либо нейтральную, либо положительно-оценочную коннотацию. Повторяемость некоторых из них в разных комбинациях свидетельствует о проблематизации определенного аспекта социальной жизни (например, вопроса сосуществования людей разных культур и вероисповеданий).

Нормативную картину взаимодействия может дополнить список глаголов и отглагольных существительных, с которыми существительное *взаимодействие* вступает в объектные отношения. Корпус содержит следующие сочетания: *развивать / развитие взаимодействие, политизировать взаимодействие, наращивать / наращивание взаимодействие, расширять / расширение взаимодействие, обеспечивать / обеспечение взаимодействия, осуществлять взаимодействие, укрепление взаимодействия, упрочение взаимодействия, совершенствование взаимодействия.*

Приведенные словосочетания (за исключением *политизировать взаимодействие*) репрезентируют взаимодействие как положительный феномен межсубъектных отношений. Взаимодействие представлено в текстах как социально конструируемая категория и объект регулирования, который должен поддерживаться усилиями государства.

Другие единицы с морфемой *взаимо-*, используемые в текстах рассматриваемых документов, по сути выступают контекстуальными гипонимами по отношению к *взаимодействию*. Взаимоуважение, взаимопонимание, взаимосвязь и др. являются частными проявлениями взаимодействия, включены в его семантику и сохраняют типичные характеристики ситуации — неединичность участников и повторяемость действий.

СЛОЖНЫЕ ЕДИНИЦЫ С МОРФЕМОЙ *ОБЩЕ-*

Таких единиц в нашем материале насчитывается семь: *общедоступность, общероссийский, общеевропейский, общемировой, общепризнанный, общечеловеческий, общеэкономический*, — и они отвечают за 38 употреблений. Как видим, все они, кроме одной, принадлежат к классу прилагательных. Морфема *обще-* выступает в качестве компонента, предшествующего опорному, и конкретизирует его содержание. «Русская грамматика — 80» так поясняет семантику компонента *обще-*: «*Основа обще-* равнозначна основе слова *весь, все*: *общеизвестный* ‘известный всем’, *общеевропейский* ‘относящийся ко всей Европе’<...>» [Русская грамматика, 1980, с. 318]. Таким образом, общим семантическим компонентом значения лексем с *обще-* является наличие объединяющего признака или действия у нескольких субъектов. И, как в случае

с *взаимо-*, прагматическая ситуация, репрезентируемая лексемами с *обще-*, предполагает неединичность субъектов. Применительно к рассматриваемым текстам это означает наличие по меньшей мере двух социальных акторов, вовлеченных в отношения друг с другом.

Лексема *общеэкономический* в нашем материале не связана с объединением разных акторов, а выступает для характеристики российской экономической структуры, то есть это по сути синоним выражения *национальная экономика*. Поэтому мы не останавливаемся на её использовании. Обратимся к другим лексемам.

Все употребления лексемы *общепризнанный* (то есть признанный всеми) связаны с характеристикой прав и свобод человека, а также принципов и норм международного права, выступающих объединяющим фактором в общественных или международных отношениях:

(27) *Перечисление в Конституции Российской Федерации основных прав и свобод не должно толковаться как отрицание или умаление других **общепризнанных прав и свобод человека и гражданина*** (Конституция ст. 55);

(28) ***Общепризнанные принципы и нормы международного права** и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора* (Конституция ст. 63).

В примере (28) общепризнанные принципы международного права репрезентированы как объединяющий центр для России и других акторов международных отношений.

В числе лексем с морфемой *обще*– можно выделить группу слов, у которых опорным компонентом выступает название географического пространства: *общероссийский, общеевропейский, общемировой*. Атрибут *общероссийский* выступает характеристикой идентичности (гражданской идентичности, культурной идентичности), продвигаемой в концептуальных документах. Иными словами, государство устанавливает норму, согласно которой граждане России, в том числе проживающие за рубежом, должны иметь доступ к ценностям, объединяющим их:

(29) *Российская Федерация оказывает поддержку соотечественникам, проживающим за рубежом, в осуществлении их прав, обеспечении защиты их интересов и сохранении **общероссийской культурной идентичности*** (Конституция РФ ст. 69).

(30) *Стратегическими целями обеспечения национальной безопасности в области культуры являются <...> сохранение и развитие **общероссийской идентичности народов Российской Федерации, единого культурного пространства страны*** (СНБ п. 74).

В Стратегии государственной национальной политики сущность общероссийской гражданской идентичности объясняется в том числе через категорию «обще-человеческие принципы»:

(31) ***Общероссийская гражданская идентичность** основана на сохранении русской культурной доминанты, присущей всем народам, населяющим Российскую Федерацию. Современное российское общество объединяет единый культурный (цивилизационный) код, который основан на сохранении и развитии русской культуры и*

языка, исторического и культурного наследия всех народов Российской Федерации и в котором заключены такие основополагающие **общечеловеческие принципы**, как уважение самобытных традиций народов, населяющих Российскую Федерацию, и интегрирование их лучших достижений в единую российскую культуру (СГНП 11.1).

Как видим, идея единения конструируется в примере (30) комплексом средств: прилагательное *общероссийский* с морфемой *обще-* выступает в одном контексте с прилагательным *единый*. Приведенный в примере (31) пункт Стратегии содержит, помимо единиц с морфемой *обще-* (*общероссийская, общечеловеческие*), и ряд других отдельных единиц и сложных атрибутов с семантикой единения (*присущей всем народам, объединяет, единый, интегрирование, единую*). Распространенность такого комбинирования единиц в текстах позволяет думать, что механизм взаимного *притяжения* лексических единиц с семантикой единения является универсальным для рассматриваемого типа дискурса.

Прилагательное *общероссийский* также используется как атрибут в сочетании *общероссийское голосование*. Это сочетание встречается трижды в комментирующих фрагментах Конституции, описывающих порядок принятия её изменений: *Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе **общероссийского голосования** 1 июля 2020 года* (Конституция РФ).

Лексема *общеевропейский* в обоих контекстах относится к системе безопасности (*система общеевропейской безопасности, общеевропейская система безопасности*). Формальная соотнесенность с разными существитель-

ными не меняет общего смысла сочетаний. Оба фрагмента утверждают необходимость такого объединяющего фактора в Европе, как общая система безопасности:

(32) *Россия рассматривает ОБСЕ в качестве важного механизма строительства равной и неделимой **системы общеевропейской безопасности** и заинтересована в укреплении ее роли и авторитета* (КВП п. 68).

Семантика единения актуализируется не только посредством лексики *общеевропейский* со значением наличия объединяющего признака (система безопасности, общая для европейских стран), но и посредством атрибутов *равной и неделимой*. Неделимость имеет прямую связь с семантикой единения, а равенство, как помним, образует семантическую пресуппозицию семантики взаимности. Иными словами, мы наблюдаем, что семантическое поле единения включает в себя единицы, значения которых связаны с взаимностью и равенством.

Прилагательное *общемировой*, встречающееся в сочетаниях *общемировые процессы* и *общемировая практика* и имеющее значение ‘характерный для всего мира’, выводимое из морфемной структуры, целесообразно рассмотреть в контексте:

(33) *Широкое вовлечение институтов гражданского общества во внешнеполитический процесс соответствует **общемировой практике** и тенденциям развития России* (КВП п. 107).

Из данного положения следует, что Россия действует в соответствии с принятыми во всем мире принципами и, значит, является частью мирового сообщества, вступает в отношения единения с ним. С другой стороны, семантика единения прослеживается также между дру-

гими акторами — институтами гражданского общества и представителями внешней политики (под последними мы имеем в виду не конкретные личности, а обобщенных коллективных акторов). Показательна в этом отношении лексема *вовлечение*, имеющая семантику сближения, объединения, совместных действий.

Что касается лексемы *общедоступность*, то она употреблена в контексте гарантий образования. Субъектом единения выступает всё общество, тогда как основанием единства становится общее право — право на доступное и бесплатное образование:

(34) *Гарантируются общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования в государственных или муниципальных образовательных учреждениях и на предприятиях* (Конституция РФ, ст. 43).

Обобщая наблюдения над функционированием лексем с морфемами *меж-*/ *между-*, *обще-* и *взаимо-*, можно отметить, что эти группы лексических единиц образуют востребованный ресурс для конструирования семантики единения в рассмотренных правовых и политико-правовых текстах. Значительное количество самих единиц, а также частотность их употребления подтверждаются количественными подсчетами, проведенными посредством автоматической обработки текста.

Семантика единения данных групп лексики обусловлена, с одной стороны, непосредственно морфемной структурой слов, и в этом смысле она исходит из языковой системы. С другой стороны, семантика единения формируется контекстуально, за счет сочетаемости выделенных лексических единиц с другими, также носите-

лями семантики единения или близкой к ней семантики взаимности, неединичности, равенства, сближения.

Лексические единицы рассматриваемых групп связаны между собой несколькими дискурсивными механизмами, включая:

1) появление рассматриваемых слов в сочетаниях с одними и теми же коллокатами;

2) появление выделенных лексем вместе в одних и тех же контекстах;

3) вступление ряда лексем в гипо-гиперонимические отношения, когда одна наиболее абстрактная единица (например, *взаимодействие*) выступает контекстуальным гиперонимом по отношению к целому ряду других.

Таким образом, формируется семантическое поле единения, охватывающее и сопряженные области смыслов взаимности, неединичности, равенства, сближения.

С точки зрения репрезентаций, единение конструируется, во-первых, как внутригосударственный атрибут, и в этом случае одним из наиболее важных аспектов единения выступают территориальная целостность и межкультурное взаимодействие; и, во-вторых, как атрибут внешнеполитической деятельности РФ, для которой характерна интеграция в общемировое пространство при одновременном сохранении общероссийской идентичности. Единение имеет положительный аксиологический статус, и в составе словосочетаний единение и отношения реципрокальности между акторами представлены как объект конструирующего воздействия со стороны государства.

Заключение

Информационное поле, в котором живет человека XXI века, актуализирует все виды взаимоотношений современных жителей планеты, и этот экстралингвистический фактор не может не влиять на язык. В последние десятилетия в нем появилось необозримое количество новых слов и выражений, которые называют неизвестные ранее реалии, в том числе связанные с единением людей, например, с общением в сети Интернет (*мемы*), с появлением и развитием новых сфер жизни и, как следствие, новых видов деятельности (*амбассадорство*), с изменениями политической ситуации и новыми событиями, которые обусловили переосмысление значений уже существующих слов (*ватник*).

Человек во все времена стремился к единению с себе подобными по принципу общности территории, профессии, классовой принадлежности, политических, общественных и личных интересов, что также обуславливало в разные исторические периоды появление соответствующих лексем. К новой лексике XXI века относится множество слов и выражений с семантикой единения / единства: *коннектить, воркшоп, инфлюенсер, модератор, блогинг, коворкинг, новая искренность* и др. В то же время ощущается необходимость осмысления и описания уже давно известных языку слов и выражений, которые не получили фиксации в словарях, например, таких как *друг-враг, женская дружба* и др.

Изучение современных текстов позволяет выявить номинации, которые, обозначая объединения людей, в то же время связаны с бунтом, протестом, преступлением и другими подобными совместными действиями. Среди новых языковых фактов также есть те, которые находятся на границе семантики единения и вражды, например, *джинсовая революция*, *женский марш*, *белоленточное движение* и др. С одной стороны, они называют события, связанные с объединением людей, имеющих общие цели, с другой — сами эти цели обусловлены конфликтной ситуацией, сложившейся между группами людей в социуме.

Отдельные факты языка, семантика которых связана с единением людей, изучили и описали авторы предлагаемой вниманию читателей монографии. Между тем задача исчисления лексики с семантикой единения, вероятно, не может быть решена одномоментно, и целесообразной представляется дальнейшая её систематизация с опорой на принципы языковой системы и речевые данные.

Литература

АА — Архив автора.

Авдеева Е. А. Медиавоспитание как ответ на вызовы нашего времени / Е. А. Авдеева // Философия образования. — 2015. — № 2 (59). — С. 85—92.

Алёшина Е. Ю. Факторы регуляции речевого общения в ситуации политического конфликта (на материале английского языка) / Е. Ю. Алёшина // Политическая лингвистика. — 2014. — № 2. — С. 108—113.

Ару А. Семантические преобразования лексемы дружба в моделях концептуальной метафоризации / А. Ару // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. — 2021. — № 55. — С. 9—22. — DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2021-55-3-9-22.

Балясникова О. В. «Свой — чужой» в языковом сознании носителей русской и английской культур : диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.19 / О. В. Балясников. — Москва, 2003. — 224 с.

Барина О. М. Репрезентация концепта «Дружба» в эпистолярной И. С. Тургенева (1850—1858 гг.) / О. М. Барина // Спасский вестник. — 2018. — № 26—2. — С. 34—43.

Бежина А. С. Лингвометодический потенциал концепта «дружба» / А. С. Бежина // В мире научных открытий. — 2010. — № 3—4 (9). — С. 19—22.

Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте : пространство и человек / Е. Л. Березович. — Екатеринбург : ЛИБРОКОМ, 2009. — 328 с. ISBN 5397001015.

Благоева Д. Синонимия в компьютерном жаргоне русского и болгарского языков / Д. Благоева // Электронно списание LiterNet. — 2005. — № 1. (62). — Режим доступа : https://litenet.bg/publish13/d_blagoeva/sinonimija.htm.

Блок М. Феодальное общество / М. Блок ; пер. с фр. М. Ю. Кожевниковой. — Москва : Издательство им. Сабашниковых, 2002. — 504 с. — ISBN 5-8242-0086-6.

Бузарова Е. А. Метафоризация профессиональных фразеологизмов как особый случай вторичной номинации (на примерах

английского и русского языков) / Е. А. Бузарова, С. А. Сасина // Вестник Адыгейского государственного университета. — 2006. — № 3. — С. 176—178.

Вальтер Х. Лексические и фразеологические неологизмы : общее и различное / Х. Вальтер // Мир русского слова. — 2011. — № 2. — С. 14—19.

Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / А. Вежбицкая. — Москва : Языки славянской культуры, 2001. — С. 287 с. ISBN 5-7859-0189-7.

Вешнякова А. В. Лингвокреативный аспект интернет-мемов / А. В. Вешнякова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2016. — № 6 (4). — С. 34—40.

Вицентий И. В. Политическая культура студенчества : по результатам исследования Мурманской области / И. В. Вицентий // Международный журнал исследований культуры. — 2014. — № 1 (14). — С. 76—81.

Водолазов Г. Г. Неогуманизм как ответ на вызовы XXI века / Г. Г. Водолазов, А. А. Глинчикова, Н. В. Деева // Власть. — 2020. — № 1. — С. 218—222.

Выготский Л. С. Мышление и речь / Л. С. Выготский. — Москва : Национальное образование, 2019. — 368 с. — ISBN 978-5-4461-1109-1.

Гаврилова М. В. Дискурсивное конструирование понятия «президент» в русском политическом дискурсе / М. В. Гаврилова // Политическая наука. — 2020. — №2. — С. 87—109.

Гаврилова М. В. Развитие содержательных форм концепта «единство» в русском политическом дискурсе XX—XXI веков / М. В. Гаврилова // Политическая лингвистика. — 2010. — № 4. — С. 13—18.

Гаврилова М. В. Развитие содержательных форм концепта «единство» в русском политическом дискурсе XX—XXI веков / М. В. Гаврилова // Политическая лингвистика. — 2010. — № 4 (34). — С. 13—18.

Гасек Б. Несколько замечаний о мнимых фразеологических эквивалентах (на материале современного русского и польского языков) / Б. Гасек // Поволжский педагогический вестник. — 2019. — Т. 7. — № 2 (23). — С. 13—19.

Генералова Е. В. Избыточность как характерная черта лексико-семантической системы языка Московской Руси / Е. В. Генералова

ва // И. И. Срезневский и русское историческое языкознание : опыт и перспективы : к 205-летию со дня рождения И. И. Срезневского : сборник статей Международной научно-практической конференции (Рязань, 21—23 сентября 2017 г.). — Рязань : Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, 2017. — С. 19—26.

Генералова Е. В. По барабану : лексико-грамматический статус и лексикографическое представление устойчивых двухкомпонентных предложно-падежных сочетаний / Е. В. Генералова // Вопросы лексикографии. — 2021. — № 19. — С. 32—51. — DOI: 10.17223/22274200/19/2.

Генералова Е. В. Русская историческая лексикография: текстоцентрический и словоцентрический подходы / Е. В. Генералова // Вопросы лексикографии. — 2018. — № 13. — С. 7—22.

Глаголев В. С. Гражданское единение России: задачи и проблемы / В. С. Глаголев // Интегративная перспектива в гуманитарных науках. — 2017. — № 1. — С. 43—50.

Голев Н. Д. Дискурсивный словарь диалектной лексики новейшего времени (на материалах Рунета) : инновационный лексикографический проект / Н. Д. Голев // Вопросы лексикографии. — 2019. — № 16. — С. 113—137.

Голованова Е. И. Интернет-мем как элемент визуализации в СМИ / Е. И. Голованова, Н. В. Часовский // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. — 2015. — № 5 (360). — С. 135—141.

Горшков М. К. Молодежь России : социологический портрет / М. К. Горшков, Ф. Э. Шереги. — Москва : ЦСПиМ, 2010. — 592 с.

Григоренко О. В. Неофраземы в современном политическом медиадискурсе / О. В. Григоренко // Известия Воронежского государственного педагогического института. — 2018. — № 2 (279). — С. 151—155.

Громова М. И. Интернет-мем как лингвокультурема современного филологического анализа / М. И. Громова // Мова. — 2015. — № 23. — С. 27—31.

Гусельникова О. В. Новые тенденции во фразеографии / О. В. Гусельникова // Мир науки, культуры, образования. — 2011. — № 5. — С. 297—299.

Дацкевич И. Феномен массовой культуры [Электронный ресурс] / И. Дацкевич. — 2012. — Режим доступа : <https://polutona.ru/books/datskevich-fenomen-p1.pdf> (дата обращения 15.02.2022).

Десятерик Д. Новая искренность [Электронный ресурс] / Дм. Десятерик // Альтернативная культура. Энциклопедия. — 2014. — С. 77. — Режим доступа : <https://info.wikireading.ru/104422> (дата обращения 12.02.2020).

Джигоева В. П. Реализация концептов единство / иудзинад в югоосетинском политическом дискурсе в ситуации русско-осетинского двуязычия / В. П. Джигоева, Т. Ю. Тамерьян // Политическая лингвистика. — 2017. — № 4. — С. 53—59.

Дружиловска Д. М. Некоторые характеристики языковых метафор во фразеологии делового общения на материале русского и польского языков / Д. М. Дружиловска // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия : Филология. Теория языка. Языковое образование. — 2015. — № 3(19). — С. 98—105.

Дубровская Т. В. Дискурсивное конструирование единения в концепции внешней политики РФ : лексика с морфемами меж- / между-, взаим- и обще- (опыт интегративного подхода) / Т. В. Дубровская // Культура и текст. — 2020. — № 4 (43). — С. 196—213.

Дубровская Т. В. Лексика с семантикой единения в тексте Конституции Российской Федерации / Т. В. Дубровская // Язык, культура, коммуникация : изучение и обучение : Материалы IV Международной научно-практической конференции. — Орёл : ОГУ, 2020. — С. 75—80.

Дубровская Т. В. Репрезентации коллективизма в сетевых сообществах / Т. В. Дубровская, Э. И. Юськаева // Антропологический поворот : теории и практики : сборник трудов международной научной конференции. — Орёл : Орловский государственный институт культуры, 2021а. — С. 107—114.

Дубровская Т. В. Семантика коллективного в сетевых сообществах в контексте пандемии / Т. В. Дубровская, Э. И. Юськаева // Политическая лингвистика. — 2021б. — № 6 (90). — С. 106—115.

Дубровская Т. В. Юридический дискурс как предмет социального конструкционизма (конструирование межнациональных отношений) / Т. В. Дубровская // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2016. — № 3. — С. 117—123.

Дубровская Т. В. Конструирование Запада в российском внешнеполитическом дискурсе : политические акторы и стратегии репрезентации / Т. В. Дубровская // Дискурс-Пи. — 2017а. — № 1 (26). — С. 10—21.

Дубровская Т. В. Концептуализация межнациональных отношений в юридическом дискурсе / Т. В. Дубровская // Политический, юридический и массмедийный дискурс в аспекте конструирования межнациональных отношений Российской Федерации : коллективная монография / Т. В. Дубровская, Е. К. Рева, Е. А. Кожемякин, Я. А. Ярославцева, Д. В. Арехина ; под общ.ред. Т. В. Дубровской. — Москва : Флинта : Наука, 2017б. — С. 99—165.

Дудуева Э. А. Сопоставительный анализ атрибутивных слово-сочетаний с лексемами «друг» и «дружба» в русском и английском языках / Э. А. Дудуева, З. Э. Борлакова // Наука и образование : сборник научных статей. — Москва : Перо, 2018. — С. 128—129.

Дягилева Ж. А. Гендерный аспект лингвокультурологического исследования концепта «Freundschaft / Дружба» / Ж. А. Дягилева // Перевод как научный и культурный трансфер : Тезисы докладов и сообщений Международной научно-практической конференции в Орловском государственном институте искусств и культуры, Орёл, 27—28 февраля 2013 года / ответственный редактор А. Г. Пастухов. — Орёл : Орловский государственный институт искусств и культуры, 2013. — С. 38—40.

Евсеева Я. В. Дружба и гендер / Я. В. Евсеева // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11, Социология : Реферативный журнал. — 2021. — № 4. — С. 59—67. — DOI: 10.31249/rsoc/2021.04.04.

Егорова В. И. Гендерные особенности концепта «дружба» (на материале русского и английского языков) / В. И. Егорова // Обучение иностранному языку : современность и перспективы : сборник научных статей региональной научно-методической конференции, посвященной 55-летию Юго-Западного государственного университета и кафедры иностранных языков, Курск, 04—05 октября 2019 года / Юго-Западный государственный университет. — Курск : Юго-Западный государственный университет, 2019. — С. 121—126.

Едалина А. А. Лексика со значением расточительности в русском языке: к проблеме национального характера / А. А. Едалина // Политическая лингвистика. — 2014. — № 1 (47). — С. 229—235.

Елисеева О. В. Механизмы фразеологизации словосочетаний в современном русском языке: автореферат диссертации ... кандидата филологических наук. — Волгоград, 2000. — 23 с.

Епифанова В. В. Комбинаторный потенциал лексемы дружба в русском и немецком языках : сопоставительный анализ /

В. В. Епифанова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2022. — № 2 (165). — С. 212—220.

Еремина Н. К. Лексика и фразеология компьютерного подъязыка : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук / Н. К. Еремина. — Пенза, 2012. — 26 с.

Жаде З. А. Векторы (дез)интеграции в полиэтническом обществе в условиях непосредственного глобального риска / З. А. Жаде // Вестник Адыгейского государственного университета. — 2020. — № 3 (264). — С. 185—190.

Жуков А. В. О потенциальности фразеологических единиц / А. В. Жуков // Пушкинские чтения — 2018. Художественные стратегии классической и новой словесности: жанр, автор, текст : материалы XXIII Международной научной конференции / под редакцией Т. В. Мальцевой. — Санкт-Петербург : Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, 2018. — С. 371—380.

Жукова А. Г. Образ героя в западной и российской социальной рекламе / А. Г. Жукова, Е. А. Картушина, А. С. Мамонтов // Научный диалог. — 2019. — № 12. — С. 21—42.

Заварзина В. А. Новая лексика и фразеология в тематической подсистеме «российское образование» / В. А. Заварзина // Вестник Науки и Творчества. — 2016. — № 5 (5). — С. 162—167.

Замотина Е. И. Межнациональные отношения в юридическом дискурсе : репрезентации и топосы (на примере Конституций России и США) / Е. И. Замотина, Т. В. Дубровская // Политическая лингвистика. — 2016. — № 5 (59). — С. 136—141.

Замотина Е. И. Межнациональные отношения в юридическом дискурсе : репрезентации и топосы (на примере конституций России и США) / Е. И. Замотина, Т. В. Дубровская // Политическая лингвистика. — 2016. — № 5 (59). — С. 136—141.

Зиновьева Н. А. Воздействие мемов на Интернет-пользователей : типология Интернет-мемов / Н. А. Зиновьева // Вестник экономики, права и социологии. — 2015. — № 1. — С. 195—201.

Зиновьева Н. А. Трансляция социокультурных кодов в создании информационного продукта : анализ интернет-мемов : диссертация ... кандидата социологических наук / Н. А. Зиновьева. — Санкт-Петербург, 2016. — 203 с.

Зыкова И. В. Разновидность процесса фразеологизации с позиций лингвокультурологического подхода / И. В. Зыкова // Вест-

ник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2015. — № 22 (733). — С. 79—91.

Иванова С. В. Лингвистическая ресурсная база информационной войны : создание эффекта демонизации / С. В. Иванова // Политическая лингвистика. — 2016. — № 5 (59). — С. 28—37.

Изгаршева А. В. Интернет-мем как медиатекст : лингвистический аспект / А. В. Изгаршева // Вестник Московского государственного областного университета. Серия : Лингвистика. — 2020. — № 5. — С. 86—101. — DOI: 10.18384/2310-712X-2020-5-86-10.

Инкижекова М. С. Национальная политика в Российской Федерации : вопросы достижения духовного единства и патриотической солидарности / М. С. Инкижекова // Вестник Прикамского социального института. — 2018. — № 1 (79). — С. 165—172.

Иссерс О. С. Грани «новой искренности» в современной политической коммуникации / О. С. Иссерс // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия : История, филология. — 2020. — Т. 19. — № 6. — С. 216—227. — DOI: 10.25205/1818-7919-2020-19-6-216-227.

Казакова А. Ю. Гендерные репрезентации друзей (по материалам Яндекс. Дзен) / А. Ю. Казакова // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11, Социология : реферативный журнал. — 2021. — № 4. — С. 39—58. — DOI: 10.31249/rsoc/2021.04.03.

Канашина С. В. Интернет-мем и прецедентный феномен / С. В. Канашина // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2018. — № 4 (193). — С. 122—126. — DOI: 10.23951/1609-624X-2018-4-122-127.

КВП 2016 — *Концепция* внешней политики Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 30 ноября 2016 года № 640) : Сайт Президента России. — Режим доступа : <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451>.

Квят А. Медиамем как инструмент политического PR : когнитивный подход [Электронный ресурс] / А. Квят // Медиаскоп. — 2013. — № 1 (3). — Режим доступа : <http://mediascope.ru/node/1254#24> (дата обращения 16.03.2021).

Кислицина А. Н. Отражение национально-культурных ценностей в рекламе фаст-фуда / А. Н. Кислицина // Актуальные проблемы языка и культуры : традиции и инновации : сборник статей участников III Международной научно-практической конферен-

ции для студентов, магистрантов, педагогов и молодых учёных, Арзамас, 23 ноября 2020 года / науч. редактор Л. Н. Набилкина, отв. редактор Д. Л. Морозов. — Арзамас : Арзамасский филиал федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», 2020. — С. 179—184.

Князев Ю. П. Грамматическая семантика : Русский язык в типологической перспективе / Ю. П. Князев. — Москва : Языки славянских культур, 2007. — 704 с.

Кожемякин Е. А. Предисловие / Е. А. Кожемякин, А. В. Полонский // Современный дискурс-анализ : повестка дня, проблематика, перспективы : коллективная монография. — Белгород : ИД Белгород, 2016. — С. 5—6.

Кожемякин Е. А. Дискурсный подход к изучению институциональной культуры / Е. А. Кожемякин. — Белгород : Изд-во БелГУ, 2008. — 244 с.

Колесов В. В. Гордый наш язык ... / В. В. Колесов. — Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2006. — 352 с.

Колпинец Е. Фигура из пустоты : селебрити как феномен цифровой повседневности / Е. Колпинец // Философско-литературный журнал «Логос». — 2016. — Т. 26. — № 6 (115). — С. 161—188.

Конституция РФ 2020 — Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) : Сайт Президента России. — Режим доступа : <http://kremlin.ru/acts/constitution> (дата обращения 16.03.2021).

Корниенко А. В. Реакция СМИ на «новую политическую искренность» / А. В. Корниенко // Медиа в современном мире. 60-е Петербургские чтения : сборник материалов Международного научного форума. В 2 т., Санкт-Петербург, 30 июня — 02 2021 года. — Санкт-Петербург : Медианапир, 2021. — С. 206—208.

Кошкарлова Н. Н. Аксиологические характеристики дискурса новой чувствительности: как реальность отражается в языке / Н. Н. Кошкарлова // Человек : Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. — 2021. — № 2 (46). — С. 53—68.

Кребель И. А. Эстетика философского текста в ситуации массмедийной искренности / И. А. Кребель // Вестник Омского уни-

верситета. — 2017. — № 4 (86). — С. 66—70. — DOI: 10.25513/1812-3996.2017.4.66-70.

Лаптева М. Л. «Свое» и «Чужое» в когнитивно-дискурсивном пространстве русской фраземики : диссертация ... доктора филологических наук / М. Л. Лаптева. — Астрахань, 2013. — 536 с.

Левакин И. В. Государственное единство России : теоретико-правовое исследование : автореферат диссертации ... доктора юридических наук / И. В. Левакин. — Москва, 2003. — 46 с.

Левонтина И. Б. О чем речь? / И. Б. Левонтина. — Москва : АСТ : CORPUS, 2016. — 512 с.

Леонтьева Т. В. Архаичные именованья друзей : об адъективных атрибутивах *кровные, прямые, мирные* / Т. В. Леонтьева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия : Языкознание. — 2020. — № 19 (6). — С. 58—68. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.6.5>.

Леонтьева Т. В. Лексика дружбы : перспективы изучения / Т. В. Леонтьева // Социокультурное пространство России и зарубежья : общество, образование, язык : научное издание. — 2016. — Выпуск 5. — С. 71—78.

Леонтьева Т. В. Народ и народный певец о дружбе : диссонанс слов и понятий / Т. В. Леонтьева // Пушкин как социокультурный феномен на постсоветском европейском пространстве : сборник статей Международной научно-практической конференции. — Арзамас—Нижний Новгород : Комрат, 2019. — С. 117—129.

Леонтьева Т. В. Концепты *дружба* и *друг* в лексикографической парадигме (проект паремиологического словаря) / Т. В. Леонтьева, В. М. Мокиенко // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2022. — Т. 24. — № 2 (90). — С. 165—176. — DOI: 10.21603/2078-8975-2022-24-2-165-176.

Леонтьева Т. В. Новая общественно-политическая фразеология в русском языке : тенденции развития / Т. В. Леонтьева, А. В. Щетинина // Русистика. — 2022. — Т. 20. — № 2. — С. 186—202. — DOI: 10.22363/2618-8163-2022-20-2-186-202.

Леонтьева Т. В. Репрезентация противоположностей в слове *друг-враг*: контекстный анализ / Т. В. Леонтьева, А. В. Щетинина // Мир русского слова. — 2020. — № 2. — С. 35—39. — DOI: 10.24411/1811-1629-2020-12035.

Леонтьева Т. В. Словарь актуальной лексики единения и вражды в русском языке начала XXI века / Т. В. Леонтьева, А. В. Ще-

тина. — Екатеринбург : Ажур, 2021. — 424 с. — ISBN: 978-5-91256-535-9.

Леонтьева Т. В. Сочетание новая искренность в лексикографическом аспекте / Т. В. Леонтьева, А. В. Щетинина // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 6. — С. 183—201. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-183-201.

Лескинен М. В. Концепт «национальный характер / нрав народа» в языке российской науки второй половины XIX века / М. В. Лескинец // Диалоги со временем. — 2012. — № 39. — С. 148—169.

Лешкова О. В. Мотив (все)народного единения и его истоки как одна из базовых мифологем смутного времени / О. В. Лешкова // Славянский мир : духовные традиции и словесность : сборник материалов международной научной конференции, посвящается 300-летию А. П. Сумарокова, 200-летию А. К. Толстого. — Тамбов : Принт-Сервис, 2017. — С. 48—56.

Липаев А. Что случилось с новыми русскими / А. Липаев // Российское предпринимательство. — 2003. — № 8. — С. 6—9.

Липский Е. Б. Пост-постмодерн : концептуализация идеи современного искусства / Е. Б. Липский // Вестник СПбГУ. Серия 6. — 2012. — Выпуск 2. — С. 41—48.

Лукашкова О. Ю. Концепты друг и враг в русской концептосфере (опыт моделирования) / О. Ю. Лукашкова // Язык и национальное сознание : вопросы теории и методологии / под ред. З. Д. Попова, И. А. Стернин. — Воронеж, 2002. — С. 107—113.

Лысенко Е. Н. Интернет-мемы в коммуникации молодежи / Е. Н. Лысенко // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Социология. — 2017. — № 10 (4). — С. 411—423. — DOI: 10.21638/11701/spbu12.2017.403.

Майер В. С. Неологизмы стриминговой платформы netflix как маркеры современности / В. С. Майер // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 9 : Исследования молодых ученых. — 2018. — №. 16. — С. 38—41.

Маклашова Е. Г. Дискурс этничности в правовом поле национального субъекта Федерации (на материале Республики Саха (Якутия)) / Е. Г. Маклашова // Политическая лингвистика. — 2014. — № 4 (50). — С. 153—156.

Маслова В. А. Лингвокультурология : учебное пособие / В. А. Маслова. — Москва : Academia, 2004. — 204 с.

Медведева А. С. Психологические особенности женской дружбы / А. С. Медведева, Ю. Е. Водяха // Проблемы психологического благополучия : Материалы международной заочной научной конференции, Екатеринбург, 19 марта 2021 года. — Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2021. — С. 297—304.

Мельник Ю. А. Актуальные неологические процессы в русском языке новейшего времени (по материалам социолингвистических интернетпроектов) / Ю. А. Мельник // Неофилология. — 2019. — Т. 5. — № 17. — С. 62—71. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-17-62-71.

Мемепедия — Мемотека «Мемепедия» [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://memepedia.ru/memoteka/> (дата обращения 16.02.2022).

Мемоарсенал — Мемоарсенал [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://www.meme-arsenal.com/memes/387f1418d1fa105017dd2e56426897be.jpg> (дата обращения 10.02.2022).

Михайленок О. М. Концепт согласие в российском политическом дискурсе / О. М. Михайленок // Согласие в обществе как условие развития России. Выпуск 3. Политическое согласие : Стратегии и реальность. — Москва : ИС РАН, 2013. — С. 9—25.

Мокиенко В. М. Проблемы европейской фразеологической неологии / В. М. Мокиенко // Słowo. Tekst. Czas. Mat. VI Międzynarodowej Konferencji Naukowej / Pod red. M. Alek siejenki, W. Mokijenki, H. Waltera. — Szczecin, 2002. — S. 63—79.

Мокиенко В. М. Язык современной русской рекламы : от профессиональной речи к сленгу / В. М. Мокиенко // Сборник статей Пятой Всероссийской конференции «Стратификация национального языка в современном российском обществе» (г. Санкт-Петербург, 28—31 ноября 2015 г.). — Санкт-Петербург : Златоуст, 2015. — С. 159—166.

Морковкин В. В. Большой универсальный словарь русского языка / В. В. Морковкин, Г. Ф. Богачева, Н. М. Луцкая. — Москва : Словари XXI века, 2017. — 1456 с.

Мушинский М. А. Стратегии, концепции, доктрины в правовой системе Российской Федерации : проблемы статуса, юридической техники и соотношения друг с другом / М. А. Мушинский // Юридическая техника. — 2015. — № 9. — С. 488—499.

Национальный вопрос в российском внутриполитическом дискурсе // Международные процессы. — 2011. — Т. 9. — № 3 (27). — С. 85—96.

Никитина О. А. Интернет-мем как мультимодальный феномен немецкоязычного интернет-дискурса / О. А. Никитина, О. А. Гудкова, Ф. Зандер // Язык и культура. — 2018. — № 43. — С. 74—87. — DOI: 10.17223/19996195/43/5.

Никишов Ю. М. Дум высокое стремление : очерки духовной биографии Пушкина : в 4-х томах. — Тверь : Золотая буква, 2003. — Том 1 : 1813—1822. — 565с. — ISBN: 5-00-000872-3.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : www.ruscorpora.ru.

Оводова С. Н. Метамодернистский медиадискурс в современной культуре : от глобального молчания к глубокой искренности / С. Н. Оводова, А. Ю. Жигунов // Вестник Омского университета. — 2020. — Т. 25. — № 4. — С. 94—101. — DOI: 10.24147/1812-3996.2020.25(4).94-101.

Оганисян Ю. С. Проблема толерантности в конфликтном мире : морально-политический контекст / Ю. С. Оганисян // Согласие в обществе как условие развития России. Выпуск 3. Политическое согласие : Стратегии и реальность / отв. ред. О. М. Михайленок. — Москва : ИС РАН, 2013. — С. 26—41.

Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — Москва : Азбуковник, 1997. — 944 с.

Орлова Ю. Е. Структура и содержание женской дружбы / Ю. Е. Орлова, А. Ю. Чернов // IN SITU. — 2022. — № 4. — С. 29—33.

Осколова Т. Л. Сирийская война 2014—2019 : дискурс англоязычных СМИ / Т. Л. Осколова // Дискурс-Пи. — 2020. — № 1 (38). — С. 126—139.

Остапенко Т. С. Причины возникновения тавтологических выражений в речи говорящего / Т. С. Остапенко // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2011. — № 56 (2). — С. 15—18.

Проблемы гражданского единства российской нации : Материалы к Межрегиональной научно-практической конференции-диалогу «Актуальные проблемы укрепления единства российской нации (философско-культурологические, этно-конфессиональные и психолого-педагогические аспекты)». Пермь. 10—11 ноября 2016 г. / отв. ред. М. Г. Писманик ; Пермский государственный институт культуры. — Пермь : Пермский государственный институт культуры, 2016. — 252 с.

Проблемы укрепления единства российской нации : Материалы Всероссийского научно-практического форума с участием

зарубежных ученых «Проблемы укрепления и поддержания гражданского единения в регионе: философско-культурологические, искусствоведческие и религиоведческие аспекты» (Пермь, 17—19 сентября 2014 г.). В 2 ч. / отв. ред. С. А. Никольский, М. Г. Писма-ник. — Пермь : Перм. гос. акад. искусства и культуры, 2014. — 348 с.

Пушкин А. С. Полное собрание сочинений : в 10 томах / А. С. Пушкин ; АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом) ; текст проверен и примеч. сост. Б. В. Томашевским. — 4-е изд. — Ленинград : Наука. Ленингр. отд-ние, 1977—1979. — Т. 1—10.

Пушкин И. И. Записки о Пушкине / И. И. Пушкин // Пушкин в воспоминаниях современников : в двух томах. — 3-е изд., доп. — Санкт-Петербург : Академический проект, 1998. — Т. 1. — 1998. — С. 60—100.

Пятаева Н. В. Понятие лексического гнезда в современной лингвистике (к проблеме квалификации и классификации) / Н. В. Пятаева // Филологический класс. — 2003. — № 9. — С. 41—48.

Рачипа А. В. Феномен исторической памяти и проблемы формирования ценностей и ориентаций молодежи в современной системе управления / А. В. Рачипа, В. В. Бурьков // Известия Южного федерального университета. Технические науки. — 2013. — № 1 (138). — С. 220—226.

Рашкофф Д. Медиавирус! = Media virus! : Как попкультура тайно воздействует на ваше сознание / Д. Рашкофф ; пер. с англ. Д. Борисов. — Москва : Ультра-культура, 2003. — 363 с. — ISBN 5-98042-012-6.

Ребрина Л. Н. Интернет-мемы 2019—2021 годов как актуальный феномен интернет-коммуникации : смыслы единения и разобщения / Л. Н. Ребрина // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 6. — С. 235—267. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-235-267.

Реттих Д. А. Пересечение функционально-семантического и лексико-семантического полей в рамках одного абзаца как характерный признак экстремистского текста / Д. А. Реттих // Юрислингвистика. — 2015. — № 4. — С. 56—63.

Рисовач — Рисовач.Ру. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://risovach.ru/>? (дата обращения 02.02.2022).

Робсон Д. Антисоциальная сеть : чем опасны друзья-враги? [Электронный ресурс] // BBC Future. 2015. — Режим доступа : https://www.bbc.com/ukrainian/vert_fut_russian/2015/12/151210_ru_vert_fut_why_you_love_to_hate_some_friends (дата обращения: 12.05.2020).

Роггевеен Б. Риторика искренности в современной России [Электронный ресурс] / Б. Роггевеен, Э. Руттен ; перевод Е. Иванушкиной // Новое литературное обозрение. — 2020. — № 132. — Режим доступа : https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyuzapras/132_nz_4_2020/article/22860/ (дата обращения 11.02.2020).

Руженцева Н. Б. Межнациональный дискурс : модель в контексте эпохи / Н. Б. Руженцева, Ю. А. Антонова. — Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2013. — 292 с.

Русакова О. Ф. Оценки Октябрьской революции в официальном дискурсе политики памяти / О. Ф. Русакова, Е. Д. Кочнева // Дискурс-Пи. — 2017. — № 3—4 (28—29). — С. 17—30.

Русская грамматика. Т. I. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. — Москва : Наука, 1980. — 789 с.

Ручкин Б. А. Российское общество : патриотизм XXI века / Б. А. Ручкин // Философия и современность. — 2015. — № 1. — С. 52—70.

Савицкая Т. Е. Интернет-мемы как феномен массовой культуры / Т. Е. Савицкая // Культура в современном мире. — 2013. — № 3. — С. 3.

Савчук В. В. Идеология постинформационной искренности [Электронный ресурс] / В. В. Савчук // Художественный журнал. — 2000. — № 30—31. — Режим доступа : <http://moscowartmagazine.com/issue/80/article/1741> (дата обращения 10.01.2020).

Сапиева С. К. Концепт Кавказ в российском лингвокультурном пространстве: когнитивно-дискурсивный аспект : диссертация ... кандидата филологических наук / С. К. Сапиева. — Майкоп, 2015. — 227 с.

САР — *Словарь Академии Российской*, по азбучному порядку расположенный : в 6 частях [2-е изд.]. — Санкт-Петербург : Императорская академия наук ; Тип. В. Плавильщикова, 1806—1822. — Ч. 4 : О-П. — 1822. — 1536 стб.

Сауткина В. А. Общественный запрос на солидарность : историческая ретроспектива и современная реальность / В. А. Сауткина // Южно-российский журнал социальных наук. — 2019. — № 20 (2). — С. 70—85.

Свиридова А. В. Некоторые аспекты развития фразеологической науки / А. В. Свиридова // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. — 2013. — № 7. — С. 207—213.

СГНП 2012 — *Стратегия* государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. — Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102161949>.

Синкевич Д. А. Атрибутивные конструкции в современной лингвистике : проблемы определения и анализа / Д. А. Синкевич // Актуальные вопросы современной науки. — 2010. — № 12. — С. 239—248.

Словарь русского языка коронавирусной эпохи / сост. Е. С. Громенко [и др.], отв. ред. М. Н. Приемышева. — Санкт-Петербург : Институт лингвистических исследований РАН, 2021. — 550 с.

СЛРЯ — *Словарь* русского языка : в 4 томах / под ред. А. П. Евгеньевой. — Москва : Русский язык; Полиграфресурсы, 1999. — Т. 1—4.

СНБ 2015 — *Стратегия* национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. №683) [Электронный ресурс] // Некоммерческая интернет-версия компьютерной справочной правовой системы «Консультант-Плюс». — Режим доступа : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/.

СНБ 2021 — *Стратегия* национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400) [Электронный ресурс] // Некоммерческая интернет-версия компьютерной справочной правовой системы «Консультант-Плюс». — Режим доступа : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/.

Согласие в обществе как условие развития России. Выпуск 3. Политическое согласие : Стратегии и реальность / отв. ред. О. М. Михайленок. — Москва : ИС РАН, 2013. — 293 с.

Солопова О. А. Диахронический анализ метафор в британском корпусе текстов : колокола Победы и Russia's V-day / О. А. Солопова, А. П. Чудинов // Вестник Российского университета Дружбы народов. Серия : Лингвистика. — 2018. — Т. 22. — № 2. — С. 313—337.

СРЯ XI—XVII — *Словарь* русского языка XI—XVII вв. — Москва : Наука, 1975—2015. — Вып. 1—30. — Вып. 21. — 1995. — 280 с.

СРЯ XVIII — *Словарь* русского языка XVIII вв. / АН СССР. Ин-т рус. яз. ; гл. ред. : Ю. С. Сорокин. — Ленинград : Наука. Ленингр. отделение, 1984—1991. — Вып. 1—6; Санкт-Петербург : Наука. С.-Петерб. отделение, 1992—2007. — Вып. 7—17.

ССРЛЯ — *Словарь* современного русского литературного языка : в 17 томах. — Москва : Наука ; Ленинград : Издательство АН ССР, 1948—1965. — Т. 1—17.

Сухарева К. А. Манипулятивный потенциал этнонима «русский» и соответствующих отэтнонимических дериватов, участвующих в вербализации прецедентных феноменов в рекламе и рекламной номинации / К. А. Сухарева // *Успехи современной науки и образования*. — 2017. — Т. 4, № 2. — С. 110—114.

Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка : в 2 т. / А. Н. Тихонов. — Москва : Русский язык, 1990. — Т. 1. — 856 с.

Урысон Е. В. Друг, товарищ, приятель / Е. В. Урысон // *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка*. 2-е изд-е, испр. и доп. — Москва : Языки русской культуры, 2003. — С. 297—299.

ФЗ 1995 — *Федеральный закон* от 13 марта 1995 года № 32-ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России» [Электронный ресурс] // Некоммерческая интернет-версия компьютерной справочной правовой системы «КонсультантПлюс». — Режим доступа : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5978/.

Фортунатов А. Н. Цифровые компетенции и технологии новой искренности в эпоху Web 4.0 / А. Н. Фортунатов, Н. Г. Воскресенская // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия : Литературоведение, журналистика. — 2021. — Т. 26. — № 2. — С. 276—285. — DOI: 10.22363/2312-9220-2021-26-2-276-285.

ФЦП 2001 — *Федеральная целевая программа* «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе (2001-2005 годы)» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. — Режим доступа : <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=201009029>

Халилова Е. К. Этимологическое содержание оппозиции «друг — враг» в разных этнических языковых и концептуальных системах / Е. К. Халилова // *Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий*. — 2013. — № 2 (6). — С. 100—103.

Чернова О.Е. «Мир никогда не будет прежним» : актуальные фразеологизмы в период пандемии коронавируса / О. Е. Чернова, А. А. Осипова, Н. В. Позднякова // *Научный диалог*. — 2021. — № 5. — С. 140—153. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-5-140-153.

Чурилина Л. Н. Интернет-дискурс как среда формирования новой фразеологии / Л. Н. Чурилина // *Вестник Череповецкого госу-*

дарственного университета. — 2020. — № 3 (96). — С. 126—135. DOI: 10.23859/1994-0637-2020-3-96-11.

Шведова, 2011 — *Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов* / ред. Н. Ю. Шведова. — Москва : Азбуковник, 2011. — 1175 с. — ISBN 978-5-91172-049-0.

Шипицина Г.М. Фразеологизация свободных словосочетаний в русском языке XXI века / Г. М. Шипицина // Вестник Брянского государственного университета. — 2010. — № 2. — С. 236—239.

Шмелев А. Д. Дружба в русской языковой картине мира // Зализняк А. Ключевые идеи языковой картины мира / А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. — Москва : Языки славянской культуры, 2005. — С. 289—303.

Шубина Е. В. Мужская дружба : женский путеводитель по лабиринту логики / Е. В. Шубина. — Санкт-Петербург : ВЕСЬ, 2004. — 114 с. — ISBN 5-9573-0286-4.

Шулежкова С. Г. Русские и болгарские фразеологические неологизмы как объект словарного описания / С. Г. Шулежкова // Научный диалог. — 2019. — № 9. — С. 173—189. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-9-173-189.

Щебланова В. В. Дискурсы городского сообщества интернет-мемов : между конструктивной и деструктивной гражданской активностью молодёжи / В. В. Щебланова, Л. В. Логинова, И. Ю. Суркова // Праґма. — 2020. — № 3 (25). — С. 136—155. — DOI: 10.23951/2312-7899-2020-3-136-155.

Щетинина А. В. Женская дружба : анализ медиадискурса для составления словарной дефиниции / А. В. Щетинина, А. С. Семёхина // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 9.

Щетинина А. В. Идеографический словарь русской социальной лексики : государство, власть, внутренняя политика / А. В. Щетинина. — Екатеринбург : Ажур, 2018. — 768 с.

Щетинина А. В. Языковая репрезентация идеи национального единения в медийном дискурсе / А. В. Щетинина, А. С. Семёхина // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2021. — № 1 (213). — С. 18—27.

Щурина Ю. В. Интернет-мемы как феномен интернет-коммуникации / Ю. В. Щурина // Научный диалог. — 2012. — № 3. — С. 161—173.

Юдина Н. В. Лексическая сочетаемость в когнитивном аспекте (на материале конструкции «прилагательное + существитель-

ное») : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.02.19 / Н. В. Юдина. — Москва, 2006. — 40 с.

Юсупова С. М. Ценность свободы во фразеологии / С. М. Юсупова // Вестник Московского университета. Серия 22 : Теория перевода. — 2017. — № 2. — С. 86—93.

Ягодкина М. В. Отражение языковой национальной картины мира в рекламе / М. В. Ягодкина // ART LOGOS. — 2017. — № 1. — С. 198—206.

Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности / отв. ред. И. Т. Вепрева, Н. А. Купина, О. А. Михайлова. — Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2006. — Выпуск 20. — 562 с.

Ян Ен Лан. Эволюция системы нравственных ценностей в лирике А. С. Пушкина : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Ян Ен Лан ; Санкт-Петербургский государственный университет. — Санкт-Петербург, 2006. — 23 с.

Яремчук Е. А. Языковая реализация концепта «дружба» в словосочетаниях русского, испанского и английского языков / Е. А. Яремчук // In Situ. — 2022. — № 1. — С. 35—38.

Al Saeed N. The language of Egyptian interrogations : a study of suspects' resistance to implicatures and presuppositions in prosecution questions / N. Al Saeed // Legal Pragmatics / D. Kurzon, B. Kryk-Kastovsky (eds.). — Amsterdam, Philadelphia : John Benjamins, 2018. — Pp. 157—179.

Askanius T. On Frogs, Monkeys, and Execution Memes : Exploring the Humor-Hate Nexus at the Intersection of Neo-Nazi and Alt-Right Movements in Sweden / T. Askanius // Television & new media. — 2021. — № 22 (2). — Pp. 147—165. — DOI: 10.1177/1527476420982234.

Aslan E. Days of our 'quarantined' lives Multimodal humour in COVID-19 internet memes / E. Aslan // Internet pragmatics. — 2021. — DOI: 10.1075/ip.00075.asl.

Baker P. Key terms in discourse analysis / P. Baker, S. Ellece. — London : Continuum, 2011. — 234 p.

Baxter J. Outside in-group and out-group identities? Constructing male solidarity and female exclusion in UK builders' talk / J. Baxter, K. Wallace // Discourse & Society. — 2009. — № 20 (4). — Pp. 411—429.

Benke G. The discursive construction of individual memories : How Austrian "Wehrmacht" soldiers remember WWII / G. Benke, R. Wodak // Re/reading the past. Critical and functional perspectives on time and value / J. R. Martin, R. Wodak (eds.). — Amsterdam : John Benjamins, 2003. — Pp. 115—138.

Berezan O. The pursuit of virtual happiness: Exploring the social media experience across generations / O. Berezan, A. S. Krishen, Sh. Agarwal, P. Kachroo // *Journal of Business Research*. — 2018. — № 89. — Pp. 455—461. DOI: 10.1016/j.jbusres.2017.11.038.

Bliss C. A. Twitter reciprocal reply networks exhibit assortativity with respect to happiness / C. A. Bliss, I. M. Kloumann, K. D. Harris, C. M. Danforth, P. Sh. Dodds // *Journal of Computational Science*. — 2012. — № 3 (5). — Pp. 388—397. DOI: 10.1016/j.jocs.2012.05.001.

cdn1 [Electronic resource]. — Access mode : <http://cdn01.ru/files/users/images/88/41/8841692fbba96b9f93a298cf61dc710f.jpg> (accessed 02.02.2022).

cdn2 [Electronic resource]. — Access mode : <http://cdn01.ru/files/users/images/50/3b/503bf462617b3dbda1def383f45f22a6.jpg>; май 2021 (accessed 02.02.2022).

del-Teso-Craviotto M. Words that matter : Lexical choice and gender ideologies in women's magazines / M. del-Teso-Craviotto // *Journal of Pragmatics*. — 2006. — № 38 (11). — Pp. 2003—2021. DOI: org/10.1016/j.pragma.2005.03.012.

demotions — *demotions.ru* [Electronic resource]. — Access mode : https://demotions.ru/uploads/posts/2020-05/1589252822_Tut-i-ska-zochke-kone_demotions.ru.jpg (accessed 10.02.2022).

Díaz C. Defining and characterizing the concept of Internet Meme / C. Díaz, C. Mauricio // *CES Psicología*. — 2013. — T. 6. — № 2. — Pp. 82—104. — DOI: 10.21615/2642.

Diržytė A. Associations between happiness, attitudes towards creativity and self-reported creativity in Lithuanian youth sample / A. Diržytė, T. Kačerauskas, A. Perminas // *Thinking Skills and Creativity*. — 2021. — № 40. — Pp. 100826. — DOI: 10.1016/j.tsc.2021.100826.

Djafarova E. 'Instagram made Me buy it' : Generation Z impulse purchases in fashion industry / E. Djafarova, T. Bowes // *Journal of Retailing and Consumer Services*. — 2021. — Vol. 59. — Pp. 102—345. — DOI: 10.1016/j.jretconser.2020.102345.

Dubrovskaya T. Media construction of Russia's international relations: specifics of representations / T. Dubrovskaya, E. Kozhemyakin // *Critical Discourse Studies*. — 2017. — Vol. 14, Iss. 1. — Pp. 90—107.

Dubrovskaya T. Representations of ideological and cultural values in modern Russian political discourse / T. Dubrovskaya, T. Kharlamova // *Philologia Hispalensis*. — 2012. — No. 26 / 1—2. — Pp. 107—127.

Dynel M. Fidelis ad mortem : multimodal discourses and ideologies in Black Lives Matter and Blue Lives Matter (non)humorous memes [Electronic resource] / M. Dynel, F. I. M. Poppi // Information communication & society. — 2021. — DOI: 10.1080/1369118X.2021.1993958.

Erlehnmann N. Internet-Meme. Kurz und geek / N. Erlehnmann, Ch. Plomlompom. — Köln : O'Reilly, 2013. — 236 S. — ISBN 978-3-86899-805-4.

Eyre D. P. Shaping the zeitgeist : Influencing social processes as the center of gravity for strategic communications in the twenty-first century / D. P. Eyre, J. R. Littleton // Public Relations Review. — 2012. — № 38 (2). — Pp. 179—187. DOI: 10.1016/j.pubrev.2012.01.006.

Fishki — *Fishki.net* [Electronic resource]. — Access mode : <https://fishki.net/3263688-millennialy-izobreli-v-seti-smejutsja-nad-popytkami-vydaty-staroe-za-novoe/gallery-7590138-millennialy-izobreli-avosyku-photo.html> (accessed 16.02.2022).

Fitzgerald J. D. Not Your Mother's Morals : How the New Sincerity is Changing Pop Culture for the Better / D. J. Fitzgerald. — Bondfire Books, 2013. — 40 p.

Gilmore C. W. The Fourth Estate is dead, long live the Fourth Estate : A new military mindset for a rapidly evolving communication environment / C. W. Gilmore, R. R. Osial // Public Relations Review. — 2012. — № 38 (2). — Pp. 208—213. — DOI: 10.1016/j.pubrev.2011.10.002.

Goddard C. The lexical semantics of culture / C. Goddard // Language Sciences. — 2005. — № 27 (1). — Pp. 51—73. DOI: 10.1016/j.langsci.2004.05.001.

Hagen S. 'Who is /ourguy/?' : Tracing panoramic memes to study the collectivity of 4chan/pol [Electronic resource] / S. Hagen // New media & society. — 2022. — Access mode : <https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/14614448221078274> (accessed 17.02.2022). — DOI: 10.1177/14614448221078274.

Hagtvedt L. P. Curiosity made the cat more creative : Specific curiosity as a driver of creativity / L. P. Hagtvedt, K. Dossinger, S. H. Harrison, Li. Huang // Organizational behavior and human decision processes. — 2019. № 150. — Pp. 1—13. DOI: 10.1016/j.obhdp.2018.10.007.

Hartmann F. Meme : Die Kunst des Remix / F. Hartmann. — Berlin : Amadeo Antonio Stiftung, 2017. — 33 S.

Hodge R. Language as ideology / R. Hodge, G. Kress. — London : Routledge and Kegan Paul, 1993. — 163 p.

Höög C. N. Core values in public administration : tools for openness and democracy? / C. N. Höög // *Critical Approaches to Discourse Analysis across Disciplines*. — 2020. — Vol. 11 (2). — Pp. 213—234.

ic.pics [Electronic resource]. — Access mode : https://ic.pics.livejournal.com/guran_ussury/65534952/417996/417996_600.jpg (accessed 10.02.2022).

irancartoon — *irancartoon.com* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.irancartoon.com/site/media/cache/3e/08/3e0864b975625abbd2926fa1cc4a10a2.jpg> (accessed 10.02.2022).

Johnson A. “How came you not to cry out?” Pragmatic effects of negative questioning in child rape trials in the Old Bailey Proceedings 1730—1798 / A. Johnson // *Legal Pragmatics* / D. Kurzon, B. Kryk-Kastovsky (eds.). — Amsterdam, Philadelphia : John Benjamins, 2018. — Pp. 41—64.

Know Your Meme — *Memomeka* «Know Your Meme» [Electronic resource]. — Access mode : <https://knowyourmeme.com/photos/1797676-2meirl4meirl> (accessed 10.02.2022).

Lipovsky C. Constructing affiliation and solidarity in job interviews / C. Lipovsky // *Discourse & Communication*. — 2008. — № 2(4). — Pp. 411—432.

litvek — *litvek.com* [Electronic resource]. — Access mode : https://litvek.com/icl/i/73/550573/i_011.jpg (accessed 02.02.2022).

Lukacs G. Internet Memes as Protest Media in Populist Hungary / G. Lukacs // *Visual anthropology review*. — 2021. — № 37 (1). — Pp. 52—76.

Lukacs G. The gender of the meme : women and protest media in populist Hungary / G. Lukacs // *Feminist media studies*. — 2022. — Pp. 1—16. — DOI: 10.1080/14680777.2021.2018007.

Mango O. Enacting solidarity and ambivalence : Positional identities of Arab American women / O. Mango // *Discourse Studies*. — 2010. — № 12 (5). — Pp. 649—664.

Martynyuk A. Socio-pragmatic potential of (verbo)-visual metaphonymy in Internet memes featuring Donald Trump / A. Martynyuk, O. Meleshchenko // *Metaphor and the social world*. — 2021. — № 12 (1). — Pp. 69—91. — DOI: 10.1075/msw.20010.mar.

Medialeaks — *medialeaks.ru* [Electronic resource]. — Access mode : <https://medialeaks.ru/2312ndi-txt-we-are-different/> (accessed: 16.02.2022).

MemesMix — *Memomeka* «MemesMix». [Electronic resource]. — Access mode : <http://memesmix.net/media/created/ffhyb0.jpg> (accessed 10.02.2022).

Miltner K. M. There's no place for lulz on LOLCats : The role of genre, gender, and group identity in the interpretation and enjoyment of an Internet meme / K. M. Miltner // *First Monday*. — 2014. — № 19 (8). — Pp. 21—43. — DOI: 10.5210/FM.V19I8.5391.

Mitos e imaginarios del activismo digital feminista. Análisis de memes de la cibercampaña #FuckGenderRoles [Electronic resource] / S. Sola-Morales, M. Hernández-Conde, S. Arencón-Beltrán, F. Sierra Caballero // *Teknokultura. Revista de Cultura Digital y Movimientos Sociales*. — 2022. — № 19 (1). — Pp. 43—54. — Access mode : <https://revistas.ucm.es/index.php/TEKN/article/view/76690/4564456559537> (accessed 17.02.2022). <https://doi.org/10.5209/tekn.76690/>.

Mortensen M. The playful politics of memes / M. Mortensen, C. Neumayer // *Information communication & society*. — 2021. — № 24 (16). — Pp. 2367—2377. — DOI: 10.1080/1369118X.2021.1979622.

Osterroth A. Das Internet-Meme als Sprache-Bild-Text / A. Osterroth // *Image*. — 2015. — № 22. — S. 26—46.

Pantti M. The value of emotion : An examination of television journalists' notions on emotionality / M. Pantti // *European Journal of Communication*. — 2010. — № 25 (2). — Pp. 168—181.

Parepa L.-A. Rebuilding national unity through discourse in China : strategic narrative and concordance / L.-A. Parepa // *TIPA. Travaux interdisciplinaires sur la parole et le langage* [Electronic resource]. — 2017. — № 33. — Режим доступа : <http://journals.openedition.org/tipa/1871>.

Paz M. A. From Polarization to Hate : Portrait of the Spanish Political Meme / M. A. Paz, A. Mayagoitia-Soria, J. M. Gonzalez-Aguilar // *Social media + society*. — 2021. — № 7 (4). — DOI: 10.1177/20563051211062920.
rusdemotivator — *rusdemotivator.ru* [Electronic resource]. — Access mode : <http://rusdemotivator.ru/uploads/02-06-12/1328541764-splotchennost.jpg> (accessed 10.02.2022).

Safonova T. What Metaphors Hide : Pest Control and Anti-Migrant Sentiments in a Hungarian Village / T. Safonova // *Laboratorium : Russian Review of Social Research*. — 2020. — № 12 (3). — Pp. 5—25. — DOI: 10.25285/2078-1938-2020-12-3-5-25.

Sánchez-Bernardos M. L. Personality correlates of fantasy proneness among adolescents / M. L. Sánchez-Bernardos, M. D. Avia // *Personality and Individual Differences*. — 2004. — № 37 (5). — Pp. 1069—1079. DOI:10.1016/j.paid.2003.11.015.

Schneider K. P. When is an insult a crime? On diverging conceptualizations and changing legislation / K. P. Schneider,

D. Zielasko // The pragmatic turn in law. Inference and interpretation in legal discourse / J. Giltrow and D. Stein (eds.). — Boston, Berlin : De Gruyter Mouton, 2017. — Pp. 187—204.

Shifman L. Memes in a Digital World : Reconciling with a Conceptual Troublemaker / L. Shifman // Journal of Computer-Mediated Communication. — 2013. — № 18. — Pp. 362—377. — DOI: 10.1111/jcc4.12013.

Smith A. O. Memetics as informational difference : offering an information-centric conception of memes / A. O. Smith, J. Hemsley // Journal of documentation. — 2021. — DOI: 10.1108/JD-07-2021-0140.

Sowińska A. A critical search for values in George W. Bush's State of the Union addresses / A. Sowińska. — Frankfurt am Main : Peter Lang, 2015. — 270 p.

Sowińska A. Discursive construction and transformation of 'us' and 'them' categories in the newspaper coverage on the US anti-ballistic missile system: Polish versus Russian view / A. Sowińska, T. Dubrovskaya // Discourse & Communication. — 2012. — № 6 (4). — Pp. 449—468.

sun9-14 [Electronic resource]. — Access mode : <https://sun9-14.userapi.com/sun9-88/impf/hh5gfXDowMNblfzcAKQtU6Q-jKNp4royfH-s1Ag/gm6jOp1Q7VY.jpg?size=556x604&quality=95&sign=a41bef1b01b647a46616c81fe1cd4227&type=album> (accessed 10.02.2022).

Timmer N. Do You Feel It Too? : The Post-Postmodern Syndrome in American Fiction at the Turn of the Millennium. (Postmodern Studies) / N. Timmer. — Amsterdam, New York, NY : Rodopi, 2010. — 390 p.

twimg — *pbs.twimg.com* [Electronic resource]. — Access mode : <https://pbs.twimg.com/media/EZAmvceWoAIq-q.jpg> (accessed 02.02.2022).

VK — *vk.com* [Electronic resource]. — Access mode : <https://vk.com/wall> (accessed 10.02.2022).

Vlachopoulou X. Psychose et (con)fusion homme / machine : des réalités virtuelles inquiétantes / X. Vlachopoulou, É. Gontier, S. Missonnier // Annales Médico-psychologiques, revue psychiatrique. — 2015. — 173 (8). — Pp. 721—723. — DOI: 10.1016/j.amp.2015.07.022.

Vogel F. Calculating legal meanings? Drawbacks and opportunities of corpus-assisted legal linguistics to make the law (more) explicit / F. Vogel // The Pragmatic Turn in Law. Inference and Interpretation in Legal Discourse / J. Giltrow, D. Stein (eds.). — Boston, Berlin : De Gruyter Mouton, 2017. — Pp. 287—306.

Wu Ya. COVID-19 and viral anti-Asian racism : A multimodal critical discourse analysis of memes and the racialization of the COVID-19 pandemic / Wu Ya, M. Wall // Journal of contemporary chinese art. — 2021. — № 8 (2—3). — Pp. 107—127. — DOI: 10.1386/jcca_00040_1.

zen.yandex — *zen.yandex.ru* [Electronic resource]. — Access mode : <https://zen.yandex.ru/media/> (accessed 10.02.2022).

Zenner E. The social meaning potential of loanwords : Empirical explorations of lexical borrowing as expression of (social) identity [Electronic resource] / E. Zenner, L. Rosseel, A. S. Calude // Ampersand. — 2019. — № 6. — DOI: 10.1016/j.amper.2019.100055.

Zidani S. Messy on the inside : internet memes as mapping tools of everyday life / S. Zidani // Information communication & society. — 2021. — № 24 (16). — Pp. 2378—2402. — DOI: 10.1080/1369118X.2021.1974519.

Научное издание

ЛИКИ ЕДИНЕНИЯ В ЯЗЫКЕ И ДИСКУРСЕ

Монография

Анастасия Сергеевна Семехина
Анна Викторовна Щетинина
Анна Николаевна Кислицина
Лариса Николаевна Ребрина
Татьяна Валерьевна Леонтьева
Татьяна Викторовна Дубровская

Художник-иллюстратор:
Татьяна Викторовна Дубровская

Подписано в печать 29.11.2022. Формат 60×84/16.
Усл. печ. л. 17,03. Уч.-изд. л. 10,83.
Тираж 500 экз. Заказ № 29/11-1.

Отпечатано в ООО «Издательский Дом «Ажур».
620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 54.
Тел. (343) 350-78-28, 350-78-49.

В монографии представлены результаты изучения слов, выражений, текстов, выражающих идею единения. Через анализ языковых данных в данной книге исследуются такие феномены, как дружба (эталонное единение, поскольку в традиционном понимании она характеризуется безусловностью), некоторые новые коммуникативные практики цифрового общества (мемы общественной поддержки, явление «шипперства» и концепция новой искренности) и национальное единение (оно составляет основу государственности и находит выражение в различных дискурсах).

Книга адресована специалистам в области лингвокультурологии, социолингвистики, когнитивной лингвистики, этнолингвистики, другим ученым гуманитарного профиля, журналистам и всем, кто с интересом и чуткостью наблюдает за языковыми явлениями.

